

МОСКОВСКИЙ ДОМ
Современная поэзия и проза

ПРОГУЛКА ПО ИГРЕ

МОССАЛИТ

2017

УДК 82-3.161.1
ББК 84 (2Рус)6
М52

ISSN 2078-0230

**Издательский проект «Московский Дом»
Московского салона литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru**

Предисловие
Ольга Грушевская
Евгения Худякова

© Московский салон литераторов, 2017
© Авторы сборника, 2017

Вместо предисловия

Так жизнь – это серьезно или нет?

Великие восклицают: «Жизнь есть игра, а люди в ней актеры...»

Мудрые им вторят, советуют ни к чему серьезно не относиться, смотреть на происходящее со стороны, как на арену цирка.

Цирк? Тогда почему с печальным концом?

«Жизнь есть движение, а не “печальный конец”, – объясняют Уверенные. – Жизнь – урок в игровой форме. Уроки поднимают нас на новый духовный уровень, делают совершеннее, и неважно, ошибаемся мы или нет».

Что ж, хорошо. А игра предполагает опыт? Помогает он игроку или обременяет?

«Мы меняем “биологические костюмы”, закрываем одни двери, открываем другие, – улыбаются Опытные. – Безграничный разум не знает потерь. Мы не можем ничего потерять: нам принадлежит все – и ничего. Жизнь – это приобретение, жизнь – это опыт, жизнь – это продолжение. А опыт в дороге лишь помогает».

Так, выяснили. А игра эта индивидуальная или командная? Кто устанавливает правила, и что будет, если правила нарушают, и вообще – есть ли они, эти правила?

«Конечно, есть правила! – восклицают Знающие. – Понаблюдайте, проанализируйте, их – масса, все работают!»

Ах вот оно что! Тогда это игра на интерес, и что на кону? И, наконец, кого можно считать победителем и проигравшим?

«Игра на интерес идет у тех, кто готов учиться, – утверждают Уверенные. – Соблюдая правила, нам легче добиться успеха, счастья и изобилия. Стремящийся к добру и знаниям знает, как воплотить их посредством желания.

Тот, кто вышел на новый виток, сможет послужить людям, стать сотворцом новых задач. Проигрывающий же бесконечно возвращается на старый виток неудач. “Быть или не быть”. Выигрывать или проигрывать».

Быть или не быть?! Ах, так значит, все серьезно! А насколько? Где та степень счастья или страдания, начиная с которой надо все принимать «близко к сердцу»?

«Любая игра требует эмоций, – говорят Балансирующие, – однако нужно уметь держать дистанцию между внешним и внутренним, соблюдать баланс, что доступно лишь некоторым».

И все-таки...

Жизнь – игра или это серьезно?

Ответ на этот вопрос и многие другие, с ним связанные, попытаются дать авторы Московского салона литераторов в новом ежегодном сборнике «Московский Дом», выпуск 8, который так и называется: «Прогулка по игре».

В сборник также вошли произведения победителей конкурса МОССАЛИТа «Жизнь – игра», который прошел на литературном портале «Что хочет автор» в конце 2016 – начале 2017 года.

Так прогуляемся?

*Евгения Худякова
Ольга Грушевская*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

<i>Игорь Бурдонов</i>	7
ИГРА	8
<i>Микаел Абаджянц</i>	14
СВЕТ И ТЕНИ	15
ЧЕЛОВЕК ЗА СТЕКЛОМ	23
ПОСЛЕДНИЙ СОН ПИСАТЕЛЯ	31
ЕРЕВАНСКИЕ НИЩИЕ	34
<i>Ольга Грушевская</i>	38
«ТОТ ДИВНЫЙ МИР ...»	39
СОНЕТ ПОРИЗОВСКОГО	56
<i>Джон Маверик</i>	63
КОШКА СДОХЛА, ХВОСТ ОБЛЕЗ...	64
<i>Мари Веглинская</i>	71
ОТЕЦ	72
ОЖИДАНИЕ	89
<i>Всеволод Круж</i>	93
ВСЕГО ЛИШЬ ИГРА	94
ОДИНОКИЙ ВОЛШЕБНИК	110
<i>Ольга Дёмина (Рыбакова)</i>	117
В ДЕВЯТЬ УТРА	118
ТРЕХЦВЕТНОЕ СЧАСТЬЕ	123

<i>Ольга Уваркина</i>	127
ОТКОС	128
МАЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОК	134
КУКЛА	139

ПОЭЗИЯ

<i>Анна Народицкая</i>	145
-------------------------------	-----

<i>Мария Панфилова</i>	154
-------------------------------	-----

<i>Евгений Агуф</i>	162
----------------------------	-----

<i>Сергей Ворошилов</i>	167
--------------------------------	-----

<i>Евгения Худякова</i>	170
--------------------------------	-----

<i>Наталья Пунина-Орлова</i>	180
-------------------------------------	-----

ПРОЗА

Игорь Бурдонов

Начало «Игры» написано во второй половине 60-х годов, когда я ещё не имел привычки помечать исписанные листы годом, месяцем и числом. Точное указание даты (и желательно, часа и минуты) – один из признаков игры. Я бы даже сказал, симптомов. Но тогда, 50 лет назад, я этого ещё не знал. Я выкопал текст из архива, отряхнул пыль и дописал до логического конца. Это было не просто: дописать так, чтобы получились простые числа: 19 абзацев, 1579 слов, 8707 знаков и 10267 знаков с пробелами по статистике WORD. Зачем я это сделал? А зачем мы вообще что-то делаем, что не имеет никакого смысла, кроме того, что это очередной ход в игре? Игра в числа одна из самых древних игр на земле. С ней может сравниться только бросание камешков в воду и наблюдение за кругами, ими образуемыми. По сути, всё, к чему прикасается рука человека, превращается в игру. Можно было бы возгордиться, приписав способность к игре нашему высокоразвитому разуму. Но животные тоже играют и играли задолго до появления человека. Может быть, смысл жизни в том, чтобы играть, то есть игра и есть смысл жизни? Но это очень странный смысл, ведь у самой-то игры никакого смысла нет, только правила. И почему только жизни? Похоже, вся Вселенная устроена по правилам какой-то странной игры, к которой сводится весь смысл бытия. Кто-то мог бы сказать: «Это игра Бога». Но тут вспоминается знаменитая фраза Эйнштейна «Бог не играет в кости» из письма Максу Борну. Но мало кто помнит ответ Борна: «Эйнштейн, не указывай Богу, что ему делать». В этом вступлении согласно правилам 1500 знаков, не считая этого предложения: в нём 150 знаков. Посылаю его в редакцию за 15 минут до крайнего срока.

Р.С. Бутылку коньяка тому, кто первым угадает, где проходит граница текста 60-х годов прошлого века и января 2017 года.

Игра¹

Это была очень увлекательная игра, я никогда раньше не слышал о ней. На большом поле, испещрённом квадратиками, кружками, извивающимися линиями, какими-то особыми знаками и символами, размещались бесчисленные яркие разноцветные фишки. Бросались кости, разыгрывались ходы, металлические колечки, заменявшие деньги, непрерывно перемещались от игрока к игроку.

Правила игры были чрезвычайно сложные, разветвлённые, со многими исключениями, оговорками и особыми случаями, позволявшими создавать очень интересные ситуации на игровом поле. И вся эта система была разработана с необыкновенной тщательностью, до самых мельчайших деталей. Но, удивительное дело, правила запоминались безо всяких усилий, почти сразу, казались вполне естественными, так что я научился играть уже через пять минут после того, как сел за стол.

Партнёры оказались людьми очень милыми и приветливыми, они не обижались и не грызли ногти, когда проигрывали, и не кричали, не размахивали руками, когда судьба улыбалась им. Но играли с увлечением, даже с азартом, ни на секунду не отвлекаясь от игрового поля, искренне радуясь удачам и огорчаясь поражениям. Играть с ними было одно наслаждение!

Едва я сделал несколько первых ходов, как у меня возникло такое ощущение, как будто игровая ситуация мне уже знакома. Нет, никогда раньше я не играл даже в похожую игру, но что-то неуловимое в расположении фишек напоминало мне о чём-то хорошо известном, даже будничном. Я никак не мог понять, в чём дело, но сразу же стал играть уверенно, ни разу не взглянув на

¹ Публикуется в авторской редакции. – *Примеч. ред.*

таблицу правил, словно всю жизнь только тем и занимался, что играл в эту удивительную игру.

Поначалу мне везло: я сделал несколько красивых ходов, и удача улыбнулась мне. Потом целый ряд мелких событий постепенно вернул меня на тот же уровень, с которого я начинал. Я заметил, что в игре возникает очень много таких незначительных событий, приходится делать пустые ходы, тянуть время и выжидать удобного случая. Правила предписывали исполнять много всяких, вроде бы и необременительных, но постоянных обязанностей. Из-за этого игра часто протекала вяло, ничего интересного как будто не происходило. Но нельзя было просто отложить карты и выйти покурить, а потом вернуться в ту же самую ситуацию. Даже если бы все игроки вышли покурить, игра всё равно продолжалась бы, и, вернувшись, они обнаружили бы уже совсем другой расклад.

Так я понял, что большие ходы подготавливаются серией мелких ходов, как будто лишних и ничего сами по себе не означающих. И то, что казалось скучным и занудным, обретало свой особый смысл. Так охотник сидит в засаде и вроде бы ничего не делает, но всё это ради того единственного мгновения, которое его ожидает в конце. Мгновения упоительного успеха или сокрушительного провала.

Потом я чуть не выбыл из игры, сделав рискованный ход, казалось, суливший крупный выигрыш, и не заметив таившейся опасности. И только чудом мне удалось выправить положение. Впрочем, не только чудом: меня спас необычный ход другого игрока, девушки, сидевшей напротив меня, и неожиданно выложившей на стол сразу два дубля. Я ответил ей благодарным взглядом, а позже, как только представилась возможность сделать это не в ущерб себе, передвинул свою красную фишку по диагонали, чтобы помочь этой девушке, попавшей в неловкое положение. Так мы стали подыгрывать друг другу, это разрешалось правилами.

Вообще, оказалось, что эта игра в большей степени командная, чем это представлялось поначалу. Были, конечно, игроки, которые ни с кем не блокировались и всё пытались сделать сами, но, как правило, это не приводило их к успеху. А если и приводило, то они не могли долго удержаться на высоком уровне и, поторжествовав несколько ходов, стремительно падали вниз. И хорошо, если находился кто-то сердобольный, который помогал им остаться в игре, в нужный момент разменяв свои карты или сделав явно лишнюю рокировку.

Разного рода группировки и блоки возникали в игре довольно часто, но обычно они были непродолжительными и распадались через несколько ходов. Всё-таки каждый игрок сам стремился к выигрышу и, если блокировка с партнёром помогала ему в этом, заключался союз, а как только один из участников видел другую, лучшую возможность, соглашение расторгалось. Но некоторые союзы были столь долгими и прочными, что это никак не объяснялось логикой игры. А иногда даже противоречило ей: игрок помогал другому вопреки очевидному ущербу для своей партии. Я долго не мог понять причину этого. Правда, была ещё одна, внутренняя таблица правил, но к ней имели доступ только игроки, достигшие высшего уровня игры, а мне было пока далеко до этого.

С той девушкой мы вскоре расстались. Я увидел возможность необычного обходного пути к выигрышу и решительно направился по нему, но она не захотела следовать за мной. Позже я иногда наблюдал её странные ходы, напоминавшие мне о былом союзе, несколько раз она раскрывала карты явно в надежде на то, что у меня найдётся ответная масть. Но я был уже далёк от этого, и, хотя и отложил несколько карт сбоку, всё моё внимание было направлено на конфигурацию фишек в красном поле. Там было несколько линий, которые могли привести меня к белому квадрату, казавшемуся таким заманчивым и недостижимым. Я блокировался то с одним игроком, то с другим, не стремясь к долгосроч-

ным альянсам, и медленно продвигался к цели как замороженный.

Впрочем, был у меня один партнёр, очень опытный игрок, пришедший в игру раньше меня, который стал моим наставником. Каждый свой ход я сверял с его позицией на игровом поле. Поначалу мне это очень помогало. Не знаю, какой интерес был у него, может быть, никакого. Мы разыграли вместе несколько эффектных комбинаций и уже разрабатывали новую, пожалуй, самую многообещающую. Но тут он неожиданно выбыл из игры. Не из-за каких-то козней других игроков, не из-за слишком рискованных и опасных ходов. А просто так, случайно. В правилах игры были предусмотрены такие случайности. И хотя все старались не обращать внимания на сноски мелким шрифтом в таблице правил, где описывались эти роковые случайности с указанием вероятности или условий, но всё же время от времени эти случайности случались.

Постепенно у меня выработался свой стиль игры, непохожий на другие. Одним игрокам он нравился, другим нет. Образовался круг участников, с которыми я объединялся в союзы и группировки. За пределами этого круга оставалось много игроков, но контакты с ними были эпизодическими и малозначащими. Игроки из моего круга своими позициями на игровом поле смягчали такие посторонние влияния. Мы помогали друг другу или по крайней мере старались не вредить. И вместе медленно продвигались к белому квадрату. Мы понимали, что вместе у нас больше шансов до него добраться. И хотя, конечно, не все смогут поставить свою красную фишку в клетку белого квадрата, но каждый надеялся, что окажется среди этих счастливицков.

Вот где-то на этом этапе игры мои кости встретились на игровом поле с костями другой девушки, и мы поженились. Так называется особый союз, прописанный в таблице правил. Теперь все наши ходы были совместными. Игра перешла на новый уровень. Хотя мы и объединили наши стопки колечек, но иногда нам не

хватало колечек для наших планов. Приходилось делать много лишних ходов, разыгрывать малоинтересные партии, вступать в ненужные группировки, чтобы раздобыть побольше колечек. Но в конце концов всё утряслось, игра вступила в спокойную полосу, когда проигранные колечки восполнялись выигранными. Белый квадрат казался всё так же недостижимым, но я уже спокойнее относился к этому. Просто играл свою игру, не обращая особого внимания на то, приближаюсь я к белому квадрату, удаляюсь от него или хожу вокруг него по кругу.

Я уже сам стал опытным игроком, у меня появились свои ученики, которые раскрывали мне свои карты, чтобы я тем или иным ходом подсказывал им правильные решения. Но чем дальше, тем больше меня стала интересовать не сама игра, которая, казалось, вошла в какое-то будничное русло, сколько то, что старые игроки, со многими из которых меня связывали старые связи и воспоминания о совместно разыгранных партиях, выбывали из игры. Меня интересовал вопрос: куда они выбывают? Я и раньше знал, что игроки выбывают из игры, никто не играет вечно. Приходили новые игроки, это понятно, я сам когда-то первый раз сел за стол. Но почему игроки выбывают? То ли от случайности, прописанной в правилах мелким шрифтом, то ли из-за опасных ходов, от которых правила тоже предостерегали, но иногда эти ходы казались такими привлекательными и сулившими столь крупный выигрыш, то ли из-за козней других игроков. Причины были самыми разными. Были и те, что просто уставали от игры, я замечал, что их ходы от раунда к раунду становятся всё более вялыми и как бы вынужденными, они будто через силу передвигали фишки и, бросая кости, будто заранее знали, что выпадет единица, ну может быть, двойка, но уж никак не шестёрка.

Наконец я стал и за собой замечать эти вялые ходы через силу. Будучи опытным игроком, я мог целые раунды передвигать фишки и раскладывать карты авто-

матически, не задумываясь или думая о несовершенстве мира и тайне бытия. Некоторые партии меня интересовали, но уже не так, как в начале игры, мне стало казаться, что игра повторяется, что вот эта позиция уже была, и тот игрок уже выкладывал свои два дубля точно так же, как делает это сейчас. И, глядя на руки игроков, тасующих карты или бросающих кости, я думал: кто из них следующий? Иногда это было неожиданно, иногда предсказуемо.

Когда меня положили в гроб и понесли на кладбище, согласно последнему пункту таблицы правил, я искоса наблюдал, как игра продолжается. Как та дама медленно передвигает свою красную фишку по диагонали. Как тот мужчина выкладывает карты одной масти. Как юноша, только вступивший в игру, широко улыбается, когда ему выпадает шестёрка. Меня поместили в белый квадрат и засыпали красной землёй. А брошенная мною когда-то кость всё ещё катилась и крутилась по игровому полю и никак не могла решить, на какой грани остановиться.

Но игра всё равно продолжалась. Внутренняя таблица правил не разрешала мне передвигать фишки, разминать фигуры или выкладывать карты. Но она разрешала участвовать в ставках. Сначала я не мог понять почему. Для чего мне выигранные колечки, если я выиграл из игры? Но вскоре догадался, после того как истекло время и меня назначили крупье.

Делайте ваши ставки, леди и джентльмены!

Микаел Абаджянц

Жизнь – игра? Может быть, может быть...

*Прозаик и переводчик, член Союза писателей Армении.
Издавался в России, США, Австралии, Франции, Ливане.
Переводился на английский, французский и другие языки.
Есть литературные награды.*

Свет и тени²

Когда брат мой заболел, мы переехали в деревню. Доктора советовали покой, уединение и чистый воздух. С короткой деревенской улицы дом наш казался небольшим и аккуратным. На стенах его лежали безмятежные светлые тени тополей. Белые ставни, белые занавеси за чистым стеклом, видные сквозь отражение в нем летнего неба и неяркой зелени листвы, создавали ощущение глубокого спокойствия.

В комнатах было чисто, прохладно и безлюдно. Свет через широкие окна лился прозрачный: казалось, он силится пронизать дом насквозь. Но до его пыльных глубин он долетал обессиленный, утративший свою прозрачность, разрушившийся. И на пороге мрака, там, где свет угасал, начинало колыхаться что-то почти неуловимое, порожденное тенью и светом, похожее на рябь в глазах от яркой вспышки. Отсюда, где свет утрачивал свою силу, строгий порядок в передней и жилых комнатах сменялся хаосом чуланов и бесчисленных пристроек. Именно этими пристройками непонятого назначения был образован внутренний двор, откуда дом выглядел неприглядно. Все, что отслужило свой век, сносилось сюда. Беспорядочно наваленная мебель, попорченная дождями, с отсыревшей обивкой, ящики, набитые доверху вышедшей из употребления сопревшей одеждой, кровати с затейливыми никелированными спинками и ржавыми сетками, оцинкованные и медные тазы с протухшей водой загромождали и без того тесное пространство. С улицы краски виделись ярче, небо глубже, зелень гуще, и там было лето. А здесь царило какое-то неопределенное время года: на земле лежали волглые прошлогодние листья, воздух был насыщен запахом тлена, а небо выглядело тусклым, видимым точно сквозь пыльную пелену. Солнце никогда

² Рассказ опубликован в журнале «Новый мир», № 3, 2012 г.

сюда не заглядывало, и на всем лежала вечная тяжелая тень. Дом со двора казался громадным и безжизненным. Он смотрел мертвыми глазницами маленьких покосившихся темных окошек, и просто не верилось, что этот хаос где-то упорядочивается в строгий фасад.

Вещей в комнатах было много, в некоторых, казалось, и вовсе нет нужды. Каждому креслу или стулу было раз и навсегда определено место, и сдвинуть их могла лишь воля моей матери. Причем все перемещалось строго в сторону захламленных пристроек и внутреннего двора – под мерное тиканье часов, вечное гудение мух, блуждавших между светом и тьмою, да бесконечный печальный и тихий разговор, который велся обстоятельно, но вполголоса, точно у одра умирающего, с одним и тем же ученым господином в очках, одетым в белоснежную сорочку и черный костюм.

Казалось, все в этом доме имело две стороны – светлую и темную, и стоит свету иссякнуть, как все рухнет и сгинет во мраке под натиском хаоса.

Было в этом доме существо, использовавшее смену мрака и света с практической целью. Его я обнаружил случайно в одной из дальних пристроек с огромными тенетами в углах, пропыленной и сумеречной. Пол и стены осели так, что единственное маленькое окошко находилось совсем невысоко над землей. Его полностью закрыли листья лопуха, отчего свет здесь был изумрудным. В листьях отчего-то были маленькие дырочки, и тонкие лучики светлой рябью нарушали нездешнее, почти подводное спокойствие. Мерное гудение мух время от времени перекрывалось истошным беспорядочным отрывистым жужжанием. Вдруг я заметил, что окошко затянуто свежей прозрачной паутиной, и вокруг большой запутавшейся мухи вращается, передвигаясь словно от лучика к лучику, жирный паук. Я заморожено смотрел, как он расправляется с надсадно верещающей жертвой. Но у меня не возникало чувства, что он творит несправедливость или злодеяние. Я с ужасом, но без отвращения смотрел, как он гу-

бит муху, но у меня и в мыслях не было остановить его. Это было естественно, хотя и страшно, как затмение света, как смена дня и ночи, как смерть. Я попытался определить, куда выходит маленькое окошко, и вдруг сообразил, что, конечно же, во внутренний двор.

Брат мой, нескладный, долговязый, от природы смуглый, без проблеска мысли в глазах, был моим близнецом и абсолютной моей копией. Иногда, став рядом у большого венецианского стекла, мы подолгу не шевелились, и тогда я сам не знал, которое из отражений принадлежит мне. Но на внешнем облике сходство наше завершалось. Я прекрасно чувствовал, что он – это не я, а я – не он. Иначе невозможно просто объяснить то, что потом произошло.

Брата своего я не любил, но и не питал к нему ненависти. Я к нему привык, как к своему отражению, и испытывал к нему чувств не более чем к собственной тени. Росли мы вместе, но друг с другом почти никогда не играли. Материнская ласка и забота доставались нам в равной мере, и до поры нам нечего было делить.

Написав эти несколько строк, заметил одну странность: точно я имел в виду отношения людей взрослых, точно речь могла зайти между нами о наследстве или о чем-то в том же роде. Очевидно, виной тому то, что я теперь уже далеко не ребенок и историю эту, оценив умом сегодняшним, рассказываю словами не детскими. Да другими словами я рассказать ее и не умею.

Тогда нам было лет по семь и, конечно, скольконибудь связных мыслей ни у меня, ни у моего брата в голове быть не могло, но страсти в нас кипели нешуточные и даже опасные. Я уже говорил, что забота моей матери простиралась на нас совершенно одинаково. Это выражалось главным образом в том, что ели мы одно и то же и в один и тот же час, одевались совершенно одинаково и игрушки нам дарились похожие как две капли воды. Теперь они лежали за домом среди прочего барахла и хлама в большом холщовом мешке, напоминающем пустую, опутанную паутиной муху.

А началось все с велосипеда, легкого, стремительно-го, с никелированными спицами, мелькающими с недоступной глазу быстротой. Я кружил на нем по двору, а мой брат давился от рыданий, вопил и протягивал ко мне грязные, мокрые от слез руки. Свой велосипед он сломал в первый же день, врезавшись в телеграфный столб. Удовольствие от происходящего я получал невероятное. Чем дольше я кружил по двору, выбиваясь из сил, тем громче он орал. Я прекрасно помню это сладостное, щемящее, исполненное какой-то совершенной новизны ощущение. Я, конечно, не задумывался над его природой и просто наслаждался им. Но теперь меня бросает в дрожь только от воспоминания о нем – липкого, омерзительного, пытающегося улизнуть на задворки сознания.

Так продолжалось слишком долго. Или я должен был, обессиленный, свалиться, или он – замолкнуть, наконец. Кажется, он тоже понимал это. Крик его уже с невероятной силой сотрясал воздух. Я было подумал, что не выдержу, но вдруг крик сменился протяжным всхлипыванием. Он лежал на земле, руки его мелко дрожали, черты лица были искажены гримасой новой и непроизвольной, а сквозь темную кожу проступала мертвенная бледность.

Сцена эта разыгрывалась между нами еще несколько раз. То ему нужно было в одном тазу со мной пускать лодочки, то нужна была моя шпага, хотя у него была такая же. Припадки его раз от разу делались страшнее и глубже, выходил он из своего состояния все тяжелее и словно с меньшей охотой. Мать моя не догадывалась об истинных причинах, вызывавших эти ужасные корчи, и была смертельно напугана, врачи ничего с ними поделать не могли, и после одного слишком продолжительного приступа брата парализовало. Тогда-то мы и переехали в деревню. Угрызений совести я не испытывал, видимо, чувствуя себя лишь невольным участником этой истории.

В деревне мы жили безвыездно. Лето сменила осень.

День был золотой, чистый и прозрачный. В воздухе, звонком, как венецианское стекло, летала легкая серебряная паутина. Желтые тополя отбрасывали на дом совсем истершуюся чахлую тень, а из-под облетевшей листвы, яркой и умирающей, робко и обреченно выглядывала пожелтелая осенняя травка.

Я стоял за домом в вечной тени, отдающей сыростью, под пристальным взглядом темных окон и вслушивался, как дребезжит от легкого сквозняка разбитое стекло. С лета здесь хлама прибавилось и стало тоскливее и тише. Сюда снесли и большое зеркало, то самое, которое когда-то отражало нас с братом совершенно одинаково. Теперь оно было разбито, затянута паутиной трещин и отражало только синеву неба, многогранно и по-своему. Трава здесь так и не выросла, лишь падали желтые, занесенные сквозняком листья тополей. Но у стены одной из пристроек, подернутой плесенью, почему-то густо разрослись лопухи. Я двинулся к пожелтелым, изъеденным листьям. Зачем-то раздвинул их руками, и вдруг из темноты глубокого черного провала, обрамленного перекошенными ставнями, навстречу мне шагнуло мое собственное отображение, а за ним тускло мерцали недвижная паутина и восемь паучьих глаз.

Комната, в которую поместили брата, была небольшой, но просторной и светлой. Большая кровать с никелированными спинками, на которой он полулежал, никогда под ним не скрипела. Он не двигался и не разговаривал. Взгляд его покоился на сверкающем металлическом шарике, к которому сходилась весь затейливый блестящий никелированный узор. Казалось, в этом маленьком шарике он искал свое отражение, крошечное, холодное, неверное, и чудилось мне во взгляде этом много недолжного: то ли укора, то ли ненависти. Теперь сходство между нами было не столь разительным. Лицо брата было болезненно желто, с синими недвижными губами и кожей ровной и безмятежной, скрывающей застывшие в судороге мыш-

цы. И тишина эта, немая, напряженная, казалось, готова была вот-вот взорваться криком, истощным и пронзительным.

В комнате всегда было тихо и покойно, и только тени от тополей в единственном широком окне час за часом бесшумно и незаметно скользили по деревянному полу, белым стенам, белому потолку. Зимой свет становился мертвенно-бледным и тени появлялись редко. И только к закату, да и то ненадолго, белый потолок окрашивался неярким алым сиянием. Зато весной, когда по стеклу часто барабанила звонкая капель, тени были быстрыми, прозрачными, меняющимися. К лету они делались степенными, тяжелыми и зеленовато-серыми. А осенью комната погружалась в отблеск умирающего золота, и в этом угасающем свете черное платье моей матери, сидевшей неподвижно у изголовья на низком стуле, казалось особенно красивым.

Ей стало более не до меня. Время проходило скучно, невесело, теперь я ходил в школу и большую часть дня проводил за учебниками. Игрушки дарились в единственном числе и исключительно моему брату. Они бесконечной манящей вереницей проносились мимо моего носа, все в блестящих, красочных упаковках, и исчезали за дверью комнаты, вход в которую теперь мне был заказан. Меня совершенно не утешало то обстоятельство, что играть ими он не может. Мне хотелось закатить матери истерику, но почему-то я этого не делал. То ли понимал, что это ничего не изменит, то ли чувствовал, что за мертвой тишиной в комнатах следит чуткое заинтересованное ухо.

Господин в черном костюме и белой сорочке стал приходить к нам чаще и задерживаться дольше. Выражение лица его делалось все более надменным и жалостливым, отчего оно казалось более ученым. Присутствовать при том, как он говорит, мне не позволялось. И, постояв у закрытой двери и немного послушав нудную, тягучую речь, изобиловавшую латынью, я отправлялся к своему давнему знакомому.

Он разжирел, стал старым и ленивым. Паутина на окошке стала заметной, пыльной, усеянной крылышками мотыльков и сухими мухами. Здесь тоже был хаос. Паук у меня не вызывал отвращения. В том, как он разделялся со своей жертвой, мне не виделось жестокости или кровожадности. В каждом движении его чувствовалось великое мастерство, данное ему природой. Убийство в исполнении паука выглядело всего лишь ремеслом. Умерщвление совершалось, но винить было некого, как если бы произошел несчастный случай. Несчастный случай с мухой. Это было даже забавно. И целью всех этих десятков несчастных случаев было прокормить вот этого жирного паука. Ну, впрочем, жирным он стал не сразу. А если я его раздавлю, то это, пожалуй, будет убийством. Убийством десятков мотыльков, комаров, мух, погибших единственно ради того, чтобы этот самый паук жил. Убийство этого паука сделает бессмысленной смерть всех этих мух, и все эти несчастные случаи уже не будут таковыми и лягут грехом мне на душу. Я представил, как из толстого брюшка брызжет кровь невинных моих жертв.

А если его убить не из жестокости и не из кровожадности, а так, из отвращения, то его смерть, наверное, будет несчастным случаем. Ведь отвращение ко всему такому тоже должно быть у меня от природы. Но вдруг я обнаружил, что как раз отвращения-то у меня и нет.

Мысли путались, софизмы мои мне поднадоели, и как-то незаметно я начал думать о другом. Мне вспомнился брат, синий от натуги, с протянутыми ко мне руками. Картина эта, несвежая, потускневшая от времени, рисовалась мне сквозь легкую, зыбкую пелену, похожую на паутину. Я помнил, что чувствовал тогда. Ощущение мое было отнюдь не сентиментальным, но и далеким от кровожадности. Я вдруг понял, что оно сродни чувству, которое я испытывал, глядя на поедавшего свою жертву паука. Но если я буду просто смотреть, как он пожирает муху, то стану ее убийцей. Ведь природа паука такова, что прекратить ее есть он не

может. Ее отпустить могу я. Но если я ее отпущу, то содохнет с голоду паук. И мне начало казаться, что я голодный паук, добровольно отпустивший свою жертву, а мимо длинной чередой двигались заманчиво мерцавшие свертки. Но паук не может так просто отпустить кого-либо. Тогда мне казалось, что я муха, правда, еще не пойманная. И мне вновь виделось, как сквозь паутину ко мне тянутся руки брата. Потом вдруг он замирал, переставал двигаться, затаивался.

Когда я проснулся, был уже глубокий вечер. Алое с золотом сияние проникло в комнаты. От громоздкой мебели тянулись тени, красно-черные, живые, переплетающиеся. За запертой дверью гостиной все еще слышался монотонный наставительный монолог. Мне стало ужасно тоскливо. Время шло, а причитавшейся мне толики тепла и ласки я не получал. Она была снесена на все тот же алтарь с блестящими никелированными спинками. Именно там лежало все то, что я так любил, чего мне так не доставало и что было у меня отобрано.

Я подошел к двери брата. Она была, как всегда, заперта. За ней было привычно тихо. Но тишина была напряженной и многозначительной. Я прижался к окрашенной белой масляной краской двери. Она была холодной. Я подумал, что все эти запертые двери были мне мезью. Тени стали еще длиннее, сделались темно-багровыми. В распахнутое окно я видел неподвижные тополя. Они тоже отбрасывали багровые длинные тени, а сами казались черными. Солнце зависло над самым горизонтом. И теперь я прекрасно видел, что оно не диск, а шар. Я со страхом думал о том мгновении, когда солнце зайдет, когда свет погаснет и останется одна огромная, поглотившая все тень. И тогда не будет ни жертв, ни палачей. Все станут одинаково беспомощны и одиноки. Рука моя скользнула вниз по двери и задела что-то металлическое. Это был забытый в замке ключ. Сердце мое забилося учащенно и неровно.

В комнату я проник бесшумно, вслед за своей багровой тенью. Мгла между предметами смешалась в еди-

ную багровую темноту, и только поверх нее все еще оседал свет, тяжелый, с красным отливом. Я неслышно двигался к кровати с блестящими спинками, у которой были сложены нераспакованными игрушки. Я нагнулся, поднял один из пакетов. Тут ржавая сетка закрипела. Воздух вздрогнул от нечеловеческого воя. С кровати что-то сползло и, шатаясь, двинулось ко мне. Вой постепенно стихал, точно глотке, его издающей, не хватало воздуха. Из темноты вынырнуло мое собственное лицо, все в багровых пятнах, губы странно кривились, по подбородку стекала красная блестящая пена. Я не слышал, что он говорит, но прекрасно понимал, что он требует положить сверток на место. Точно исполинский пузырь, что-то неведомое медленно поднималось из глубины моей души. Оно разорвалось, захлестнув меня отвращением.

В то мгновение я не мог испытывать ничего, кроме глубокого отвращения к себе, к брату, ко всему, что когда-то любил и что он старался у меня отнять. Вдруг я осознал, что игрушки мне не нужны более. Я без сожаления отдал бы их всякому. Зажегся свет, яркий, электрический, отрезвляющий. Предметы втянули в себя тени. Мимо меня пронеслось темное платье матери, а на пороге застыл человек в черном костюме. Лицо его потеряло прежнюю ученость, и выражение его было жалким и туповато-изумленным.

Человек за стеклом

Верится с трудом, но когда-то я был почти нищим. К богатству я шел всю свою жизнь, но обязан ему вовсе не природным трудолюбием, не изворотливостью ума и даже не стечением обстоятельств. Я расскажу о событиях одного дня моей молодости – ничтожных по сути, но до глубины души поразивших меня. Я знаю, что рискую остаться непонятым и тем самым могу лишь приумно-

жить слухи о том, что я якобы совершенно выжил из ума. Хотя мне порой и самому кажется, что все это я уже теперь выдумал. Но история моего прошлого странным образом получила продолжение в настоящем. Кошмары мои обретают плоть, они угрожают не только моему рассудку, но и состоянию. И хотя мне этого не хочется, но придется рассказать свою историю, дабы услышать о ней здоровое и непредвзятое суждение и сравнить его с моим собственным.

В тот далекий день я бесцельно бродил по улицам. Это был час, когда вот-вот должны были вспыхнуть витрины. Свет их еще не смог бы пробиться на улицу, но уже стали бы заметны в их пока неяркой, но все разгорающейся глубине люди. Стало бы видно, как они ходят, чем заняты. И я бы стал наблюдать за ними. По обыкновению, я надолго остановился бы у ювелирного магазина. Я всегда любил смотреть в его словно бы раскаленную, червонного бархата, слепящую золотом глубину. Здесь я особенно остро ощущал, что жил ненастоящей, ненатуральной жизнью. Мне не нужно было ничего, но в такие минуты мне всегда делалось чего-то отчаянно жаль и за что-то обидно. И я бы прижался к его излучающему золотой свет стеклу и стал бы вглядываться в людей, в их жизнь до тех пор, пока полицейский не прогнал бы меня.

Но витрины еще не зажигались. Над городом было бело по-зимнему. Свет на все нисходил белый, мертвенный, не образующий теней. И было страшно за дрожащую в вышине зелень. Холодный ветер сдувал с нее на серый асфальт снежно-белый цвет, мешал его с пылью и пускал вдгонку мусору. На душе было мертво и пусто. А за витринами все так же невозможно было что-либо разглядеть. И только мое отражение все скользило по холодным непроницаемым глазам. Рядом с ювелирным магазином я остановился.

На фоне вытянутого ультрасовременного автомобиля отражение мое выглядело крохотным, нелепым. Я не уходил и ждал. Неуверенно мигнул и снова погас улич-

ный фонарь. И тут у меня перехватило дух. Я увидел, как к внутренней стороне стекла подошла женщина в дорогом снежно-белом платье. Плечи, руки, глубоко обнаженная грудь тоже поражали мраморной белизной. Она была молода, стройна и в то же время в ней уже не было девичьей легкости. Но более всего меня поразило ее лицо. Оно было слишком красиво. Оно было начисто лишено надменности и спеси богатой посетительницы дорогого салона. Она держала что-то в руках и подошла к стеклу, видимо, затем, чтобы лучше рассмотреть. Драгоценная вещица никак не отражалась в ее темных глазах. В ее лице был заметен лишь след страдания и усталости, словно бы от слишком долгого ожидания.

Потом она все-таки посмотрела в мою сторону, но так, будто меня и вовсе не было. Взгляд ее, словно стекло, казался сначала холодным, пронизывающим. И все-таки по тому, насколько он задержался на мне, я понял, что она заметила меня. Казалось, вся душа ее отразилась в этом взгляде. Я уверен, что в нем были сострадание и даже нежность. Мне показалось, что в глазах ее засветился огонек зарождающегося чувства и что губы ее чуть дрогнули. Страстная горячая волна и надежда захлестнули меня.

И тут произошло нечто, меня ужаснувшее. За стеклом, рядом с ней, возник дрожащий старик. Он взял из рук женщины вещицу, которую она рассматривала, – теперь я увидел, что это бриллиантовое кольцо, – и стал судорожно трясущимися руками его застегивать у нее на шею. И по тому, как она ему не сразу улыбнулась, я понял, что она все еще думает обо мне. Потом старик слюнявым ртом поцеловал ее в губы. Подумал, что она содрогнется. Но она посмотрела на меня с вызовом, гордо, словно я сделался недостойным свидетелем чего-то. Потом мне стало казаться, что она уже ненавидит меня за то чувство, что только испытывала ко мне. И взгляд ее стал полон такой гневной силы, как будто на меня брызнуло расплавленным стеклом. И небо вдруг

просветлело. Нет, солнце не проглянуло. Но тени от листвы и домов проступили на асфальте четко, и на груди ее зажглась бриллиантовая россыпь.

Я чуть не закричал. Но они уже отходили от окна и исчезали в сумраке. Тени быстро сливались с асфальтом. Я стоял на тротуаре один. Уличный фонарь наконец-то зажегся. Потом отъехал от магазина автомобиль, за стеклом которого мелькнули лица старика и женщины. И вскоре витрина вспыхнула червонным огнем.

Небо сделалось черным, навстречу мне взвился бесконечный рой автомобильных фар. Короткие гудки, женский смех, неоновые сполохи в холодном гулком воздухе подействовали отрезвляюще. Отчего-то дорожные витрины меня больше не манили, не влекли к себе. Чувства обиды на что-то и жалости к чему-то, казалось, погибли в моей душе. И в ней осталось дрожать лишь неясное ощущение неловкости человека, в чем-то уличенного, застигнутого врасплох за чем-то постыдным.

Асфальт тоже стал черным, дрожащим, горящим красными огнями. По нему проносились блестящие от дождя автомобили. А по мосту пронесся, прогудев, поезд метро. То ли от слишком долгого гудка, то ли от вереницы ярких окошек в душе моей ожила другая вереница – тусклая вереница прожитых мною дней. Совершенно одинаковые, с красноватым отблеском богатых витрин на них, дни эти уходили в мою юность, скучную и полную тщетных надежд и смутных желаний. Вся моя юность прошла в ожидании не то богатства, что вдруг неожиданно должно было рассыпаться горами золота и бриллиантов у моих ног, не то женщины и любви, которые должны были явиться ко мне сами, как приходит мужская зрелость.

Серая вереница дней уходила все глубже и дальше в прошлое, замелькали воспоминания бесконечного детства. Вспоминались темный и убогий родительский дом, комната и овальный стол с красной клетчатой скатертью, оставшиеся от отца, перешиваемая и перекраиваемая одежда, все одно сидевшая неловко на мне.

Вспоминались неприязнь ко мне товарищей по учебе, перемены, во время которых сметались бутерброды со стеклянных прилавков школьного буфета. Но денег у меня никогда не бывало. И девчонки отчего-то рядом за партой старались не сидеть. Перед мысленным взором возникал образ матери, почему-то всегда в чем-то белом и длинном. И мне вновь стал чудиться отвергающий, испепеляющий взгляд женщины в снежно-белом платье. Вспоминалось то жуткое мгновение, когда от ее взгляда стали ползти по асфальту черные тени, и серая череда дней моего прошлого исчезла.

Я почувствовал, как глухое отчаяние проступило скорбной и злой гримасой на моем лице. Я понимал, что женщина эта стать моей не могла. Было удивительно уже одно то, что жизнь за стеклом хоть на миг, но все же втянула меня в круговерть своих обжигающих страстей. И хотя теперь жизнь за стеклом обрела для меня реальную плоть и четкие контуры, она казалась мне еще более недоступной и далекой, чем прежде.

Я смотрел в черную бездну под собой. Где-то там шумела невидимая река. Чувство обиды вновь неуверенно задрожало в душе. Но мне почему-то ничего не хотелось. За спиной все так же проносились мокрые автомобили, а я смотрел вниз, куда улетали маленькие блестящие капли, и мне казалось, что и я лечу куда-то.

Я чувствовал, как душевные силы покидают меня. Воля к жизни слабела во мне. Хотелось туда, вниз. И когда я уже готов был перевеситься через чутунную ограду, вдруг во взгляде женщины в белом вновь промелькнуло сострадание. И оттого что взгляд ее смягчился, захотелось плакать, будто от внезапно полученного прощения. Но потом вновь какое-то жуткое чувство стало охватывать меня, точно этот смягчившийся взгляд, полнившийся нежностью ко мне, обязывал к чему-то.

И там внизу, в черной бездне, где оборвались мои воспоминания, казалось, родилось нечто жуткое. Я пристально всматривался в непроглядную, похожую на тьму материнского лона черноту и вдруг увидел нечто

поразительное. Из этой черной бездны надвигалось что-то пугающе белое. Это была мокрая, лишенная волос человеческая голова, несоразмерно большая по сравнению с телом. Да, это был человек, но черты лица его были отвратительны, уродливы. Они казались как будто расплюснутыми о невидимое стекло, и в то же время лицо его все время двигалось. Его крохотные слабые руки и ноги тоже как-то беспорядочно двигались, словно пытаюсь ухватиться за что-то несуществующее. Потом вдруг смысл всего этого гримасничанья и содрогания дошел до меня. Он требовал от меня силы и воли, он требовал у меня любви к ней и себе, он требовал для себя жизни, он призывал, он кричал...

Это странное существо из бездны глубоко поразило меня. Не проходило и дня, чтобы я не думал о нем. Оно уже не покидало меня, вселившись в глубины сознания. Я пытался постичь его природу, наивно полагая, будто оно лишь плод моего воображения. Некое тайное сродство было между нами. Иногда я думал, что оно это я и есть. Я воспринимал его как воплощение моих тайных страстей и стремлений. Я отождествлял его с собою. В его притязаниях и жажде жизни я узнавал и любил себя, свои чувства и желания, для осуществления которых во мне раньше не находилось ни воли, ни силы. Это существо, казалось, было наделено такой тягой к жизни, что могло разбить вдребезги на своем пути любую преграду. И в то же время оно было слабым, беспомощным и всецело зависело от меня.

Этот странный крохотный человечек никак не стеснял моей свободы, получив власть надо мной. Хотя власть его и была сильна, но окончательное решение было всегда за мной. И там, где раньше испугался бы и отступил, теперь я, сжав зубы и покрываясь холодным потом, шел вперед. В мгновения ключевых решений я видел его искаженное, будто приникшее к стеклу лицо и даже с какой-то радостью отдавался его всепокрывающей воле.

Очень скоро я стал подниматься из нищеты и делать первые шаги на пути к своему состоянию. Существо это полностью завладело моими помыслами, и я уверенно шел к богатству ради него, ради себя. Я стал богат.

Это был час, когда за витриной вот-вот должны были вспыхнуть фонари. Было видно, как ветер сдувал с деревьев цвет, мешал его с пылью и гнал по серому асфальту вдогонку мусору.

На двери мелодично зазвенел колокольчик, и из серого, лишённого теней мира появилась она. Она была, как и тогда, в снежно-белом платье. Она подошла ко мне. Видимо, она хотела улыбнуться, но только посмотрела на меня виновато. Она не изменилась, но не было в ней той притягательности, что раньше. Тело ее казалось чуть обрюзгшим, глубокий вырез на груди мало вдохновлял, и отчего-то во всем ее облике бросалась в глаза лишь замятость на платье.

Я помнил, зачем она приходила сюда. Достал из-под стекла дорогое кольцо и протянул ей. Потом она отошла к стеклу, видимо, чтобы лучше его рассмотреть. За витриной мигнул и погас уличный фонарь. Я стал подходить к ней сзади и вдруг обнаружил, что она рассматривает вовсе не кольцо, а человека за стеклом. Он одиноко стоял на тротуаре и смотрел на нас. Человек этот был молод, строен и красив. В лице его было даже мужество и благородство, но костюм был изношен и измят, а в глазах читалось отчаяние. По тому, как она не сразу мне улыбнулась, я понял, что она думала вовсе не обо мне.

Вновь чувство к этой женщине проснулось во мне. Страсть и ревность охватили меня, я взял из ее рук кольцо и застегнул у нее на шее. Тяжелые камни ниспали на ее грудь и ярко засветились. Я припал к ее губам, которые были холодны, как стекло, и тут, к своему ужасу, почувствовал, что лицо человека за стеклом отчего-то освещено ярко и расплущено о стекло моего магазина. В лице этом я узнавал то странное существо, что всю мою жизнь вело меня к богатству. Я хотел закричать, хотел позвать полицейского, но она меня уже уводила,

делая вид, будто ничего особенного не произошло. Она без умолку что-то говорила. Потом мы сидели в моем автомобиле и мчались под меркнущим небом.

Я вел автомобиль сквозь рой встречных огней. Город осветился неоновыми сполохами, и асфальт стал черным, горящим красными огнями. На груди ее сверкали драгоценные камни, и она постоянно что-то говорила. Я же молчал. Скоро центральные улицы сменились узкими улочками окраин. Мы остановились у небольшого домика, темного и убогого. И она очень мило пригласила меня на чашку кофе. Она казалась непринужденной, я же был скован. Воспоминания душили меня. Здесь все было мне знакомо. Но сказать об этом было невозможно. Я боялся все разрушить, уничтожить неловким движением.

Мы сидели за овальным столом, с нависающим над ним красным абажуром и до боли знакомой клетчатой скатертью. Она все что-то говорила, а я не понимал. Я видел, что она охотно прощает мне мои морщины, мои годы, мои редкие волосы. Мне было стыдно за них. Мне было чего-то жаль и за что-то обидно. Потом я встал и хотел уйти, но она остановила меня.

Проснулся я ночью. Рядом было слышно ее ровное дыхание. Так же, как и когда-то, гулко тикали часы. Я встал, подошел к окну. Там было тихо, и только луна висела за стеклом над крышами соседних домов. Я посмотрел на стол, на нем в лунном свете сверкало кольцо, на стуле рядом было скомкано белое платье. Потом я перевел взгляд на кровать, где лежала она. Мне показалось, что она не спит и следит за мной. Мне даже стало казаться, что она затаила дыхание.

В кровати она была не одна. Рядом с ней шевелилось что-то. Кто-то, казалось, обнимал и ласкал ее тело. Я стал вглядываться и вдруг понял, что это то самое кошмарное существо из моего прошлого. Я не предполагал, что и ее разделю с ним. Это был младенец.

Вдруг он не то закричал, не то засмеялся. И в крике его мне послышался звук разбитого стекла. Она про-

снулась, подбежала ко мне. Внезапно я понял, что это я сам кричал. Она стала утешать и обнимать меня. Слезы без стыда катились по моим щекам. Я плакал. Потом я понял, что никого нет, кроме нас, в целом свете, и успокоился. А она все что-то говорила мне, прижимая мою голову к своей груди. Я стал засыпать, голова моя клонилась все ниже и ниже. Под щекой я почувствовал что-то теплое и мягкое. И прежде чем забыться, я со страхом ощутил, как в этой черной, теплой и мягкой глубине вдруг тихо забилось еще одно сердце.

Последний сон писателя

Мне сто двенадцать лет. Я больше не вижу снов. Мое подсознание пусто, как пересохший колодец. Мой сон больше не полнится видениями. А ведь именно этим странным снам и видениям я обязан мировой славе. Я никогда не проводил бесплодные часы за письменным столом, вымучивая очередной рассказ. Нет. У меня все было по-другому. Мне необходимо было заснуть и проснуться, а потом записать свои дивные сны. Под моим окном всегда толпятся журналисты, и стоит мне подойти к окну, как улица озаряется частыми фотовспышками. Мне нет до этого дела. Во мне умерло тщеславие. Но я все еще желаю написать свой лучший роман. Всю свою жизнь до рези в глазах я всматривался в сверкающий мир. Закидывал невод чувств в его хаос и старался выловить то, что могло бы лечь в основу моих снов-сюжетов.

Странные это были рассказы и повести, полные необычайного вымысла и удивительных тайн. Они действовали на читателя неотразимо. Во многих книжных магазинах и национальных библиотеках томики моих произведений заставили потесниться книги классиков. Читатели во всем мире с головой уходили в мои книги. Я дарил миру, неведомые им доселе. Сами они никогда

бы себе такого не вообразили. Захватывающие сюжеты, повествование, полное психологизма, и удивительные вымышленные миры делали мои книги предметом вожделения книголюбителей во всем мире. Каждый находил в моих книгах то, что искал, и никогда не разочаровывался.

Меня переводили даже на самые редкие языки планеты. Мои книги издавались миллионными тиражами во всех развитых странах мира. Самые видные издательства горели желанием издать мою прозу. Презентации в Москве, Нью-Йорке, Париже, Канберре, Токио... Самые прославленные в мире художники почитали за честь проиллюстрировать мои произведения. Их изумительные творения прекрасно отображали мое творчество. Со мной подписывали контракты на оформление книг самые известные дизайнеры. Не было во всем цивилизованном мире человека, который бы не читал Микаэла Абаджянца. По моим произведениям ставили спектакли и снимали художественные фильмы самые именитые режиссеры и постановщики... Со мной фотографировались президенты, ко мне приходили советоваться философы, в день столетия меня посетил Духовный Отец...

Но мое подсознание, исправно фонтанировавшее три четверти века, вдруг иссякло. Теперь оно напоминает потухший вулкан, гигантский выработанный карьер, лабиринт пустых штолен и шахт. Мое подсознание больше не родит поразительных видений, которые так долго завораживали весь мир. Как ни странно, это обстоятельство меня несколько не тревожит. В моей душе нет обиды на то, что наступила моя творческая смерть. Я удивляюсь, что до сих пор жив физически, и, как мне кажется, только затем, чтобы увидеть свой последний сон. Иногда моя рука тянется к усыпанной драгоценными камнями ручке, преподнесенной богатым меценатом в день вручения Нобелевской премии, и мой разум пытается в тяжких потугах выдать какой-то новый перл...

Я вглядываюсь в мутный мир, вновь и вновь процеживаю, словно золотоискатель, реку жизни, но ничего стоящего не нахожу. Все больше черепки да кости. Продолжаю ждать, когда в недрах подсознания заработает какой-то непонятный даже мне механизм и вынесет наверх нечто необычайное. Но, несмотря на все старания, ничего в моих снах больше найти не удастся. Они пусты, как отвал горной породы, как свежевырытая могила, как разграбленный склеп, как простор вселенной...

Я оборачиваюсь назад, за спиной – рукоплещущая толпа почитателей и стена из написанных книг. А впереди уже чернильная мгла. Подсознание исчерпано, в душе моей царит пустота...

И все-таки, после множества неудачных попыток, я увидел свой последний сон. После невыносимых мучений мне удалось извлечь хоть что-то из подсознания. Казалось, я был вознагражден. Кое-что еще оставалось неизвлеченным из недр моей души.

Ко мне из тьмы вышла женщина. Не очень красивая. Я даже особенно не вглядывался в ее бледное лицо, чтобы не догадаться, кто она. Женщина принесла мне книгу. Подала ее сразу, жалко улыбнувшись, точно выполнила мое собственное поручение. О Господи! Каким это было подарком. Нужно было всего-то быстро прочесть все и запомнить. Это был свежизданный том. Сильно пахло кожей и типографской краской. На переплете горело золотое тиснение. Страницы безукоризненной белизны были испещрены крохотными черными значками. Иногда попадались замысловатые графические рисунки.

Но, сколько я ни вертел в руках тяжелый том, сколько ни листал страницы, пытаясь уловить смысл напечатанного или хотя бы разобрать рисунки, у меня не получалось это сделать. Я еще долго с отчаянным упорством старался понять, что же это за книга. Ведь после ее прочтения станет ясно, о чем будет мой следующий роман. Но у меня не вышло ровным счетом

ничего. Кажется, я стал выкрикивать проклятья, угрозы и ругательства. Книга к ним отнеслась равнодушно. Мне оставалось только проснуться.

Ереванские нищие

Заработать на улице, не имея при этом в кармане и тысячи драм, очень непросто. Но есть люди, которые зарабатывают именно так. Это нищие. Можно просто подойти и попросить у первого прохожего денег. Скорее всего, он вам откажет. С чего бы это незнакомый вам человек протянул вам монету! С чего бы? Ведь даже на сто драм можно купить хлеб-матнакаш или сесть в маршрутное такси.

И все-таки нищие в Ереване не переводятся. А почему? Потому что заработать, протягивая руку, можно. Это поняли многие. Правда, немногие могут воспользоваться этой возможностью. А почему? Потому что для этого нужен талант, как, в общем-то, и во всяком другом деле и начинании. Нужно быстро и точно надавить на какую-то психологическую точку, чтобы человек-прохожий не смог не расстаться со своей заветной монеткой. Прохожие тоже не все одинаковые. Поговорим и о тех, и о других.

Любителей поклянчить деньги на улице довольно много. Это и невзрачного вида человек, рассказывающий вам, как он не может уехать из Еревана восвояси, потому что не имеет денег на транспорт. Чаще не срabатывает. Люди уже попривыкли к подобным историям. Это и старуха, что просит на лекарство, объясняя вам, что именно этой вашей монетки ей и не хватает, чтобы избавиться от гложущей ее болезни. Нет, вы не сухарь. Просто вы знаете, что под этим фальшивым предлогом она хочет выманить заветную монету.

А может быть, она не лжет? А может быть, вы действительно так задешево спасете человека? Боже упаси!..

Я не призываю вас подавать всем нищим. Но есть же люди, которым вы протянули свою стодрамовую монетку. А значит, к вашей душе был найден ключик. Я не говорю, что все нищие талантливы. Но есть среди них такие, которые действительно в своих ухищрениях раскрыть потайную дверь вашей души достигли большого мастерства. Правда, вся штука в том, что открыть одним и тем же способом вашу душу и достать из вашего кармана деньги практически невозможно. Прохожие тоже обретают устойчивость ко всяким такого рода шаблонам. Так, перевелись, например, одноногие фидайны на ереванских улицах. Я лично почти всегда был уверен, что эти фидаи ненастоящие... что у них подвязана одна нога, да и на фронте их не было никогда. Что, вы так не считаете?.. Ну, расставайтесь тогда со своей заветной монеткой. Может, хотя бы проверите... Впрочем, вряд ли кто полезет в это маскировочное рубище проверять, есть ли там нога...

Образ нищего постоянно испытывает какие-то метаморфозы. Нищие все время выдумывают новые способы поразить ваше воображение и выудить из вашего кармана истертую блестящую монету.

Каждое утро, когда я спускался в метро «Гарегин Нжде», в переходе мне попадалась старуха, образ которой действительно поражал. Она с каким-то странным презрением на своем бульдожьем лице протягивала руку шедшим передо мной прохожим, а когда с ней равнялся я, почему-то выразительно мне подмигивала... Это меня всякий раз поражало. И однажды я ей подал. Сам не знаю почему. Но самое удивительное, что она отказалась от моих денег. Так в течение нескольких месяцев мы вместе ходили на работу. И однажды после очередного подмигивания я ей снова подал... на этот раз много больше. После этого старуха куда-то исчезла из перехода.

Почему-то до сих пор, когда прохожу это место в переходе, мне вспоминаются ее подмигивания... Поразить воображение и выманить монетку можно попробовать

очень по-разному. Можно нарядиться в благочестивую старуху и усесться недалеко от церкви Сурб Саркис, протягивая каждому встречному-поперечному руку и благословляя его. Впечатляет. На некоторых действует безотказно. Да и я чаще всего испытываю какую-то вину перед такими нищими... Иногда подаю.

Можно просто отпустить щетину и шататься пьяным по улице, пугая своим крутым видом юнцов, прося у них сначала закурить, дать им возможность с тобой по-панибратствовать, а потом попробовать еще и сшибить у них немного денег... Можно и так. Наверняка вам встречались и такие...

Можно подойти к влюбленной паре и попросить милостыню. Скорее всего, парень вам не откажет. И подаст он не вам. Ведь так он лишний раз произведет благоприятное впечатление на свою девушку.

Можно распевать патриотические песни в вагонах метро, как всем известная полоумная Рузан. Голь на выдумки хитра, как говорится. Но после того как ее вид стал вызывать один лишь смех у пассажиров, я что-то ее в переходах метро больше не встречал.

Поразил меня всякий раз и вид нищего мальчика с собакой, который на выпрошенные деньги щедро кормил хот-догами своего верного четвероного компаньона. Поразил меня однажды и вид женщины с довольно взрослым ребенком, который рядом с выпрашивающей милостыню матерью зубрил какой-то урок, тыча пальцем в учебник. По всей видимости, ребенку совершенно не мешали ни мелькающие ноги прохожих, ни шум улицы, ни звон сыплющихся довольно часто монет. О качестве такого учения остается только догадываться.

Поразил меня однажды и вид нищей, почти потерявшей сознание от жары старухи, выпрашивающей милостыню на самом солнцепеке, когда рядом лежала прохладная тень от гранитной стены. Она упрямо не внимала советам некоторых прохожих пересесть в тень. Стало быть, на солнце ей подавали чаще...

Но больше всего меня поражал изо дня в день вид одного нищего, промышлявшего у станции метро «Горцаранаин». Представьте себе работягу в потрепанном костюме. Он с самого раннего утра, когда немногочисленный рабочий народ порциями выходил из метро, усаживался в тени автобусного столба и протягивал руку. Целый день, пока у людей не заканчивались рабочие часы, он просил милостыню. Можно было подумать, что он тоже со всеми вместе ходит на работу. Как он умудрялся весь день прятаться в узкой тени автобусного столба, уму непостижимо. Этот странный нищий выставлял на солнце прозрачную пластиковую бутылку с водой и в определенный час, видимо, это был «обеденный перерыв», распивал кофе. Иногда я видел его продающим там же семечки. Странно, но люди, спешившие на работу, частенько их у него покупали. И зачем им были нужны на работе семечки? Несколько раз я замечал вокруг него небольшую толпу людей, скорее всего, чернорабочих, которые рассказывали ему о своей нелегкой трудовой жизни. А может быть, они говорили о чем-то другом? Может быть... Давно я не выхожу на станции «Горцаранаин». Не знаю даже, может быть, сидит он там и по сей день.

Не хочу создать ложное впечатление, будто я против того, чтобы подавать убогим. Помочь ближнему всегда было богоугодным делом. Не мне кого-либо учить, как расставаться с деньгами. Однако пусть не получится так, что вами заработанные деньги у вас просто хитро и ловко выманили. И, простившись с заветной монеткой, всегда постарайтесь понять, почему вы это делаете и зачем. И на каких струнках вашей души сыграл профессиональный нищий. Какие чувства он заставил проснуться в вашей душе: патриотизма ли, богобоязненности ли, долга или обычного человеческого.

Быть может, таким образом вы лучше станете разбираться в самих себе.

Ольга Грушевская

*Трефы, бубны,
Трефобубны,
Грехогубна жизнь моя.*

*Пики, черви,
Пикочервы,
Бигарадия горька...*

Нет, ну какая ж наша жизнь игра?! Это все серьезно – давно и с многозначительным взглядом. И как тут ни иронизируй, а напрягаться и делать выбор приходится ежедневно, и не всегда это удачно, слету получается. Нет, жизнь – это, конечно, серьезно. Серьезно и непредсказуемо... При этом обязательно какое-нибудь правило выскочит: то закон пустоты, то закон неслучайных случайностей. Наверное, жизнь просто штука такая, в которой без игры – ну никак: на выбывающего, на проигравшего или победителя... А иногда игра зависит не от самих участников, а от наблюдающих – зрителей, палец вверх поднимающих или вниз им тыкающих.

Почему-то в этой связи захотелось вспомнить друзей юности – того времени, когда мы знали точно и стопроцентно: жизнь – игра! Выиграем всенепременно!

Почти так и получилось...

Писатель, общественный деятель в области культуры и искусства. Издавалась в России, Израиле, США, Австралии, Армении.

Руководитель проекта «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ).

«Тот дивный мир ...»³

Я кто-то другой,
Я подменяю кого-то,
Кажется, что я высок ростом,
Но поглядите –
У меня просто высокие каблуки,
Все простые вещи,
Которые я вижу, очень сложны,
Я выгляжу молодым,
Но мне кажется, что я стар...

П. Таунсенд. «Мое поколение»

Ему очень хотелось, чтобы время остановилось. Впрочем, он чувствовал, что это уже произошло. Время осталось на мокрой улице, закуталось в длинный шарф и примостилось на лавочке, не имея больше никакого отношения к происходящему. День заканчивался впустую. Все и никого. Он устало взглянул на Катю – тушь размазалась, и от этого глаза казались большими и печальными, как у Пьеро; нос спрятался в широкий ворот свитера, торчащего из-под черного плаща.

Ей было сложно со Стасом: никогда нельзя было сказать, что он придумает в следующую минуту. Чаше Стас был молчалив, находясь в равнодушном созерцании, а иногда становился взрывным и резким. Его юношеское позерство и детская самовлюбленность, замешенные на целом комплексе личных переживаний, не раз заставляли ее убежать, прятаться, а затем вновь возвращаться.

Они были феерически и непростительно молоды!

Вечер проходил неудачно.

Стас встретил Катю у института. Проглотив холодный кофе в заведении с высокими потолками на Герце-

³ В редакции 2016 г.

на⁴, они прошатались около часа по улицам, не зная, куда податься. Ехать домой – к нему или к ней, сидеть, прислушиваясь к голосам родителей, было невыносимо. По дороге к «повторке»⁵ Стас заскочил в автомат и набрал номер старого знакомого – появилась идея послушать его новые стихи, или почитать по ролям новый сценарий, или просто поимпровизировать на фоне. Но монотонные гудки исключили и эту возможность.

Стас вышел из автомата, предчувствуя неудачный конец дня. В кармане он сжимал свою пьесу «Волшебная роза Христиана Андерсена». Ему дико хотелось подхватить Катю и, устроившись где-нибудь поуютнее, прочитать ей эту сказку.

Стас вышел из автомата, внезапно вспоминая, как однажды читал эту пьесу своей старой знакомой. Девчонка была маленькая, тоненькая, серенькая, с грустными глазами, и именно ей он как-то черкнул на клочке бумаги:

*Что мне сказать тебе, подруга, –
Подруга бывшего подругиного друга,
Выпей вина – обрадуешься за себя,
Зачем-то выслушай меня –
Все расскажу – и про нее, и про себя,
Все больше на коленях у тебя ее я предаю,
Ее любя!⁶*

⁴ Имеется в виду кофейня на улице Герцена (1920–1993), сейчас улица Большая Никитская.

⁵ Имеется в виду кинотеатр повторного фильма «Иллюзион», расположенный в высотном здании на Котельнической набережной (дом 15/1) в Москве, был открыт в 1966 г. и специализировался на демонстрации фильмов из Госфильмофонда.

⁶ Стихи Миши Чекалина. М. Чекалин – композитор, исполнитель, художник, стоявший у истоков разных направлений современной музыки в эпоху андеграунда 1970-х–1980-х годов, один из пионеров звука, автор сочинений электронной, экспериментальной, симфонической, камерной музыки, произведений в стиле прогрессивного рока, а также музыки для театра, кино и балета.

Он нагрянул к ней тогда случайно, та болела, и со словами: «Ты только послушай!» – поудобнее устроился у изножья большой разобранной постели. Стас читал с упоением, меняя голоса и взмахивая руками. Его переполняла сентиментальность, взрослая умиленность, смешанная с отчаянием. Перед их вчерашним детством он зашторил будущее и окантовал настоящее; играл на сцене ее кровати, превращаясь то в живого Андерсена, то в его наивно бесстрашных героев. Голос часто срывался, правой рукой он держал рукопись, а пальцы левой руки выделяли пируэты, лицо расплзлось в улыбке, а глаза требовали, чтобы им верили.

Стас вышел из автомата, предчувствуя, что Кате он никогда не прочитает свою пьесу.

– Ничего страшного, – улыбнулся он, обращаясь скорее к себе, чем к Кате, – зато прогулялись.

А еще через час они наконец оказались в теплой компании отдаленно знакомого приятеля. То, что компания была незнакомой, Стаса обрадовало – хотелось нового общения. Он не всегда любил подчеркивать свою индивидуальность, чаще следовал общему правилу – объявить о своей типичности: «Старики, я такой же, как вы», чтобы не вызвать раздражения, и только потом, оказавшись частичкой одной системы и, завоевав в ней прочное место, наконец проявить себя: «Старики, а я-то иной».

Квартира, в которой оказались молодые люди, была безнадежно заставлена и увешана всякой всячиной, что характеризовало ее хозяина как человека сумбурного, чудаковатого и творческого, а значит, безвозвратно потерянного не только в этой обители со множеством мелочей, но и в самом себе. Стены до потолка покрывали плакаты, вырезки из журналов, скетчи на клочках бумаги, стихи, пришпиленные к обоям значками с советской символикой, фотографии без лиц – руки-руки-руки, ну и конечно же, картины

с Малой Грузинской⁷ – а как же без них в богемной квартире!

Для большой компании места было маловато, но все умудрялись как-то разместиться. Кто на диване, рядом с которым торчал унылый зеленый торшер, а сверху нависали книжные полки, украшенные цепочками из старых очечных оправ. Кто с вином и сигаретами на полу среди проводов и нагромождения аппаратуры и музыкальных инструментов. Повсюду – бумаги с текстами, стихами, нотами, карандашными набросками, незаконченными мыслями...

В теплой и шумной квартире царила томная лень: лень обняла Стаса за плечи, усадила в угол в продавленное кресло по моде 60-х и сунула в руки коричневый томик Бунина – нет, не читать, а листать, вдыхать... страницы, буквы, смыслы, ну и просто – посидеть с Буниным.

В приглушенном свете Стас неспешно скользил взглядом по присутствующим, внезапно распознав среди худых фигур в джинсах и водолазках ту самую серенькую знакомую, которой некогда читал свою сказку. Между ними осталась легкая недосказанность, и теперь в ответ на ее вопросительный взгляд он нежно улыбнулся.

Стас рассмотрел и невысокого, модно одетого молодого человека с широкой фернанделевской улыбкой, вполголоса рассуждающего об универсальности красоты. Молодой «Фернандель»⁸ насмешливо посматривал

⁷ Имеется в виду выставочный зал на ул. Малая Грузинская, д. 28, а точнее, сообщество 20 художников-нонконформистов, представителей так называемого «неофициального искусства», просуществовавшего с 1978 по 1988 г. Выставки на Малой Грузинской устраивались полуполюгально, информация об их проведении распространялась по «сарафанному радио». С группой «20» работал и композитор Михаил Чекалин, соединяя в выставочном пространстве живопись и музыку.

⁸ Французский актер, один из величайших комиков театра и кино Франции и Италии.

на своих собеседников, удивляясь, что кому-то не понятны мысли, кажущиеся очевидными. Рядом с ним размахивал рукой светловолосый паренек, смахивающий на молодого поручика русской армии. Светловолосый «поручик» с готовностью и самозабвенной юношеской самоуверенностью вступал в несколько разговоров сразу – в разных углах квартиры, сбиваясь на подробности и уточнения, встречая возражения и отпор, но не слыша их, а бросаясь в словесный бой. Периодически между гостями, по-мефистофелевски внезапно и обреченно, вырастала фигура хозяина дома – долговязого и длинноволосого юноши с худыми нервными руками и длинными тонкими пальцами, широкой искренней улыбкой и несмеющимся взглядом сквозь очки в массивной оправе. Он доминировал, двигался резко и непредсказуемо, порывисто курил, соря пеплом сигареты в вытянутой руке, утверждал и доказывал, бросаясь к фоно и призывая слушать музыку, а потом внезапно замирал, словно устав от себя и от присутствующих, от невозможности досказать, донести...

Стас не пытался найти ни связующего звена, ни самого себя среди этих молодых людей и водолазочно-джинсовых глазастых девчонок. Только он вдруг остановился и громко, нарушая уже созданный трепетный полусшепот, сказал:

– Старики! Вырубите эту муть, – он подскочил к вертушке⁹ и смахнул иглу. – Что за дешевые пьяные взгляды?! Еще мгновение – и вы разойдетесь, почти не зная друг друга, не понимая, зачем вы здесь, вы упустите мгновение, забыв имена девчонок, которых обнимаете. Что за гормональное возбуждение?! Не говорите о любви – срок ее действия мал, и мы еще от нее не словили кайфа. Но пусть она будет стимулом. Давайте искать новую форму общения. Давайте забудем условности и заглянем в глаза друг другу, а вдруг там уже ничего нет и никогда не было! Разве уже начался процесс гниения

⁹ Проигрыватель виниловых дисков.

от собственной значимости? Эй, старики, кто вы? Что вы знаете о себе? Поверните глаза внутрь – ну, как там? Скажу без вас – там модный цинизм и самонадеянность, необходимые, чтобы скрыть закомплексованность. Долой философию, когда одиночество прет изнутри, когда предки стучат в сортир – ведь только там от них можно спрятаться, чтобы черкнуть свои лучшие стихи. Что вас толкает к неестественному слиянию естественных порывов?

Стас замолчал, понимая, что его не слушают, а его экзистенциальный поиск мало кому интересен. Хозяин дома за фоно импровизировал на темы Элтона Джона. Дотронувшись рукой до Катинной щеки, Стас захотел ее поцеловать. Но она уклонилась и отвернулась.

– Это пройдет, – прошептал он, обращаясь скорее к себе, чем к ней. – Ты отворачиваешься, ты делаешь мне больно. Это еще не боль, пока только мысль о ней – я плачу о себе. Но я знаю, что это болезненное мгновение пройдет, ведь это только мгновение! И мы не раз будем себя оплакивать. Нежность пройдет – боль останется. Уйдешь ты – останусь я. Ты забереешь с собой нашу нежность – я буду вечно беречь нашу боль. Я не боюсь сентиментальностей. Мне не страшны банальности. Банальности пошлы со сцены, громким голосом, но простительны между двумя. Между тобой и мной, между началом и концом, между уходом и ожиданием. Ведь это игра!

* * *

Автобус был почти пуст. Стас провожал Катю домой. Пьесу он ей так и не прочитал, но горевать об этом не хотелось, впрочем как и разговаривать. Он молчал с удовольствием, ощущая подступающую теплую пустоту – она медленно заполняла все его тело, перемешиваясь с искрящимся сумбуром слов:

*...что мне сказать тебе, подруга, –
подруга старого подругиного друга...*

За окном проскакивали тоскливо светящиеся фонари, и на размытые в стекле отражения Стаса и Кати накладывались выхваченные отпечатки уличного пространства, подобно журнальным коллажам, превращающим путешествие в фантаσμαгорию.

*...и снова на коленях у тебя
сегодня я,
ее любя...*

Время замедлялось, Стас улыбался сам себе улыбкой Чеширского Кота.

*...нам волосы смешает встречный ветер,
И снова нам понравится другдрузжин рост...¹⁰*

В противоположном ряду у окна сидел сгорбленный человек, почти полностью исчезнувший в старомодном ратиновом пальто. Он совсем не двигался, вероятно, спал. Стас внимательно смотрел на человека-пальто, ловя себя на мысли, что завидует. Завидует человечку, потому что тому никого не надо было провожать, а следовательно, и возвращаться по опустевшим черным улицам, хныкающим дождями, совсем-совсем одному. А еще завидует человечку потому, что у того есть широкое пальто, в котором можно спрятаться, превратившись в ком, и спокойно проспать до утра – без снов, без сожалений и без всякой связи с окружающим миром.

Потом Стас решил, что все-таки не завидует, а просто жалеет дядьку – ведь у того не было ни Кати, ни «Волшебной розы...» в кармане. Да он, наверное, уже никого и не ждет и не встречает – в толпе студентов, непростительно ярко излучающих звенящий восторг юности. Наверное, в его квартире тихо, а если тишина и нарушается звонками, то это всего лишь будильник.

¹⁰ М. Чекалин.

Скорее всего, он уже что-то упустил, о чем-то жалеет и ему уже самому давно скучно от собственных мыслей.

Автобус остановился.

Пальто неожиданно встрепенулось, из него, как из дупла, показалась и покрутилась налево-направо взъерошенная голова на жилистой тонкой шее. Затем чудной пассажир резко вскочил и бросился к выходу, однако у дверей вдруг остановился и, тяжело вздохнув, махнул рукой:

– Поезжай, водитель. Я проехал. – Он говорил громко, протягивая гласные, словно вообще проверял свою способность строить фразы. – Теперь уж поеду до конечной.

Вернувшись на место, человек-пальто передумал спать, и вместо этого, потеплее закутавшись, повернулся к Стасу и Кате. Он долго их разглядывал, а затем серьезно сказал:

– Привет.

Человечек был средних лет, вытянутое лицо его было похоже на плохо очищенное яйцо. Оно напоминало ту самую «рожицу», которую часто рисуют, чтобы рассмешить детей: с одной стороны она смеется, а перевернешь лист – плачет. Похоже, в тот момент «рожица» плакала. Глаза маленького человечка были водянисто-прозрачные, а бесцветные губы – по-детски поджаты.

– Привет, – буркнул Стас. Меньше всего на свете он хотел в ту минуту вести беседы с неприкаянными подвыпившими пассажирами ночных автобусов. Ему было лень открывать рот, шевелить языком, выдавливать из себя, как из тюбика, слова. Он не хотел, чтобы кто-то подглядывал за пестрым ворохом щекочущих мыслей в его голове, поэтому всем своим видом показал, что разговаривать не расположен.

– Нет, нет, только не подумайте, ребята, что я вот... тут... пьяный и поэтому... – вдруг начал оправдываться человечек, разглядывая пуговицу на Катином плаще. – Я ведь не просто так. Я вообще никогда ни с кем не за-

говариваю на улице, без причины. Просто сегодня день такой...

Стас понял, что ему не избежать монолога непонятого гения или, что еще хуже, человека, который думал, что у него все впереди, а оказалось... И усмехнулся: ну что же у меня за физиономия такая, что я все время становлюсь исповедником таких вот уличных философов.

– Веселый сегодня день, – продолжал чудной пассажир. – Утром поехал на вокзал жену встречать, а оказалось, что она уже вчера приехала... Мы вместе не живем... Затем заехал в редакцию забрать рукопись – они сказали, что очень талантливо, но в этом году напечатать не смогут. У них очередь из блатных, – пояснил он. – Потом... заехал к приятелю, а тот год уж как в командировке на Севере. Тогда зашел в «Лиру»¹¹ выпить за свое здоровье. Вот... так сказать... У меня ведь сегодня день рождения, – человечек задумчиво посмотрел в темное окно, а потом вдруг опять встрепенулся и гордо добавил: – Я поэт!

– По-эт, – Катя улыбнулась. – Ну и как? Печатают?

– Я – профессионал. То есть это моя профессия, я на это живу, – пояснил собеседник.

– А что еще вы умеете делать? – бросил Стас, чтобы хоть что-то сказать.

– Что вы имеете в виду? – насторожился человечек и шепотом уточнил – А что надо сделать?

Возникла пауза, и Стас почувствовал, что очень хочет скинуть с поэта его нелепое пальто и посмотреть, что же там внутри.

Не дождавшись ответа, человек-пальто опять расслабился и продолжил с грустной усмешкой:

– Я – лирик! Пишу о любви и розовых звездах.

¹¹ Кафе у станции метро «Пушкинская» – популярное место в 70-е годы, где собирались артисты, политики, золотая молодежь и гости столицы.

– Вы в школе учились? – Стас хотел поскорей закончить начавшийся разговор. – Вам разве не говорили, что розовых звезд не бывает? Что у вас было по астрономии?

– Ах, молодой человек, вы совсем не романтик, вы совсем не мыслите образно, так сказать... метафорично... символически... розовые звезды это как... мечты, которые...

– Почитайте что-нибудь, – вдруг попросила Катя.

Человечек как будто обрадовался, на секунду задумался, потом по-пингвиньи встал, запахнул безразмерное пальто поплотнее и, покачиваясь с пятки на носок, торжественно принялся декламировать:

*Я стану холоден к тебе, как тот мороз,
А также стану колким я и злым,
Я стану молчалив,
И взгляд мой так морозно прост
И не растаетя былым.
Я стану в общем-то иным...
Мороз трескуч, узор чудесный,
Не глядя на окно, представил я его.
Сегодня я не смел нарисовать узор
Твоих бровей в окладе жидких и прямых волос
И параллель – невзрачную улыбку.
Узор бровей, узор волос,
Намек незаплетенных кос,
Сегодня на рисунке я утолищу
Твой складный, чуть с горбинкой нос.¹²*

Повисла тишина. Выступающий откашлялся.

– Бред какой-то, – наконец категорично заключил Стас. Нет, он не имел в виду стихи, они, наоборот, показались ему забавными и даже драматическими. Бредовой казалась сама ситуация: автобус, поэт, «узор бровей», Стас готов был расхохотаться, но торжественно

¹² М. Чекалин.

ное лицо поэта-лирика, а в особенности его ратиновое пальто, останавливали. Тогда он спросил:

– И у вас все такое?

– Ну... это из раннего, – попытался оправдаться поэт. – Могу прочитать что-нибудь про природу.

– Про природу не надо, – остановил Стас: – А вы один живете?

– Да. А что?

– А почитайте из позднего, – попросила Катя, поглубже сунув нос в воротник свитера. Стас посмотрел на нее с укором.

– Да пожалуйста, – человечек снова встал, но потом сел и, глядя в пол, тихо начал:

*Я окна люблю зашторивать,
Чтоб не смотреть на людей,
Мне надоело прищипоривать
Бег затянувшихся дней.*

*Я хочу улыбнуться тоже,
Как делают это они,
Но как будто в темной прихожей
Проходят мои дни.*

*Мне надо найти двери,
Чтоб выйти скорее к ним,
И причаститься к их вере,
Как странствующий пилигрим.¹³*

Все молчали. Автобус продолжал скользить по вечерней Москве. В окна моросил мелкий дождь. Всем было грустно.

– Мне повезло, меня всегда очень любили, и жена, и дочь, и друзья, – бормотал хозяин пальто. – Все так красиво начиналось: белые костюмы, развевающиеся шарфики, детские пальчики. Потом дом, магазины,

¹³ К. Суханов.

дети, все закрутилось и превратилось в один серый мутный день. Они все время от меня чего-то хотели – отщипывали! Этот звонил, та ждала, дети кричали, родственники требовали внимания, жена гремела посудой, друзья просили денег! Но я же творец, мне нужна тишина и целостность моего нутра, а они все ждали чего-то, смотрели с укором и предвкушением, стучали в дверь, шептали в скважину. Ну что здесь напишешь? Даже строчки получались кривыми, буквы пропадали, ритм полз, а я отрывал лишь обрывки нелепых куцых мыслей – стыд! Да... это такая изнуряющая работа: любить, воспитывать, дружить. Вся эта жизнь, эти люди... это такой расход энергии, трата творческой силы. Но я этим ордам противился! Верите? Делал все, чтобы как-то от их глаз и слов спрятаться, но... они оказались сильнее, я сдался. Растащили меня по кусочкам, как домик из кубиков, от меня ничего не осталось; даже фундамент – пришли и выкопали маленькими лопатками. Но потом, вдруг, – человечек сделал паузу и выдохнул: – они исчезли! Куда исчезли? Насытились, что ли? А может, уже больше растаскивать было нечего – испили меня и бросили. Эх, не зря сказано, что человек всегда велик в намерениях, но не в их выполнении. В этом и состоит его очарование.

– Где-то я это уже слышал. Антон Палыч... Упущенные годы, одиночество. Почему вы все вечно вздыхаете и находите всему оправдание?

– Я слышу голос категоричной юности, – горько усмехнулся человечек. – Я смолоду тоже был преисполнен надежд и ждал особого дня своей жизни, когда все мои силы и таланты проявятся с небывалой силой, и тогда я окажусь в центре вселенной, и все меня будут любить, а я никому ничего не буду должен. А потом я однажды проснулся и понял, что я уже давно иду в обратную сторону, так как у меня ничего не осталось, кроме воспоминаний. И вот ведь что удивительно: я и не заметил, что прошла целая жизнь! Когда?

– Какая печальная история, – вздохнула Катя. – Как жаль.

– Нет, нет, не печальтесь, милая девушка. Это только кажется, что мне грустно, но на самом деле я всем доволен. Не оттого я доволен, что мне тепло, но мне тепло оттого, что я доволен. Это не я придумал. Это Спиноза сказал.

Стас отвернулся и посмотрел в окно. Было совершенно темно. Черные улицы скудно светились фонарями. На ум сами собой, откуда-то из школьной программы, всплыли стихи Бунина, за которые ему вlepили «пару» как за невыученное задание. А теперь строчки ожили сами собой и прошелестели куда-то в ночь сквозь замызганные автобусные окна:

*Мы рядом шли, но на меня
Уже взглянуть ты не решалась,
И в ветре мартовского дня
Пустая наша речь терялась.*

*Белели стужей облака,
Сквозь сад, где падали капли,
Бледна была твоя щека,
И, как цветы, глаза синели...*

Память оборвала стихотворение, Стас вздохнул и посмотрел на Катин профиль – точеный и чужой – и понял, что у них никогда ничего не будет.

Автобус остановился, и молодые люди выскочили на промозглою улицу. Ну вот, еще минута-другая, и Катя исчезнет в большом спящем доме. Стас ненавидел этот дом, потому что он был высоким и значительным – символом столицы, потому что в нем шел бесконечный ремонт, потому что в подъезде, несмотря на всю его солидность, всегда горела только одна лампочка, а еще потому, что дом каждый день крал у него странную незнакомую Катю, и потому, что в этом серьезном доме ее

вечно ждала серьезная бабушка. А еще он думал о том, что придется тащиться домой, и как жаль, что Катя не живет в простой многоэтажке на соседней улице.

Они завернули за угол.

– Эй, – человек спешил за ними, похожий в своем пальто на гигантскую летучую мышь.

– Эй, – он подскочил к Стасу и, проглатывая слова, заговорил. – Вы наверно думаете, я на вас обиделся. Вовсе нет. – Стас молчал, а Катя смотрела устало на назойливого собеседника. – Вы, ради бога, простите меня, – продолжал он. – У меня сегодня все-таки день рождения, и я хочу сделать вам какой-нибудь подарок.

Человек-пальто начал беспомощно рыться в бездонных карманах. Катя нетерпеливо взяла Стаса за руку и, стараясь сдерживать раздражение, проговорила:

– Мы – музыканты, люди творческие, народ привередливый.

Человек на секунду замер, затем медленно поднял глаза и просиял, словно на него спустилось озарение:

– Музыканты?! Так это же то, что надо! Я подарю вам пианино! Оно, правда, у меня дома, – уточнил назойливый пассажир, как будто пианино должно было стоять где-нибудь здесь, на улице. – И оно старое... Но очень хорошее! Сам я не играю. Дочка училась. Думал продать – жалко, – он говорил отрывисто, делая перед каждым словом томительную паузу. – Вы его заберете себе. Может быть, пригодится. Я хочу подарить его вам!

Стас задержал дыхание, чтобы не сказать что-то нелепое, а Катя уже готова была расплакаться.

– Ребята, милые, ну что же вы молчите! Мы сейчас возьмем такси, я тут рядом живу. Я уже все решил! Я подарю его вам! Мне совсем не жалко. Между прочим, очень хорошая фирма. Сейчас, сейчас...

Человек засуетился, бросился к дороге с поднятой рукой, спотыкаясь и неуклюже ступая в лужи. Катя испуганно потянула Стаса за руку, пытаясь увлечь в сторону дома:

– Пойдем скорее, ведь он действительно сейчас поймает «тачку»...

Стас сделал шаг в ее сторону, но вдруг остановился и резко высвободился из ее руки:

– Я еду смотреть пианино, – сказал он. Катя застыла на месте. – Мы уже около твоего дома – до квартиры и сама доберешься. Вон у вас еще и свет горит, – добавил он.

– Боже мой, что за чушь! – воскликнула Катя в отчаянии.

Но Стас уже не смотрел на Катю.

– Послушай, – Катя неожиданно успокоилась и озадаченно спросила: – А куда ты его поставишь? Ведь у тебя уже есть фортепьяно.

– Скорее, скорее! – большое пальто махало с дороги, неуклюже хватаясь за дверцу такси. – Две минуты – и мы уже на месте!

Стас, охваченный странным волнением, бросился к машине, увлекая за собой и свою маленькую спутницу.

Через десять минут компания вошла в обычную пятиэтажку без лифта. Человечек шел решительно и быстро, глядя под ноги, словно сосредоточенно считал ступеньки. На четвертом этаже, где не было света, он наконец остановился перед малоприметной дверью и принялся копать в глубоких карманах.

Стас уткнулся в шарф и улыбался. Он чувствовал, как по его лицу непроизвольно расплывается детская улыбка-лужа, и ничего с этим поделать было невозможно. Он ощутил, что очень хочет играть: сесть за старенькое пианино, почувствовать пальцами новые незнакомые клавиши, с силой взять аккорд и услышать совсем новые звуки, не те, которые должны быть, а совсем иные созвучия. Но это услышит только он, и поймет только он, и сыграет что-то безудержно веселое, музыкальную буффонаду! И как он раньше этого не понял – ведь мелодия еще утром сложилась у него в голове, сама по себе, в дисгармонии с настроением, и ждала,

ждала выхода, – и вот этот момент наступил! Так вот что томило целый день душу, не давая покоя, вот чего Стас ждал, но никак не мог распознать! Да-да, это будет что-то очень легкое, воздушное, чтобы именно так завершить этот скучный день.

А потом... а потом он возьмет этот большой подарок, обернет целлофаном, словно инеем покроет, и наклеит табличку «Подарено» вместо «Продано» как ставят в магазинах; затем аккуратно снесет его вниз, на землю, в дождь; а когда завернет за угол и дом исчезнет из виду, выйдет на пустырь – большой и бесхозный, где скоро должны построить новый жилой дом. Поставит пианино в самом центре пустыря и уйдет. Но уйдет не потому, что свой подарок бросит, а потому, что надо уйти – ненадолго, чтобы потом вернуться, уйти – чтобы проводить Катю.

Когда они вошли в комнату, Стас сразу увидел «подарок». Пианино одиноко стояло среди шкафов, столов и стульев, настенных часов, почерневших заварных чайников, мятой одежды и стопок книг. Человек начал яростно все раскидывать, очищая проход к инструменту и смахивая на ходу пыль широким рукавом пальто.

Стас поспешно отстранил хозяина, схватил подвернувшийся на пути стул и кинулся к пианино. Хлопнула крышка, раздался удовлетворенный смех.

Катя стояла, прислонившись к косяку двери, сжимая пальцами в кармане какую-то труху от орехов и трамвайных билетов. Плакать уже не хотелось. Она с ужасом смотрела на маленького человечка, который, подпрыгивая и странно вытягивая сухую шею, бегал вокруг мебельных нагромождений, что-то напевая про день рождения.

– Сегодня был дурной день, но в нашей власти организовать хороший конец. Не будем больше подлавливать друг друга на мелочах. Все происходящее – лишь маленькая сценка из водевиля, – веселился Стас. – Итак, легкая музыка завершает его!

Стас поднял кисти рук, застыл на мгновение, а затем опустил длинные пальцы на клавиши и стремительно взял подряд несколько легких аккордов.

Пианино взвизгнуло, кашлянуло и наполнило комнату глухим умирающим стоном, срывающимся и переходящим в беспомощную мольбу. Какие-то клавиши провалились беззвучно, и ожидаемые созвучия выстроились в длинную очередь у выхода, обречено осознавая всю невозможность своего существования. Стас растерянно уставился на свои пальцы, потом резко обернулся, встретив испуганные взгляды Кати и хозяйна квартиры.

– Старики, а ведь пианино-то не играет, – покачал он головой, – да... хороший конец не удался.

Стас встал и пошел к двери.

– Я не знал, что оно так расстроено. Я не подходил к нему... очень давно, – человек понуро сидел в кресле и задумчиво тербил пуговицу. Потом он встрепенулся. – Но ведь его можно настроить, найти мастера. Это, наверное, не так дорого...

Стас подтянул шарф, вздохнул и сказал:

– Лень.

Уже с лестницы он крикнул:

– Прости, старик, жаль, что водевиль не удался. Ты продай его – деньги будут...

Они возвратились к Катиной высотке уже совсем поздно. Стас попытался поцеловать подругу, но та покачала головой: «Я ухожу...» – и скрылась в подъезде.

Укутавшись в длинный шарф и подняв воротник куцего пальтишка, шлепая по мартовским лужам, Стас шел по ночным московским улицам и широко улыбался, а в его голове прокручивались последние недосказанные строки:

*Уже полураскрытых уст
Я избегал касаться взглядом,
И был еще блаженно пуст
Тот дивный мир, где шли мы рядом.*

Сонет Поризовского

Поэт Поризовский решил повеситься.

Он сказал мне об этом на полном серьезе, роясь в бесчисленных ящиках внушительного письменного стола.

– Нет никакого смысла больше валандаться с этой историей. Я устал. Они считают, что я убил Лолу. У меня нет алиби. Никакие доводы не действуют, – Поризовский искал ручку, чтобы черкнуть предсмертную записку о своей невиновности.

– Но ты же там был? – я стояла у окна и рассматривала с пятнадцатого этажа панораму ночного города. Панорама походила на подсвеченный треснувший лед, разлетевшийся золотыми брызгами по черному полю.

– Не спорю, я там был. Но я ведь ушел!

– За минуту до случившегося.

– Это ничего не значит. Да, они нашли мои тапочки. Ее тело лежало на них, – Поризовский обреченно вздохнул, но тут же возмутился: – Лола всегда пыталась верховодить, а в этом – даже превзошла себя!

Мой визит был неожиданным для нас обоих. Мы случайно встретились в кофейне, признав друг в друге старых институтских друзей.

Поризовский говорил много, сумбурно, по старинке сетовал на нехватку денег, повсеместную духовную импотенцию и любовный вакуум. «А Лола та еще была сука, – жаловался он, потягивая эспрессо, – подставила меня по полной программе. Наглotalась какой-то дрянни, старая дура. Как малолетка! Я за дверь, а она, получается, хлобысть горсть таблеток после моего ухода. Как будто я ее вынудил...». – «Она ждала колечка, фаты и белого платья, хотела стабильности, а ты: “Ухожу-ухожу, надоели истерики”», – ехидно предположила я, но тут же пожалела: старый приятель соорудил такую гримасу, что даже Брэм Стокер остался б доволен.

«Я тоже хочу стабильности, – зашипел он, – но не настолько, чтобы оставшуюся жизнь прожить в стабильных мучениях. Хотя... – он расслабился и с грустью вздохнул, – мне ее жаль, я любил ее». – «Да?»

Я выпустила струйку сигаретного дыма в ночь: пятнадцатый – это тебе не пятый, весь в ветках, заслоняющих вид на тихий московский дворик. Пятнадцатый – это вид на огромный суетящийся мегаполис, любая оставка в котором подобна техногенной катастрофе.

– Повеситься не так легко, – предостерегла я.

– Вовсе нет, – возразил Поризовский где-то у меня за спиной, – легко. Надо просто разбежаться и прыгнуть в окно.

Я оглянулась.

Поризовский стоял в коридоре с петлей на шее. В качестве веревки он использовал длинный телефонный шнур, конец которого привязал к ручке входной двери.

– Ну как? – поинтересовался он, словно демонстрировал новый костюм.

Я пожалала плечами:

– Нормально, – и посмотрела на шнур. – Не коротко?

– Нет, я измерил. Нормально.

Я спросила: «Не коротко?» – лишь для того, чтобы как-то проявить сочувствие. На самом деле мне было все равно, «повесится» Поризовский или «выпрыгнет в окно». Я понимала, что это игра, представление. Наверное, он просто одинок и нуждается во внимании. Единственное, чего не понимала, – что делала я в его квартире? Именно так и думала: «И что только я делаю в этой квартире? И зачем мне Поризовский? И остался ли он поэтом?». Хотя... я лукавлю.

Когда-то мы вместе учились в Универсе, на журфаке, Поризовский – на курс старше меня, и в годы учебы он писал стихи. Он был талантлив, это все признавали, и женщины-препы ему улыбались нежно.

Однажды Поризовский сочинил сонет. И посвятил его мне.

Ах, сонет... Он сыграл в моей жизни животворящую роль, о которой автор даже не догадывался. Сонет превратил меня из гадкого утенка в царевну-лебедь, придав мне уверенности и чрезмерной значимости – не только на курсе, но и во всей вселенной. За это я была ему благодарна и всю жизнь хранила пожелтевший листок у себя в бумагах. Может быть, поэтому я оказалась здесь. К тому же меня всегда волновал вопрос, а что же там – после титров.

– С другой стороны, если я повешусь, а потом меня посмертно оправдают, будет досадно, – в словах Поризовского появились нотки сомнений. – В конце концов, я тебя пригласил не для того, чтобы совершать при тебе суицид.

– Разумно, – я поняла, что время пришло и нечего больше болтать. И вообще, я уже рассталась с мужем и не была связана никакими обязательствами, можно было начать что-то новое, а Поризовский – прекрасная находка из прошлого. Но вместо каких-то действий я с досадой подумала: «Какого черта мы расстались с мужем – с ним было все понятно и знакомо, и зачем только я раздражалась на мелочи, и где он сейчас? А неповесившийся Поризовский будет теперь меня целовать, я буду привыкать к забытым тактильным и вкусовым ощущениям, буду свыкаться с новыми звуками, запахами, и прошлое превратится в будущее и, наверное, в радость. И может быть даже, он напишет еще один новый сонет, и я опять стану царицей какой-то вселенной, а в моем доме появятся его тапки, точно такие же, на которых недавно нашли Лолу».

Поризовский обнял меня сзади и поцеловал в шею.

– Странно, как вид из твоего окна не похож на Москву, – сказала я, чтобы хоть что-то сказать. – Разве ж это Москва?

– А ты вглядывайся. Может, и узнаешь. Посильнее выгляни. Посмотри под другим углом.

Я свесилась из окна Поризовского – тот держал меня за талию – и посмотрела налево: ночной город призывно сочился огнями, был огромен, как спрут, и подводно глух.

– Да, там похоже, – соврала я, так как не хотела показаться отставшей от времени.

Студентом Поризовский мотался между общагой и небольшой бабушкиной квартирой на Арбате, куда мы частенько навещались на пирожки, дешевое вино и ночные бдения. Квартира была заставлена старой мебелью, довоенными чемоданами, сервантами с горами посуды, стопками книг и журналами «Новый мир» и «Октябрь». Рассаживались везде – кто где устроится, как воробьи на жердочках, совсем не тяготясь присутствием самой бабушки, сухонькой и кокетливой, которая лишь улыбалась да махала рукой: «А...»

Когда сухонькая бабушка умерла, квартиру со всем ее содержимым его родители продали и уехали в Израиль, оставив сыну на «Речном» однокомнатную хрущевку.

Что было потом, я уже не знаю. Что с ним стало, как жил? Знаю только, что не отстал от времени, не потерялся, а вывернувшись наизнанку на всех фронтах, стал проживать в высотном доме на Остоженке, с пятнадцатого этажа которого я ничего не узнавала.

На Остоженке Поризовский жил аккуратно, современно, хайтекнично-эkleктично, во всем чувствовались чистота и порядок, некий правильный «орднунг»¹⁴, выстраивающий всех сопричастных в утомительную очередь за благами. Ничто вокруг не свидетельствовало о том, что он остался поэтом. И даже не свидетельствовало о том, что он им когда-то был. Поризовский удивительным образом впитал все мутации современного

¹⁴ Ordnung (нем.) – порядок.

пространства и социума и даже нашел в них маленькую ячейку для себя. Журфак сыграл свою роль. Со старомодной завистью я подметила его европейский лоск и демократичность, граничащие с безответственностью, и душа моя наполнилась грустью и щемлением по несбыточному.

Раздался звонок в дверь – пришла дочь Поризовского, в голубом халатике, отороченном по вороту белым мехом. Она жила этажом ниже.

– Оладьи, – громко сказала она, оценивая меня взглядом. Выглядела она выпаренно и отофотошопленно. – А вы не Лола? – поинтересовалась она.

– Нет, – покачала я головой, – я не она. Ее убили.

– А... – информация, похоже, не произвела на девушку никакого впечатления. Раздался сигнал «уведомления», и из кармана халатика был извлечен айфон.

– И конечно же, подозревают тебя, – бросила она в воздух Поризовскому, быстро листая экран.

Поризовский по-детски моргнул:

– Конечно. Как ты догадалась?

– Это просто, – через паузу добавила выпаренная дочь, по-прежнему не поднимая глаз. – Тапки там? Не забрал?

– Нет. Их нашли под ее телом.

– Нет никакого смысла их теперь забирать, – заключила девушка и, бросив телефон в карман, отсутствующе взглянула на отца.

Я оглядела Поризовского: к этому времени он уже снял с шеи шнур, застегнул пиджак – на одну верхнюю пуговицу – и выглядел, на мой взгляд, почти метросексуально, то есть стильно и даже гламурно, несмотря на уже немолодой возраст и советское прошлое. И этот зауженный молодежный костюм... очень даже ему шел, и сорочка белая была к лицу. К нему, должно быть, опять стояли очереди, и женщины сами складывались в штабеля и зазывно кричали. Но мне почему-то его было жаль.

Когда-то он ходил с длинными патлами, в рваных «левисах» и по моде зауженной рубашке, выглядел побобдилановски. Слушал винил: *Flower Power* и *Make Love, Not War, Simon & Garfunkel* и *Grand Funk Railroad*. Пил портвейн, курил «Космос» и фарцовый *Marlboro*. Смотрел «Забриски поинт», «Андрея Рублева» и «Амаркорд». Жизнь казалась прекрасной и бесконечной, и менять ничего не хотелось. И пока он знакомился с длинноногими девушками в коротких замшевых юбках и колли на поводке, мы наизусть читали его стихи и веселили сухонькую бабушку.

Да, время прошло, и Поризовский не выглядел старым, а очень даже молодым, даже слишком, подориангреевски, современно и в теме, ведь ему не хотелось стареть. А он ну ничуть и не состарился – даже в своем нелепом тугом костюме, – так мне казалось на пятнадцатом этаже высотки, и от этого мне было неуютно. Мне хотелось, чтоб было все иначе: хотелось сорвать с Поризовского нелепую одежду и кинуть ему в руки рваные «левисы»: «На, натягивай!», взлохматить седеющую гриву и безжалостно состарить благородные черты, страшась времени; а потом перевернуть весь порядок в доме вверх дном: разбросать старые книги по комнате, выудить из ноутбука, аккуратно сверкающего на столе, косые слова и строчки и покрыть ими разлетевшиеся вокруг бумаги; вытащить из-под кроватей довоенные чемоданы, а из них – голубые сорокапятки и черный винил, институтские фото с «картошки» или засвеченные – с тусовок; а под конец отдернуть штору и увидеть за окном Москву, где через старый московский двор к подъезду ковыляет сухонькая бабушка и весело машет рукой.

Нет-нет, не ностальгия меня обуяла, я просто смотрела на Поризовского и не знала, что лучше: *Make Love, Not War* и сонет в руках или «орднунг» и мертвая Лола.

Ответа не было.

Пусть все остается как есть. Ура настоящему!

– Так вы оладыи будете? Не будете? Тогда я их отнесу обратно, у меня подруга придет – ее угощу, – и практичная девушка-фэнтези в голубом халатике исчезла за входной дверью.

*Признаться в этом самому себе? –
Нет, лучше ни за что не признаваться,
Что я люблю. И пусть в моей судьбе
Потом признанья эти состоятся.*

*Пускай я жертвую – они наверняка
Уместней в будущем. Мечтать, грустить, встречаться
Нам ни к чему. Но... вот моя рука!
Ее даю я, помутнев от боли,
И жду от жизни нового пинка.
Быть может, ты источник доброй воли?
Но нет, слаба ты так же, как и все,
И, как и все, чужой желаешь доли.*

*Бездарно-упоительный отсев
Пройдется по твоим годам цветущим,
Как ножницы по девичьей косе.
Редеет ночь пред утром наступающим.*

*Я онемевшей улицей иду,
Пронизанный сомнением гнетущим.
Жду дня. Опять с тобой свиданья жду.¹⁵*

¹⁵ Алексей Понизовский (род. 1954, Москва) – русский поэт, жил в Москве, в 1979 г. окончил исторический факультет МГУ им. Ломоносова. Сонет – посвящение О. Г.

Джон Маверик

Кто мы? Существа, созданные по образу и подобию божьему? Или наделенные разумом животные? А может быть, просто заигравшиеся дети? И что будет, если мы вдруг прекратим играть и попытаемся увидеть мир без масок, без нелепых, нами же придуманных правил? Каким он предстанет, и как изменится тогда наша жизнь?

На протяжении всей истории человечество задает себе эти вопросы, ответа на которые мы, скорее всего, никогда не найдем.

Но почему бы не помечтать?

Родился в Москве, живу в Германии, в городе Саарбрюккене. По специальности детский психолог, окончил Саарландский Государственный университет. Пишу сказки и короткие фантастические истории. Публиковался в журналах и альманахах.

Публикуемый рассказ занял 1-е место в номинации «Проза» конкурса «Жизнь – игра», организованного МСП «Новый Современник» и МОССАЛИТОм в 2016 г.

Кошка сдохла, хвост облез...

За окнами сгустилась теплая вечерняя тишина. С крыши соседской террасы стайкой вспорхнули крошечные серебряные звездочки и, весело чирикаая, расселись по проводам. Бледно-лиловый месяц по самые рожки увяз в липком мазуте темнеющего неба. Маленький мальчик сидел на поросшем солнечными весенними цветами ковре и играл.

Родители собирались в гости. У тети Розы сегодня день рождения, и она пригласила всех-всех-всех. И дядю Антона, и бабушку Софи, и кузена Ференца с Эрикой, и маму, и папу, и сестру Лиз, и Йонаса... и еще полпоселка. Но Йонас, как на беду, подхватил scarлатину, и теперь ему придется остаться дома. Одному.

– Почему одному? – возмутилась толстая кошка Лика, лениво растянувшаяся на пуховике у газовой печки. – А я?

– Толку от тебя, лежебока, – презрительно отозвался папа. – За собой последить не можешь, как тебе ребенка доверить?

– Сынок, мы скоро вернемся, только поздравим тетю Розу, – сказала мама. – Не будешь бояться? Как горло, болит?

Йонас сглотнул. Болит, конечно, но терпеть можно. Ничего, справится, он уже большой.

– Мам, идите. Я не боюсь.

– Я за ним присмотрю, – заявил резной дубовый шкаф. Он был в доме самым старшим, и родители знали, что на него можно положиться.

– Да? Ну хорошо, – папа грузно опустился на диван, так, что тот даже крикнул от неожиданности. – Извини, пожалуйста, – папа погладил диван по плюшевой шерстке. – Не хотел сделать тебе больно. Так мы идем или нет? Лиз?

Они опаздывали на сорок минут. Сестра непременно хотела взять с собой куклу Генриетту. Но кукла слыш-

ком долго крутилась перед зеркалом, расчесывала золотые локоны, красила губы, завивала щипчиками длинные пластмассовые ресницы, примеряла то одни, то другие стеклянные бусы.

– Неудобно как, – пожаловалась мама. – Мы всегда приходим последними.

– Да красивая, красивая, – поторопило куклу зеркало. – Хватит наряжаться, люди сердятся.

Папа все выразительнее поглядывал на стенные часы, которые только смущенно моргали и беспомощно разводили стрелками.

– А я красивая? – подскочила к зеркалу Лиз. – Тебе нравится моя кофточка? – она картинно обернулась через плечо, расправляя кружевной воротничок. – Новая!

– Человек всегда красив, – ответило зеркало, почти-точно скопировав ее огненные мышинные хвостики, растрепанную челку, острые скулы и чуть вздернутый, усыпанный нежными, как топленое молоко, веснушками нос.

– Лиз, завяжи мне бантик, – попросила кукла.

Наконец все собрались. Сестра взяла Генриетту за руку, папа закутал в полиэтилен огромный букет красных гладиолусов, мама поцеловала Йонаса в лоб, и они ушли.

Как только дверь за родителями захлопнулась, дом пришел в движение. Вещи наперебой пытались успокоить и развлечь больного мальчика.

– Йонас, милый, – закудаhtала кухонная плита. Она была квадратной, неповоротливой и немножко глуповатой, зато очень доброй, и все время стряпала что-нибудь вкусное. – Сейчас я тебе молочка согрею. С медом.

– Молока нет, – сказал холодильник.

– О чем же ты думал? – возмутилась плита. – Тогда чаю заварю, – пообещала она Йонасу, и уже через пять минут на кухне тоненько, как обиженный щенок, зашкундил закипающий чайник.

Йонас полулежал, рассеянно поглаживая ладонью бархатистые травинки ковра, и ждал, когда на том со-

зреет, наконец, земляника. Чай с земляникой — это так вкусно! Но в белых цветочках только-только завязались твердые зеленые ягоды. Пока они поспеют, пройдет час или два.

— А я умею прыгать на одной ноге! — похвастался стул и лихо проскакал через всю комнату, но споткнулся, ножки у него разъехались, как у олененка Бэмби на льду, и он грохнулся на пол.

— Ой! — испугался Йонас. — Ты не ушибся?

— Все в порядке, — храбро ответил стул, хотя видно было, что он хорохорится, и, прихрамывая, заковылял к стене.

Мальчику стало скучно. Он встал, постоял у письменного стола, на полированной поверхности которого резвился целый выводок новорожденных настольных лампочек. Смешные и неуклюжие, лампочки-мальши напоминали пушистых утят с фонарями в клювиках. Йонас окунул руку в темное лакированное озеро, и тут же по пальцам забегали радостные пятнышки лимонного света.

И тут мальчика осенило. Он придумал, как можно интересно и весело провести время до возвращения родителей.

— А давайте играть в такую игру, — предложил Йонас, и столпившиеся вокруг него предметы с готовностью закивали. — Называется молчанка. Кто первый что-нибудь скажет или пошевелится — проиграл. Ну?

Конечно, все хотели играть: шкаф, стулья, зеркало в коридоре, письменный стол и настольная лампа, кровать и этажерка с книгами. Только ленивая кошка Лика скептически жмурилась.

— Начинаем, — торжественно провозгласил Йонас. — «Кошка сдохла, хвост облез, кто промолвит, тот и съест. Раз, два, три!»

Он обвел взглядом притихшую комнату. Вещи молчали и не шевелились. Выгнув жесткие металлические спинки, застыли стулья, попрятались за занавеску лампочки-утята, съезжился и завял зеленый ковер на полу.

Мальчик прошелся по квартире: все играли честно. На кухне его ждала чашка горячего чая с лимоном и на блюде — кусок пирога с малиной и взбитыми сливками. Плита постаралась. Йонас сел за неподвижный стол, и стол не пожелал ему приятного аппетита. Буфет не смеялся и не шутил, а холодильник не предлагал попробовать новый йогурт или охлажденный апельсиновый сок. Мальчик быстро управился с пирогом и по привычке сказал плите «спасибо», но та не ответила. Никто не хотел съесть «дохлую кошку».

То-то удивится сестра, когда ее болтушка и модница Генриетта вдруг перестанет краситься, выклянчивать платица и заколочки, хвастаться новыми прическами. А плюшевый мишка не будет больше перед сном рассказывать сказки. Надо все объяснить Лиз, а то она, чего доброго, испугается.

«Интересно, сколько они выдержат? — размышлял Йонас. — Кто первым заговорит? Уж точно не шкаф и не письменный стол, они важные и серьезные. Может быть, плита? Сервант? Хрустальная люстра в гостиной? Генриетта? Интересно, кто проиграет?»

Мальчику нравилась игра. Она нравилась ему с каждым днем все больше и больше.

— Деда, сделай мне голубя, — попросила Аника, бойкая голубоглазая девочка, вылитая Лиз в детстве, с такими же пламенеющими, как вечернее солнце, косичками и россыпью золотых конопушек по всему лицу.

— А мне черепашку! — подхватил четырехлетний Тоби.

— Мне китайский фонарик!

— Кораблик с двумя трубами!

— Бабочку!

Йонас неловко приподнялся, держась за подлокотник кресла, и, кряхтя, потянулся за листом бумаги.

— Сейчас, ребята, давайте по очереди. Кому первому?

— Мне!

– Мне!!

– Мне!!!

– Сделай сначала Тоби, он самый маленький, – рассудительно предложила Аника.

– Хорошо, – Йонас ласково улыбнулся девочке и начал сворачивать из листка черепашку.

На самом деле ни Аника, ни Тобиас его внуками не были, так же как и Мариус, Герда, Лук и Петер. Бог не дал Йонасу детей, но ребяташки троих дочерей Лиз называли его дедом.

Раньше старик мастерил для них птичьи и кроличьи домики, выстругивал садовых гномиков из мягкого смолистого дерева, из фанеры выпиливал фигурки для театра теней. Но после перенесенного инсульта правая рука плохо действовала и не могла удерживать молоток или лобзик. Йонасу оставалось только складывать оригами, и исполнял он это виртуозно, приводя маленьких гостей в восторг каждой новой бумажной веточкой, корабликом или зверюшкой. Аника и Герда потом составляли из его поделок аппликации, наклеивали их на картон и раскрашивали в разные цвета.

Ходить тоже стало трудно. Правую ногу Йонас при-волакивал, а левая почти все время болела. Поэтому большую часть дня он сидел в соломенном кресле у окна, глядел на облитую густым янтарным блеском улицу, грелся на солнце, думал, вспоминал. Старики живут прошлым или настоящим, но никогда — будущим.

Он не жаловался. Да, жизнь такая. Не плохая и не хорошая, скорее даже хорошая, чем плохая. Только бессмысленная. Вырастить сына — не получилось.

Дом он, Йонас, не построил. Дом — это ведь не четыре стены, а место, где тебя по-настоящему любят. А кто любит Йонаса? Детишки вот, племянники... Сестра не забывает, навещает иногда. Но они — не часть дома. Придут и уйдут.

Ему смутно представлялось что-то полузабытое, приснившееся или нафантазированное. Воспоминание о доме, где даже самая крохотная вещичка любила его,

Йонаса. Его собственная живая и разумная вселенная, которую он умертвил глупым заклинанием. «Кошка сдохла, хвост облез...» Йонас улыбался через силу, хотя на душе было невесело. И где-то на задворках сознания, как жучок-короед, копошилась страшная догадка, что все это не сон и не выдумка, что одной нелепой фразой можно сломать прекрасный, гармоничный мир.

– Ну, кто у нас еще остался? – спросил Йонас.

Без подарка осталась Герда, его любимица. Тихая бледная девочка, читает с трех лет, полная противоположность своей рыжеволосой кузине.

Он бережно усадил ребенка себе на колени и принялся за последнюю бумажную фигурку — бабочку. Коварно заныла нога, не парализованная, другая. Но Йонас не шелохнулся и продолжал складывать листок, аккуратно разглаживая его на сгибах, а девочка завороженно смотрела, как под узловатыми пальцами деда из простого листа бумаги рождается крылатое волшебство.

– Готово.

Герда легко соскользнула с его колен.

– Дед, пока! Не скучай!

Он видел, как ребяшня пригоршней разноцветных конфетти высыпала во двор. Скучать Йонас не собирался. Вечером обещала зайти Лиз, надо испечь ее любимый пирог с черной смородиной. Сестра неплохо готовила, но печь так и не научилась. А Йонас научился. Зря не попросил Анику купить сливки, ну ничего, можно и без них. А ягоды он соберет в саду.

Йонас поднялся с кресла, сделал шаг, но... нога, на которой сидела девочка, стала как ватная, подогнулась, и старик, не удержав равновесия, тяжело рухнул на пол. Лодыжку обожгла такая острая боль, что из глаз Йонаса потекли слезы.

Он попытался встать, но не смог. И до телефона не дотянуться, он высоко, на полочке. Если не станет легче, придется лежать до прихода сестры... Он вдруг вспомнил, что Лиз хотела зайти не сегодня, а завтра. Не

валяться же на полу целые сутки? И голова кружится... только бы не еще один инсульт. Разве что постараться доползти до входной двери, позвать на помощь соседей. Унизительно, стыдно, но ничего не поделать. Йонас стыдился собственной беспомощности, страха, жалких стариковских слез. Жену хоронил — не плакал, а тут... Хорошо хоть, что не видит никто.

Но его видели.

— Эй, мы так не договаривались! — возмутился шкаф. — Чего ревешь-то? Это же игра!

— Шкаф, ты съел «кошкин хвост»! — хихикнула настольная лампа.

— Да погоди ты... Ну вас всех. Человека до слез довели!

Обеспокоенные вещи сгрудились вокруг Йонаса, лампа изогнула длинную лебединую шею и осветила ему в лицо, ковер робко пощекотал травинкой босую пятку.

— Игра... игра... — недовольно бубнил письменный стол. — Так и заиграться недолго!

Посреди комнаты на зеленом ковре сидел маленький мальчик и горько плакал.

Мари Веглинская

(Светлана Сударикова)

Жизнь – игра. А если так, то кто мы в этой игре? Азартные игроки или игрушки? Если игроки, то во что играем? А если игрушки, то кто и для чего играет нами? А может быть, актеры – по Шекспиру, – которым предписана заранее известная роль? И вот актер выходит на сцену, свет рампы, яркий и слепящий, режет глаза, а зал полон. И публика ждет. И ты один на один с этим залом. Пытаешься уловить его настроение, понять, чего он от тебя ждет, последуют ли аплодисменты. Что за публика, что за люди? Или не люди? И для чего они пришли именно на твой спектакль? Но вот прозвенел третий звонок, и хочешь не хочешь, а приходится начинать. Исполнять свою роль.

А может ли актер выбирать роль или пьесу? Трагическую, комическую, драматическую, со счастливым финалом или нет? Где, при каких обстоятельствах распределяют эти роли? И кто? Почему одному выпадает родиться богачом, а другой вынужден всю жизнь считать копейку? У кого-то счастливая любовь, а кто-то всю жизнь страдает. Кто-то добивается цели, а кому-то невероятно и без всяких видимых причин не везет. Может быть, выбор нужно оплатить? Только какой монетой, вот вопрос! Или все гораздо проще, и мы всего лишь марионетки, которых просто дергают за ниточки? Игрушки в руках Судьбы. А что есть Судьба? Или кто есть Судьба? Сколько вопросов – и ни одного ответа...

Жизнь – игра... И нужно любой ценой доиграть свою роль. Или, может быть, назло всем сойти со сцены и удалиться. Ведь быть игроком или игрушкой – зависит от нас самих. Или не зависит?

Светлана Сударикова (Мари Веглинская) – писатель, главный редактор литературно-просветительского сетевого журнала «Московский BAZAR» в рамках проекта «Московский салон литераторов» (МОССАЛИТ), общественный деятель в области культуры и искусства.

Отец

Эта история до сих пор не дает мне покоя. Снова и снова анализируя события тех далеких дней, я так и не могу однозначно ответить на вопрос, так мучивший меня долгое время. Говорят, мозг имеет одну интересную особенность: все наши воспоминания он каждый раз воспроизводит по-новому. Значит, все, что я помню об этом времени, за столько лет существенно изменилось в моем восприятии, возможно, домыслилось и дополнилось какими-то ложными деталями, появившимися на основе анализа и снов, в которых я в очередной раз переживал случившееся тогда, в тот злосчастный год. Все ли было именно так, как мне сегодня представляется? Соответствует ли это действительности? Может быть, это всего лишь плод моего воображения? На эти вопросы я не могу ответить однозначно. Но есть факты в сухом остатке, от которых никуда не деться. К таким неизменным деталям относятся даты. Поэтому я уделяю им особое внимание.

Итак, год 2007. Мы переезжаем из Сургута в ближайшее Подмосковье, в город Л., к бабушке. Мы – это я, моя маленькая сестренка и мой отец. Мама умерла. Собственно, это и стало причиной переезда. Мне повезло: в отличие от сестренки, я хорошо помню маму. Она была очень доброй. И конечно, самой красивой, как и все мамы на свете. Умерла она глупо и неожиданно: простудилась, а больничный брат не стала, в результате – пневмония и смерть. По приезду в Л. отец сразу же устроился на кафедру в Московский институт нефти и газа имени Губкина, который, собственно, когда-то и окончил. В 1981 году, вернувшись из армии, он поступил на факультет геологии и геофизики нефти и газа, затем была аспирантура и переезд в Сургут. Там он познакомился с мамой, а в 1991 году родился я. В 2003-м родилась сестренка, а в 2006-м умерла мама. Таков сухой остаток.

Я хорошо помню свое тогдашнее состояние: смерть мамы, переезд, потеря друзей и девушки (в тот год я впервые влюбился), переходный возраст – все это серьезно подорвало мою психику. Я совершенно перестал учиться, полностью ушел в себя, казалось, еще шаг – и я упаду в бездну, из которой уже не будет выхода. Не знаю, замечал ли это отец. Он переживал не меньше моего, погрузившись в свою трагедию. И без того маленький и щуплый, он совсем осунулся, как-то даже почернел, и если бы не работа, то, наверное, перестал бы и бриться, и мыться, и есть. Целыми днями он пропадал на работе, приходил измученный, печальный и усталый.

Если он и разговаривал со мной, то только по необходимости, когда звонили в очередной раз из школы и жаловались на меня. Нет, к дисциплине претензий не было, я был тихим и забитым. Претензии были к учебе. Это правда, учебой я перестал интересоваться абсолютно, из крепкого отличника превратился в убежденного троечника, и если что-то и спасало меня от двоек, так это крепкая база сургутской школы. Впрочем, на одной только базе далеко уехать не удалось бы. И отец, конечно, это знал, но ничего не предпринимал. Он как-то равнодушно спрашивал меня, почему я завалил очередную контрольную, почему ничего не учу, почему не интересуюсь ничем. Спрашивал, но даже если я и отвечал, мне кажется, он все равно не слышал. И это было обидно. Может быть, это как раз и способствовало тому, что я стал учиться все хуже и хуже, будто бы назло всем, включая собственного отца.

Вот так мы жили, каждый в обособленном мире собственного горя, заполненном монстрами наших страданий, словно в огромных прозрачных пузырях, откуда хорошо видно друг друга, но совершенно не слышно, – я, отец и бабушка. И только маленькая сестренка с радостью ходила в садик и рассказывала всем, что мама скоро обязательно приедет. Наверное, к лету.

Впрочем, отец был неправ, утверждая, что я ничем не интересуюсь. Моим спасением стали книги. Именно тогда я прочитал всего Достоевского, от корки до корки. Может быть, не до конца осозная суть его романов, я видел в его героях нечто близкое и созвучное, ощущая в наших судьбах общую трагедию и безысходность. Я читал каждую свободную минуту, читал дома за обедом, ночью при свете маленького ночника возле кровати, на каждой перемене. Я сознательно отделялся от окружающего мира, от одноклассников, учителей, родных, я больше ничего не хотел знать об этом мире, который обманул меня, пообещав счастливое детство, а подsunув трагедию и боль, и если бы было можно, как сделал один из героев Эдгара По, нарисовать на стене поезд и уехать на нем в небытие, именно так я и поступил бы.

И вот тогда на сцене появились Ваня Головнович, Женя Исмаилов и Илья Круглов, или просто Голова, Исмаил и Бешеный. Ванька и Женя учились в моей школе, на год старше, а Илья, точно не знаю, кажется, в каком-то ПТУ или уже работал. Во всяком случае, он был всех нас старше. Голова и Исмаил жили в семьях, которые принято называть неблагополучными. Учились оба плохо, Голова даже оставался на второй год. В страхе держали всю школу, да и весь район. Но конечно, главным у них был Бешеный. Прозвали его так, потому что стоило ему выпить хоть рюмку водки, он просто зверел.

Илья Круглов, попросту Бешеный, безусловно, являлся личностью. И если бы не эта кривая дорожка, то из него вполне мог бы получиться и бизнесмен, и политик, а может быть, и ученый. Но он выбрал свой путь. И выбрал его сам. Голова у него была золотая во всех смыслах слова. Как говорила про него моя бабушка, «Бог шельму метит». Бешеный был ярко-рыжим, усыпанным веснушками, с удивительно синими глазами. Такого цвета глаз я больше не встречал никогда. Вот только взгляд – холодный и цепкий: если он смотрел в упор, по коже бежали мурашки. Я это испытал на себе.

Невысокого роста, как и я, такой же худой, но жилистый и крепкий, Бешеный занимался какой-то борьбой, кажется, каратэ, слыл отчаянным и смелым человеком, которому неведом страх. На что моя бабушка неизменно говорила: «Только дураки ничего не боятся». И если Голова и Исмаил держали в страхе школу и район, то Бешеный – весь город. Это был его город, а он в этом городе – король. Вокруг него всегда крутились пацаны и девчонки, такие же неблагополучные, как Исмаил и Голова. Бешеный называл их «мои гусятки» и очень ловко манипулировал этими «гусятками». Ходили слухи, что несколько ограбленных магазинов – дело его рук. Но по статье пошли другие. Доказать причастность Бешеного так и не удалось: два свидетеля почти сразу отказались от показаний, а «гусятки» ни за что в жизни не выдали бы своего кумира.

Однако, глядя в прошлое, прихожу к выводу, что Бешеный был выгоден местной милиции, а может, они и имели что-то с него. Во всяком случае, он следил за «порядком» в своем городе, и никто чужой не смел вторгнуться в его владения. Это было очень удобно для местных блюстителей порядка. Единственным человеком, которого Бешеный уважал и даже боготворил, была его мать, тетя Наташа, толстая рябая тетка, не прочь выпить, проживающая в квартире с чужим мужиком.

Вышла у Ильи крайне неприятная история. А история такая. Жил Бешеный в собственном доме на окраине города, который достался ему от деда. Дом деревянный, удобства во дворе, баня на соседней улице, вода в колонке недалеко от дома. Но ему нравилось. Потому что сам себе хозяин. Захаживал к нему соседский мужичонка, Василий, добрый и немного не в себе. Не то чтобы совсем дурак, но и умным не назовешь. Ходил выпивать. Бешеный наливал. А в оплату Василий выполнял всю работу во дворе: копал, сажал, косил, дрова колол, если где что отвалилось – подлатывал. И получал свою порцию. И вот как-то раз, а было это в конце октября, городской шум прорезали сирены пожарных машин. Горел дом Бешено-

го. Пока ехали, от дома ничего не осталось. Пожарных Бешеный вызвал сам. Рассказал, что они с Василием выпили, печь затопили да и закемарили. Проснулся он, а уже все полыхает, видно, печь причиной. Еле успел из окна выпрыгнуть. А что соседи выстрелы слышали, так это газовый баллон взорвался. Утром на пепелище нашли все, что осталось от Василия. А осталось немного. И ружье нашли обгорелое. Бешеный сказал, да, у деда-то ружье было, он же полковник в отставке (что истинная правда). Бешеного тогда на месте допрашивали следователи из Москвы. Поглазеть да послушать полгорода пришло, и бабушка пришла. Вечером отцу рассказывала:

– Ты понимаешь, какая бестия! Ему следователь вопрос, а он раз – и уже ответ готов. Следователь снова вопрос заковыристый, а у Илюхи и на это ответ есть! Так и не подловили гада, ведь вывернулся, сволочь! Вот до чего же умный!

Потом мать Василия еще долго обивала пороги, пытаясь добиться справедливого наказания для убийцы своего сына, а что Бешеный Васю убил в пьяном угаре, никто не сомневался. Да только так это Илье и сошло с рук. Но с этого момента на какое-то время он притих, ушел в тень. А чтоб не скучно было, занялся всякой приятной ему мелочовкой, то есть работой с «гусятками». Именно тогда он приблизил к себе Голову и Исмаила, и на его горизонте неожиданно возник я.

К тому моменту Голова и Исмаил уже неровно ко мне дышали. Зачем я им сдался, не могу понять. Я был тихим, и со стороны казалось, даже забитым. Какая радость – гнобить худенького юношу с книжечкой в руках, не понимаю, какое удовольствие принесла бы им победа надо мной, когда исход битвы был очевиден. Вероятно, их раздражала моя полная им противоположность. Я не тянулся к компании, вполне довольствуясь обществом Федора Михайловича, и это мое сознательное одиночество особенно раздражало их, как кость в горле.

Поначалу они просто кидали в мою сторону оскорбления, толкали в спину, смеялись, время от времени

мне в голову попадал огрызок яблока, пару раз они спихнули меня с велика, когда после школы я ехал из магазина. Тогда у меня разбились бутылки с кефиром, и это доставило им особое удовольствие. Я молчал. Терпеливо сносил их оскорбления и унижения. Чем больше они это делали, тем больше я ощущал себя героем ненаписанного романа Достоевского, но если бы Федор Михайлович жил в мое время, то, несомненно, написал бы роман про новых униженных и оскорбленных, и главным героем был бы я. В этом было что-то садомазахистское. Нет, я их совершенно не боялся. Но мне почему-то нравилась роль несчастного унижаемого мальчика, жертвы обстоятельств и злодеев. Я получал от этой гадкой игры удовольствие, сам не знаю почему. Работал принцип «чем хуже, тем лучше». Одна боль заглушала другую. И где-то на уровне подсознания подонки понимали это, видели мое унижение, но не чувствовали страха, а может, даже ощущали мое презрение, и это бесило их еще больше. Теперь они практически не давали мне прохода. Выбить учебники из рук, вылить в столовой компот мне на голову, обсмеять, толкнуть – все это стало нормой моей жизни. Каждый из нас играл свою роль. Причем они играли роль, которую выбрали сами, а я свою роль не выбирал. Но кто из нас получал большее удовольствие, неизвестно.

В тот период в моей голове постоянно вертелась мысль о самоубийстве. Не знаю, насколько она была серьезной, но я получал удовольствие, обсасывая ее, как конфету. Вот я лезу на крышу четырнадцатизатяжки и прыгаю вниз, широко раскинув руки, навстречу ветру и бездне, или, наглотавшись бабушкиного снотворного, засыпаю крепким беспробудным сном, в котором уже не будет сновидений, или, перерезав на запястьях вены, плаваю в ванне, и струйки крови, вытекая из рук, окрашивают воду в темно-бордовый цвет. Эти мысли не только не пугали меня, они мне нравились. Мне становилось неинтересно жить, а вот смерть в ее непредсказуемости и неизвестности вызывала все большее любо-

пытство. Эти мысли заглушали мою внутреннюю боль, ставшую невыносимой, столь огромной, что я уже не мог с ней справиться.

Если бы нашелся кто-то, с кем я мог поделиться этой болью, открыться и даже заплакать, все было бы по-другому. Но таких людей в моем окружении не нашлось. Бабушка явно не поняла бы меня, она считала, что я теперь просто обязан заботиться о сестре, а не о себе думать. Отец... Когда я думал о нем, то почему-то раздражался еще больше. Этот хлипкий человек стал мне совсем чужим. Я презирал его и почти ненавидел, ненавидел его усталое лицо, эту вечную боль в глазах, ненавидел жалость ко мне и сестренке. Несколько раз он пытался поговорить со мной, но я каждый раз убегал в свою комнату и запирался. Что мог он мне сказать? Как поддержать меня? Когда сам он, слабый и беспомощный, не в состоянии был справиться с собственной болью. Размазня, слабак! Я все больше отдалялся от собственной семьи, а друзей у меня не было. И история с травлей, как ни странно, отвлекала меня от этих мыслей. Это была часть игры в самоубийство, с непредсказуемыми деталями, но очевидным концом. Сам того не осознавая, я противопоставил себя самым отягченным негодьям, вступил с ними в борьбу.

И вот тогда произошел пожар и появился Бешеный. Поначалу он с любопытством и неподдельным интересом наблюдал, как Голова и Исмаил травят меня. Он ничего не говорил, лишь время от времени бросал ехидные реплики в мой адрес или в адрес Головы и Исмаила. Он подкалывал и меня и их одновременно. Что уже было странно. Поэтому они старались еще больше. Временами я ловил на себе взгляд ярких синих глаз Бешеного, насмешливый и в то же время внимательный и глубокий, он словно сканировал меня, пытаясь заглянуть в мои мысли. И если Голова и Исмаил ничего не понимали, то Бешеный, несомненно, все про меня понял. Может быть, даже то, чего не понял о себе я сам. И случилось удивительное, чего не

мог ожидать никто. А я особенно. Не знаю, что стало тому причиной, возможно, Бешеный увидел во мне равного и зауважал. Или сыграло роль то, что у меня умерла мать, а для него мать была святой, ведь и самым жестоким и отъявленным негодяям не чуждо ничто человеческое. В общем, Бешеный предложил мне покровительство.

А дело было так. Однажды я возвращался из школы, и Голова с Исмаилом поджидали меня с уже наскучившими своим однообразием приемчиками. Как вдруг Бешеный свистнул и окликнул меня:

– Эй, ты, подойди. Да подойди, не бойся.

Я стоял. Стоял, потому что Голова не давал мне идти дальше, а к Бешеному я упрямо не хотел подходить, хотя и понимал, что это только усугубит дело. Однако он расценил это как страх и подошел сам. Помню, как мы стояли друг напротив друга, два юноши одного роста и примерно одного возраста, но такие разные. Он улыбнулся и сказал:

– Слушай, не в службу, а в дружбу, слетай купи мороженое. А деньги я верну, не дрейфь.

И мне бы пойти, купить это чертово мороженое и принести. Но что-то в моей голове сработало не так, что-то щелкнуло и переключило, я вдруг снова ощутил себя героем Достоевского, Подростком, которого достаточно унижали и теперь вот хотят унижить снова, а я ведь не «тварь дрожащая», я «право имею». И, как-то даже не осознавая почему и зачем, я вдруг открыл рот и произнес, причем когда я говорил это, то сам удивлялся, словно говорил кто-то другой, а я только слушал:

– Я в холопы не нанимался.

И пошел своей дорогой. Потрясение окружающих было столь велико, что никто даже не стал меня задерживать. А Бешеный остался стоять, униженный и оскорбленный. И смертный приговор был мне в тот момент уже подписан. Даже если бы я вернулся, в тот же момент вернулся, упал перед ним на колени и стал бы молить о прощении, он все равно не простил бы ме-

ня. Потому что публичное унижение состоялось. А никто и никогда не унижал его так, как это сделал я.

С того дня для меня пошел обратный отсчет времени. Я понимал это. И чем дальше, тем больший ужас охватывал меня. Почему-то мне уже не хотелось самоубиться. Когда часовой механизм был заведен и пошел отбрасывать секунды и минуты моей жизни, как ненужные детали, я страшно захотел жить. Просто жить. Я словно проснулся после долгой спячки и ужаснулся тому, что происходило вокруг меня. Теперь Исмаил и Голова больше не поджидали меня после школы и в столовой не выливали мне на голову компот. Но каждый раз, проходя мимо, кто-то из них наклонялся и говорил мне на ухо зловещим шепотом: «Ты покойник». Записки такого же содержания я находил в портфеле или в почтовом ящике. Только два этих слова, никаких черепов, скрещенных костей, угроз, оскорблений. Только два этих слова. Сначала один-два раза в неделю, затем чаще, затем еще чаще. Эта была игра, изощренная и жестокая, которую придумал Бешеный. И я знал, знал точно, что сие обещание несомненно будет исполнено, причем руками Исмаила или Головы, которые ничего не понимали, но получали от этой игры ужасное удовольствие. Я знал, что, когда Бешеный прикажет одному из них сделать это, тот не задумываясь выполнит. Не думая о последствиях. Потому что они находились под его гипнотическим влиянием, превратившись в управляемых роботов.

Сейчас, много лет спустя, я понимаю, что никто и не собирался меня убивать. Бешеный просто хотел наказать, унижить, размазать, загнать за плинтус, но не убить. Конечно, по морде мне непременно надавали бы, и надавали хорошо, но дальше дело не пошло бы. Хотя кто знает, чем бы все закончилось. Иногда события выходят из-под нашего контроля и мы более не в силах совладать с ними. Где-то там, наверху, Некто, всевидящий и всемогущий, вдруг в пух и прах разбивает все наши планы, и продуманные заранее детали

оказываются ржавой трухой. Собственно, так оно и вышло. Да и кто знает, что было бы для меня страшнее – смерть или унижение. Потому что за унижением непременно последовала бы смерть, вот тогда я точно забрался бы на четырнадцатый этаж и прыгнул навстречу ветру и бездне.

Наконец записки стали сыпаться каждый день, и как кульминация на моей двери появилась надпись мелом: «Ты покойник». Это привело в ужас бабушку, она хваталась за сердце и капала в чашку валокордин.

Вечером отец позвал меня в свой кабинет.

– Что происходит, Дима?

Он смотрел на меня строго и внимательно, и впервые за долгое время я вдруг увидел в его глазах тревогу за меня и любовь, да-да, любовь. Наверное, они всегда там были, да только я не замечал. Но почему-то от этого не стало легче, и я возненавидел его еще больше. Сначала мне захотелось выбежать из комнаты, но я вдруг, сам не зная почему, сказал:

– Да ничего особенного, папа. Просто кучка подонков обещала меня убить и, несомненно, сдержит свое обещание.

– Подожди, сын, ты серьезно?

– Конечно.

Я постарался придать себе равнодушный вид.

– А почему ты не говорил раньше? – отец вдруг встал, достал из стола сигареты, открыл окно и закурил.

Для меня это стало новостью.

– А зачем? – спросил я раздраженно и зло. – Чем ты мне можешь помочь?!

– Если подумать, то могу.

– И чем?

– Ну например, мы сейчас соберемся и пойдем в милицию, напишем заявление.

– На кого? На Бешеного? – я засмеялся, как мне казалось, демоническим смехом, на самом же деле это был истерический подростковый смех. – Да у него все схвачено! Или на Исмаила с Головой, которые давно

на учете? Все, папа, мне кранты! Никто мне не поможет, слышишь, никто! Только если бог на веревочке, как в древнегреческих трагедиях.

Отец посмотрел на меня внимательно и спокойно ответил:

– И такое бывает. Так ты говоришь, Бешеный? Ну и где будет происходить сие действие?

– А тебе что за дело, к ментам пойдешь? – его ироничный тон определенно напряг меня, он мне не верил, или ему было безразлично. – Не переживай, тебя и так пригласят на опознание моего трупа.

Отец рассмеялся:

– Исход битвы никогда не известен заранее, независимо от количества участвующих с той или другой стороны. Все зависит от тактики.

– Что ты придумал? Какую такую тактику? Может, морду им набьешь? Ты! Вот потеха-то будет! Посмотрю я, как ты с ними справишься! Ты же слабак! Хилый жалкий слабак, да тебя любой с одного удара уложит!

Я выбежал из комнаты, громко хлопнув дверью, упал на кровать, не раздеваясь, и зарыдал. Мне было безумно себя жалко, и отца тоже жалко и очень стыдно, что я так нагрубил ему, сказал такие гадости, а потом я так в одежде и уснул. Мне снилась мама. Она сидела рядом на кровати и улыбалась. Я даже не понял, что это был сон, настолько мама была реальна. Она наклонилась, поцеловала меня, а затем погладила по голове и сказала: «Спи, мой сыночек. Папа тебе поможет». И там, в этом полусне-полуяви, я неожиданно понял, что уже почти забыл ее голос, и вдруг он прозвучал так отчетливо и спокойно, что мне стало легко и хорошо, и там, во сне, я ей поверил и впал в забытие.

Час икс был назначен на вечер субботы. В пятницу Исмаил подошел ко мне и сказал:

– Завтра на пустыре, что на востоке за городом, в пять, понял? А не придешь, мы и тебя, и папашу твоего, и сеструху твою – того. Понял?

Я молча смотрел на Исмаила и ничего не отвечал.

– Так ты понял?

Я видел, как сжались его кулаки, как он хотел меня ударить, но, видимо, было не позволено. А я молчал и ничего не отвечал.

– Так ты, гнида, понял? В последний раз спрашиваю?

Я упрямо не говорил ни слова и смотрел Исмаилу прямо в глаза, как любил делать Бешеный. Я видел, что он нервничает и злится.

– Я тебя, тварь бл...я, еще раз спрашиваю, понял ты или нет? – теперь он уже почти кричал.

– Ты уж спросил в последний раз, а это после последнего, – ответил я и пошел прочь.

Но Исмаил догнал меня и схватил за рукав.

– Ты понял.

В ту ночь я не спал ни секунды. Поначалу просто не мог, а потом уже не хотел. Быть может, это была последняя ночь в моей жизни, а я ее просплю. Я открыл окно, сел на подоконник, свесив ноги на улицу, и посмотрел на небо. Оно было чистым, без единого облака. Кое-где были видны звезды, и даже Большая Медведица бледно вырисовывалась на городском небосклоне, если приглядеться. В какой-то момент открылось соседнее окно в комнате отца, я почувствовал запах табака и понял, что и он не спит. За окном был май, где-то далеко пели птицы, и теплый ветер доносил дурмящий дух цветущей черемухи. Учебный год подходил к концу, и я почти выправился, во всяком случае, по физике и математике имел твердые четверки, а по химии даже пять. Все как-то начинало налаживаться, и вдруг так некстати мне предстояло завтра умереть. А может, убежать? Куда? Что я буду делать? Да и бежать, как последний трус, я не мог. Смерть так смерть. Я подумал об отце, бабушке, сестренке. Мне стало невыносимо всех жалко. Как справятся они с еще одной смертью, когда та, мамина, еще не успела забыться? Наверное, я виноват перед ними. Очень виноват, но теперь уже ничего не изменишь. Я тихонько прокрался на кухню

и поставил на плиту чайник. Неожиданно вошел отец:

– Ты чего не спишь, сын? Пятый час уже.

– А ты чего?

Он засмеялся:

– Да не спится как-то. Так ты решил свои проблемы?

Я утвердительно кивнул головой.

– Точно? Сам справишься? А то, может, подстраховать?

Он говорил так, словно знал о завтрашней встрече. Но откуда? Нет, вряд ли, я ничего никому не говорил. Да и эти мерзавцы не стали бы болтать.

– Тогда иди спи. – И вдруг он подошел и обнял меня. Как не делал уже очень давно. И от этого мне стало еще хуже. Еле сдерживая слезы, я ушел в комнату и заплакал. А вместе со слезами из меня выходили боль, страх, ненависть, оставалась только пустота, бессмысленная и глухая.

Вы знаете, о чем думал Христос, когда шел на Голгофу по пыльным улицам Иерусалима? Когда его ноги, с трудом передвигаясь по раскаленной дороге, отсчитывали шаги навстречу мукам, а по лбу и вискам стекали капли пота, смешанные с кровью, прилипали к ресницам, застилали глаза? Что ощущал он, глядя на Симона, несущего его крест? А я знаю – ничего. Он не ощущал ничего и ни о чем не думал. Я это знаю точно. Потому что он был тогда человеком, и ему было страшно. Так страшно, что ни о чем невозможно думать, ни печалиться, ни страдать, ни мучиться. Когда страх становится тобой, он прорастает в каждой клетке тела и уже перестает быть страхом, точнее, ты перестанешь ощущать его, потому что ты и есть страх. Так шел я на свою Голгофу, только со мной рядом не было Симона, свой крест я нес сам.

Я пришел вовремя, не опоздав ни на минуту. Почему-то мне казалось это очень важным. Однако Бешеный и его сподручные уже были там. Они стояли возле старенькой бээмвушки, которую Бешеный приобрел

совсем недавно, курили и что-то оживленно обсуждали. Они явно были очень довольны. Бешеный сидел на капоте по-турецки, а Голова и Исмаил стояли рядом. Увидев меня, Исмаил сделал пару шагов вперед и плюнул в мою сторону. Бешеный ухмылялся, затем прыгнул с капота и подошел ко мне. Вот тогда я и ощутил на себе весь ужас от его взгляда.

– Страшно? – спросил он. – Страшно. Я знаю.

Я молчал.

– Так страшно, что и говорить не можешь?

– Да он уж обоссался, небось! – загоготал Голова, а за ним Исмаил. Видимо, это была очень смешная шутка.

– Ты меня унизил, – тихо сказал Бешеный, – и ты за это ответишь.

Он говорил спокойно, без мата.

– Ты будешь наказан, – продолжил он, – а потом умрешь, ты ведь готов умереть? Мы благородные разбойники, мы предупредили тебя заранее. Но у тебя есть выбор. Ты можешь извиниться, и тогда ты не будешь мучиться, а можешь не извиняться, и тогда будешь мучиться. Сильно будешь мучиться. Я тебе обещаю. Тебе решать.

Он развернулся, подошел к машине и снова запрыгнул на капот.

– Я не слышу! – крикнул он. – Твое решение?

Я молчал. Я решил, что буду молчать до конца.

И повисла пауза. Такая хорошая театральная пауза. Наконец Бешеный прервал ее.

– Ясенько-понятненько. Ну что ж, это твой выбор. Начинай, Исмаил! Давай, татарин, засунь ему под ребро!

Я вдруг вспомнил, как устами Мышкина Достоевский описывал свои ощущения, как он стоял перед казнью в пяти минутах от смерти и смотрел на золотые купола, а я смотрел на носочки моих кед, стоя на грязном пустыре, с одной стороны которого была большая песчаная гора, а с другой – кучи давно не убиравшегося мусора. И на этом грязном пустыре меня будут убивать и издеваться надо мной.

Я вдруг вспомнил, как в пять лет болел скарлатиной, а потом мысли переместились в то утро, когда я впервые увидел маленькую сестренку, она была совсем крохотная, со сморщенным личиком, хныкающая и очень смешная; потом в тот день, когда забирали маму, как она спускалась по лестнице, бледная, но вполне нормальная, я проводил ее до машины скорой и она, забираясь в скорую, сказала: «Ты только уроки делай, а то четверть заканчивается». Уроки... Это были ее последние слова, адресованные мне. Про уроки. Почему-то именно сейчас они стали особенно дороги, и я подумал, что если бы остался жив, то всегда-всегда стал бы делать уроки.

Все эти мысли как-то беспорядочно сменялись в моем сознании, за какие-то доли секунды в моей голове пронеслось столько воспоминаний, сколько в обычное время не уместилось бы и в несколько часов. Сердце стучало как сумасшедшее, и сколько еще будет стуков, я не знал, а потом услышал шаги, тяжелые шаги, это Исмаил шел ко мне, и почему-то, не поднимая глаз, каким-то внутренним зрением я ясно увидел, что в руке он держит нож, такой маленький и острый, выкидную финку. Был ли нож на самом деле? Наверное, был. Исмаил всегда таскал с собой этот нож, говорил, что трофейный, с войны. А потом вдруг – хлопок, почти неслышный, еще, еще – и тишина. Все это длилось какие-то мгновения. Но тогда со временем явно что-то происходило: оно текло не так, как обычно, то замедляясь, то ускоряясь.

Я поднял глаза, и, не понимая, что происходит, увидел всех троих неподвижно лежащими на земле. Инстинктивно быстро повернулся в ту сторону, откуда слышались хлопки, увидел темную фигуру человека, который держал в руке какое-то оружие, ружье, наверное. Всего миг – и человек исчез. И, видит бог, в тот момент мне показалось, что я узнал его, что это отец. Нет, тогда я был уверен, что это отец, это потом, размышляя и анализируя, стал сомневаться. И даже

вовсе отказался от этой мысли. Потому что откуда отец мог взять оружие? У него никогда его не было. К тому же с глушителем. А там был глушитель. Да и, как потом выяснилось, работал снайпер, причем очень высокого класса, потому что все трое были убиты тремя почти мгновенными выстрелами. Первым Бешеный, в висок, потому что человек появился сбоку, из-за песчаной кучи. Затем Исмаил и Голова. Исмаилу пуля угодила точно в лоб, видимо, он повернулся на выстрел, Голове – в шею. Странно, но почему-то в памяти остался только Исмаил. Я даже запомнил его открытые глаза, смотрящие куда-то в небо.

Нет, это не мог быть отец. Мой отец был ученым, он писал диссертации и читал в институте лекции. Он, конечно, служил в армии, но это было очень давно. Так что он уже наверняка забыл, как стрелять. Какое-то время я с ужасом смотрел на три трупа, которые еще несколько минут назад были живы и здоровы, смеялись, шутили и собирались долго жить, в то время как мне было предписано умереть. Как я думал. А жизнь распорядилась по-своему. Что было потом, не помню. Как ни пытался вспомнить, бесполезно. Следующие двадцать минут навсегда выпали из моей памяти. Я очнулся в скверике в центре города на скамейке. Меня трясла какая-то старушка и спрашивала: «Мальчик, тебе плохо? Иди домой, милый». Я как по команде встал и пошел, но не домой. Я потом долго плутал по городу, просто бежал куда глаза глядят, потом разворачивался и снова бежал – уже в другую сторону, пока не выдохся.

Сколько я так бегал, не знаю. Может, всю ночь, а может, час. Мне было страшно возвращаться домой, потому что я боялся увидеть отца с окровавленными руками, увидеть стоящее в углу ружье, еще пахнущее порохом, я ужасно этого боялся. Стоя перед подъездом, долго смотрел на отцовское окно. Оно горело. Потом поднялся в квартиру, снял ботинки и прошел в комнату отца. Он сидел за письменным столом и рабо-

тал. Все выглядело так, будто он не выходил из этой комнаты уже лет сто: спокойный, чуть сонный, с накинутой на плечи шерстяной кофтой. Увидев меня, улыбнулся:

– Иди сюда, сын.

Я подбежал, обнял его и зарыдал.

– Брось, не надо. Ты решил свои проблемы?

Я кивнул, продолжая обнимать его.

– Вот и хорошо. Я же говорил, что все будет хорошо.

Он говорил уверенно и спокойно. Мне ужасно хотелось спросить, он ли это был – там, на песчаной куче, с оружием и в темной одежде, но не знал как. Наверное, он бы удивился и спросил:

– Какой еще мужчина с ружьем?

Теперь я уже сомневался, что это было он. Даже был почти уверен, что не он. Почти. Да это было и неважно. Потому что я знал, что с этого момента мы всегда, всегда будем вместе. И все же я спросил кое-что:

– Папа, я чего-то о тебе не знаю?

Он засмеялся, отстранил меня немного, чтобы посмотреть мне в глаза, и ответил:

– Я ведь тоже не все о тебе знаю, правда? У всех есть свои секреты.

– Да, – я кивнул.

Отец снова обнял меня.

– Ну все, сын. Пошли чай пить. И есть. Бабушка пироги испекла. Я хочу, чтобы ты навсегда запомнил, что я всегда буду рядом. Что бы ни случилось, ты можешь рассчитывать на мое плечо.

Убийцу Бешеного, Исмаила и Головы так и не нашли. Меня допрашивали в присутствии отца. Он был совершенно спокоен и все время говорил, чтобы я тщательно вспомнил все детали, ничего не упустил. Дело закрыли. Да если честно, все были счастливы и рады, что избавились от этого тирана. И только тетя Наташа сильно горевала и все ходила на могилу непутевого сына.

А мне эта история до сих пор не дает покоя. Я так и не знаю, был то мой отец или кто-то иной; врагов у Бешеного было достаточно, хотя причин убивать его, пожалуй, ни у кого не было. В этой истории немало темных пятен. Наверное, я никогда не узнаю истины, потому что отец не расскажет, да я и спрашивать его не буду.

Пару лет назад, изучая архивы Министерства обороны по заданию редакции газеты, где я работаю, решил посмотреть дело отца и с удивлением обнаружил, что в той военной части, о которой он всегда говорил как о месте службы, такого солдата никогда не числилось. Более того, я выяснил, что в 1979 году, после призыва на военную службу, отец был направлен в учебную часть в Ташкент, а затем... Впрочем, это уже не имеет никакого значения. Потому что, пока он жив, я всегда могу рассчитывать на его плечо. А когда придет время, подставлю свое.

Ожидание

Вот скрипнула калитка, и зашуршали по траве шаги. Заскрипели половицы в старом доме, задрожали оконные рамы. Лена в отчаянии закрыла ладонями уши и зажмурила глаза. Нет, она больше не простит! Все! Достаточно! Сколько можно! Хватит, устала – виноватые глаза, измученный вид, мятая рубашка и запах чужих женщин. Этот запах! Он настырно цеплялся к ней, преследуя неделями. Его невозможно было отстирать или залить духами. Он вызывал тошноту и физическую боль, впиваясь в каждую клетку тела. Он доводил до отчаяния.

Поначалу Вадим уходил не часто. Звонил, путано объясняя, что у Вовки день рождения, а он, Вадим, забыл, нехорошо получилось. Кто такой Вовка? Ах, так, старый приятель, еще по Строгановке, потом познакомлю. И частые гудки в трубке. Затем этот Вовка

сменился Пашкой, Пашка Митичем... разве их всех упомнишь. Они обитали в другой жизни, куда Лене путь отчего-то был заказан.

Она влюбилась в Вадима в первый же день, когда подружка предложила подработать натурщицей у знакомых художников. Боязливо войдя в мастерскую, Лена неожиданно попала в мир несвойственного ей беспорядка: повсюду, прислоненные одна к другой, стояли картины, так что едва можно было протиснуться, а еще картины висели на стенах – от пола до потолка; на заваленном диковинными предметами столе в стеклянной банке стояли кисти всевозможных размеров и форм, и краски, и нечто, свернутое в рулоны, она лишь могла предполагать, что это холсты. Комната была тесной и узкой, но сквозь огромное окно лился свет, а за окном качалась листва старых деревьев и дрожало летнее солнце, пятнами оседая на широком подоконнике.

А потом появился Вадим. Он был в потертых джинсах, как и положено художнику, заляпанных красками, и клетчатой рубашке. Он улыбнулся, глядя на нее, протянул руку, но тут же отдернул и виновато стал вытирать о джинсы, потому что рука тоже была в краске. И комната вдруг стала больше...

Однажды Лена поняла, что этих Вовок и Митичей не существует. Они живут в его нелепых попытках оправдаться перед ней. Она догадалась об этом, глядя на красивые и не очень лица женщин, с издевкой смотрящих с полотен Вадима. Вот тогда и случился первый скандал. Лена не напрашивалась в его жизнь, Вадим сам настоял на переезде в старый дом с яблоневым садом и кустами смородины по забору. Он увидел в ней музу, такую же, как Элизабет Сиддал – печальную Офелию Джона Милле, любовь и тоску Данте Габриэля Россетти. Такую же рыжеволосую и утонченную, с внимательным взглядом болотного цвета глаз. А потом были годы беззаветного счастья, такого огромного, заполнявшего всю ее жизнь, не оставляя места больше ничему...

Вадим ходил из угла в угол, нервно поправляя волосы: «Ты не понимаешь, я художник, мне нужны свежие впечатления, эти женщины, натурщицы, они мимолетны, а ты навсегда, они...» Элизбет Сиддал, она знала, она все прощала... Женщины, натурщицы, Сиддал – эти слова множились в ее сознании, переплетались, путались и наконец переставали иметь смысл, превращаясь в набор звуков, острых и резких, переходящий в ноющую головную боль. Потом были слезы, объятия, прощение, и она засыпала у него на руках, измотанная этой болью, а он нежно качал ее, как младенца, обещая больше никогда не оставлять одну в пустой и молчаливой ночи, наполненной страхом и одиночеством. Но этих «никогда» становилось все больше.

Он пропадал уже не на день и не на два, иногда на недели и даже месяцы. Накануне дом наполнялся запахом алкоголя, баночки с красками летели на пол, холсты с незаконченными работами безжалостно терзались ножом. А вечером Вадим снимал с вешалки плащ и уходил, даже не закрыв за собой дверь. Куда? Зачем? Надолго ли? Кто будет варить ему по утрам кофе и делить с ним постель? Кто принесет таблетку от головной боли? Лена не знала. Но была уверена в одном – он обязательно вернется. В его уходах и возвращениях не было логики. Оставалось только ждать и считать по ночам овец. Это могло произойти в субботу. Или в среду. Или в любой другой день, независимо от времени года и погоды.

И он возвращался. Как моряк, долго пробывший в море, пахнет солью и бризом, так Вадим пах чужими женщинами, оставлявшими на его плечах молекулы дорогого парфюма, а в волосах прикосновения рук. Все это сливалось в тот самый тошнотворный запах, и становилось невыносимо. Но она все равно прощала. Крепко прижимала к себе, боясь отпустить даже на мгновение, словно навестывала прожитые без его прикосновений дни. Потом Лена разучилась плакать. Сначала слезы превратились во влажные проталины на

припухших щеках, а потом и вовсе высохли. И только любовь продолжала жить, перетекая из дня в день.

Но однажды, в одну из бессонных ночей, в сердце поселилась пустота. В этой странной пустоте не было никаких чувств: ни любви, ни отчаяния, ни боли, ни грусти, ни надежды, ни ненависти. Только серая жижа отчаяния. Вот тогда Лена и приняла решение, окончательное и бесповоротное, как выстрел в висок. Больше не будет прощений и пустых обещаний. И тоскливых ночей. И страхов. И боли. Ничего.

Вот сейчас Вадим войдет, уставший от пьяных ночей и пылких дам, возьмет ее за руку, попросит отложить скандал до завтра. Только завтра не будет. Уже третий день у двери стоит собранный чемодан, где лежат его вещи – все, вплоть до зубной щетки. И слов тоже не будет. К чему? Они как воздушные шарики – яркие, но пустые внутри. Все кончено, раз и навсегда. Нет больше любви, перегорели чувства, сердечный пожар потушен, только пепел былых страданий да ростки кипрея как символ новой жизни, но уже без Вадима.

Лена решительно встала, изо всех сил стиснув руки. Со стола упала чашка, задетая шалью, и разлетелась вдребезги.

Внезапно все стихло. Только ветер, случайно залетевший в незакрытую дверь, легонько тронул прядь волос. Вместе с дождливыми сумерками в дом прокралась ледяная тишина и застыла паутиной на окнах. И больше не скрипели половицы, не дрожали оконные стекла, не шуршали шаги. Показалось.

Зябко пожившись, Лена укуталась шалью, присела, чтобы собрать осколки. И вдруг все ее существо охватил отчаянный ужас: а вдруг он больше не вернется?

Всеволод Круж

«Что наша жизнь? Игра!» – пел Герман в опере «Пиковая дама». Да, многие так и считают и с азартом рубятся в эту игру, простодушно полагая, что знают ее правила. Это заблуждение человечества! Мы пишем историю, законы, моральные кодексы. Но Жизни на это абсолютно наплевать! Она все равно сделает так, как надо ей, сообщаясь со своей, нам недоступной, логикой. Можете не соглашаться со мной. Это совсем неплохо – следовать благой цели: познать непостижимое. Поиск вечных законов, безусловно, поможет вам в жизни. Но только не удивляйтесь, когда Жизнь преподнесет вам сюрприз.

Я часто в своих рассказах обращаюсь к этой теме: то, что мы видим, то, что мы чувствуем, это не совсем то, что есть на самом деле. И задаюсь вопросом, а что же это такое: «на самом деле»? Что есть истина? Я пытаюсь вторгнуться на территорию организатора этой игры под названием «Жизнь» и понять ее правила. Не получается. И не получится. Но это не значит, что не стоит пытаться.

Всего лишь игра

Что наша жизнь? Игра!
Добро и зло – одни мечты,
Труд, честность – сказки для бабья!
Кто прав? Кто счастлив здесь, друзья?
Сегодня – ты, а завтра – я!
Так бросьте же борьбу,
Ловите миг удачи!
Пусть неудачник плачет,
Кляня свою судьбу!
Что верно? Смерть одна,
Как берег моря суеты,
Нам всем прибежище дает.
Кто же ей милей из нас, друзья?
Сегодня – ты, а завтра – я!

*М. Чайковский. Либретто оперы
«Пиковая дама»*

Прогулка по игре

– Здравствуй, Гость! Меня зовут ТUTOR, и я буду помогать тебе освоиться в этой замечательной игре под названием «Золотое поле». Моя аватарка находится в левом верхнем углу экрана, и, если тебе потребуется помощь, в любой момент щелкни по ней, чтобы вызвать меня.

На главной странице ты видишь поле. Пока оно пустое, но ты можешь засеять его любимыми семенами, посадить саженцы любых деревьев и кустарников, предварительно купив их в нашем магазине. Перечислить деньги на покупку ты можешь любым способом: по СМС, через терминалы оплаты, электронными деньгами, с помощью пластиковой карты.

Когда твои растения вырастут, они начнут давать урожай, который ты можешь продать на рынке. Вырученные деньги можно направить либо на покупку новых семян и саженцев, либо вывести из игры на свой

электронный кошелек или пластиковую карту. Информация о балансе для вывода всегда доступна на странице нашего Банка.

Чем больший урожай ты вырастишь, тем выше будет твой уровень, а значит, больше возможностей будет открыто для тебя. Ты должен стремиться к высшему уровню – Царь Полей.

Зарегистрируйся и начинай игру! Удачи тебе!

– Уф! Обязательную часть я отгрататорил, а теперь строго между нами, мой друг: ты можешь играть одним из персонажей. Причем, что забавно, не всегда правильно понимаешь – каким.

Есть Организатор, то есть тот, кто создал игру. Он всегда в плюсе, потому что кто же будет придумывать правила, по которым проигрываешь?

Есть Босс. О, это такой персонаж, который тоже всегда выигрывает, но уже по другой причине. У него есть рычаги, которыми можно поуправлять Организатором, с тем чтобы он, в случае чего, сделал исключение из правил.

Есть Аналитик, который внимательно читает правила, ищет логику Игры и правильную стратегию. Снимаю шляпу перед его умственными способностями, однако Игра далеко не всегда предсказуема. И кстати, хороший Аналитик это знает.

Есть Игрок, который играет потому, что по-другому не представляет смысл своей жизни. Игрок, как правило, имеет достаточную финансовую подпорку, чтобы, продувшись в ноль, недолго пребывать в унынии и начать новую игру. Если же такой подпорки нет, то...

Это Жертва. Или Неудачник. Или Лузер. Называйте как хотите этого несчастного. И не дай вам бог оказаться на его месте!

Да, есть еще персонажи технические, типа Программиста и Хакера, что, по сути, одно и то же, с той только разницей, что Программист созидает, а Хакер разрушает сложную конструкцию Игры. Причем оба непосред-

ственно в самом процессе игры, как правило, не участвуют.

И запомни самое главное, мой друг – это игра, всего лишь игра!

Регистрация

Тutor

– Меня всегда интересовал вопрос: что движет тобой, когда ты вступаешь в игру?.. Не хочешь отвечать? Жаль. Но это вопрос необязательный, переходим к другому пункту.

А те личные данные, которые ты ввел, настоящие? А ну-ка, предъяви паспорт!.. Шучу, шучу... Какое мне дело до твоего паспорта? Главное, чтобы ты бабки в игру вносил, да почаще и побольше!

Ну вот, все пункты ты заполнил, молодец! Теперь последнее действие... Ты хорошо подумал, прежде чем нажать кнопку «ОК»? Угу... Ты хорошо подумал, прежде чем нажать кнопку «ОК»? Нет, это не программа зациклилась, это я тебя переспрашиваю в последний раз. Потому как пароль ты можешь и забыть, это не страшно – вышлю тебе по «мылу». А вот иные судьбоносные решения отменить будет уже нельзя!

Ну что ж, тогда начнем!

Организатор

В последнее время на работе все было спокойно. Дела шли своим чередом. Свободного времени оставалось много, и Олег часто раздумывал над тем, каким бы образом подзаработать еще денег. Потому что деньги – это такая штука, которой много не бывает. И то бы надо купить, и это, и пятое, и десятое... А хватает только на первое-второе-третье и немного на десерт, да и то не всегда.

По всему выходило, что самый надежный способ – это организовать браузерную игру с вводом-выводом денег, зарегистрировав контору где-нибудь в недося-

гаемом оффшоре. Все пути, не пересекающиеся с законом, Олег предусмотрел, не зря работал юристом в крупной организации. Зарядил писать программу сына-программиста, парня ушлого и самодостаточного, заключив с ним на всякий случай договор с пунктом о неразглашении. Не то чтобы не доверял, а порядка и дисциплины ради.

И вот, пройдя стадии тестирования и раскрутки, игра вышла в Интернет.

Босс

Неугомонная натура Виктора требовала продолжения. Он был невероятно расчетлив и удачлив. очередное дело принесло ему немалую прибыль, и теперь, пока эти деньги были еще горячими и госпожа Фортуна не успела повернуться лицом к кому-то другому, Виктор решил их вложить в нечто сверхприбыльное, пусть даже и рисковое.

Он позвонил руководителю компьютерного отдела:

– Зайди ко мне!

– Слушаю, шеф, – ответил тот, зайдя в кабинет.

– Ну-ка, проконсультируй меня, что сейчас предлагает Интернет для вложения денег?

– Ну, вариантов много... – далее последовали варианты минут на двадцать. – ...и еще появилась недавно игра...

Виктору почему-то больше всего понравился этот последний вариант с игрой, и он тут же зашел на сайт. Предлагавшийся процент прибыли был более чем подходящим, а проблемы с надежностью финансовых партнеров решались в его фирме на раз.

– Слушай, возьми хакеров и найди мне, кто стоит во главе этой конторы. Адрес электронной почты, телефон, что там еще нароешь – мне на стол!

Потом, отпустив своего консультанта, позвонил начальнику юридического отдела.

– Вопрос возник. Какую силу имеют правила, прописанные при регистрации на сайтах в Интернете? Пони-

маешь, о чем я, да? Вот это: «Согласиться» – «Не согласиться».

– Да-да, понял. Это называется договор оферты, и при наличии желания и возможностей спросить по нему можно по полной.

Виктор удовлетворенно хмыкнул. Если он почувствует неладное, желания расквитаться у него будет хоть отбавляй, а возможности он изыщет.

Отзвонился компьютерщик.

– Шеф, есть адрес электронной почты. Конечно, не тот, что указан на сайте, а личный. Рыть дальше?

– Рой, дорогой, пригодится. А пока давай что есть.

Виктор был уверен в том, что, если потребуется, у него на столе будут и телефон, и адрес проживания, и имя любовницы, и... В общем, на основании этого «нарытого» соберется толстенькое досье, с которым дальше будет работать отдел безопасности. А пока можно и просто написать письмишко, намекнуть...

И Виктор, как всегда, смело и решительно вошел в игру.

Аналитик

С возрастом Василий стал немножко философом. Тайны бытия постепенно раскрывали перед ним свои карты. И тем приятнее это было, что читал он сей расклад, не задумываясь о хлебе насущном, коего имел, слава богу, в достатке. Свой долг государству он отдал, честно отсидев в одном из НИИ положенные до пенсии годы. Вырастил сыновей, вывел их в люди. И теперь они отвечают ему за это, обеспечивая безбедную и спокойную старость.

Василий пристрастился к Интернету, находил много интересных фактов, о которых не знал. Не чужды ему были соцсети и игры. Рубился по сети в покер, шахматы, стратегии. Предпочитал играть на деньги, используя, в общем-то, ненужную пенсию.

Последним его увлечением стало «Золотое поле». Игра незамысловатая, но притягивающая тем, что да-

вала Василию ощущение, что он зарабатывает деньги. Он тут же составил в *Excel* табличку, где производил расчет для каждого вида продукции, прикидывал, что выгоднее сажать, как меняются рыночные цены. Следил и за сообщениями на форуме, и за новостями, прекрасно сознавая, что когда-то эта пирамида должна распасться, и стараясь предугадать когда.

Игрок

Игорь удобно сидел в широком кресле на колесиках перед компьютером. Уши прикрыты наушниками, ограждающими от внешних звуков. На стоящем рядом столике – пепси, чипсы, орешки и всякая прочая жвачка, которую можно похоячить, не отвлекаясь от игры.

Его отец «работал олигархом», по крайней мере, так считал Игорь. Проблем с деньгами не было, любое его желание исполнялось, что привело к тому, что идти куда-то учиться или работать не было необходимости.

Отец поначалу вел с ним суровые разговоры, увещевал, ругал. На что Игорь, глядя честными глазами, кивал головой, соглашаясь, а потом просил:

– Пап, скинь на карточку денежку. Мне нужно игру купить.

Отец плевался, но деньги переводил, понимая, что этот бой за будущее сына ему уже не выиграть.

– Макс, прикинь, я уже до двадцатого уровня дошел. Теперь могу купить новые доспехи и магию... Я не понимаю, чего ты не хочешь в эту игру играть?.. А в гонки? Давай погоняемся по сети!.. Ну ладно, значит, в другой раз... Новая игра появилась, говоришь?.. Какая?.. Да ну, тупилка... Заработать можно?.. Ну давай, попробую, а то у отца надоело денег просить. Кидай ссылку!.. Словил... Регюсь...

Лузер

«Да, неудачи случаются, – думал Валентин, – а за ними обязательно должны следовать победы. Как в том

анекдоте: жизнь, как зебра – черная полоса, белая полоса, черная, белая... а потом – полная задница!»

Шутка не улыбнулась, уж слишком она была похожа на правду – последняя полоса на спине зебры, видимо, заканчивалась.

Почему?! Ну почему все проекты, которые задумывал Валентин, оканчивались крахом?! Вот и сейчас, казалось, все продумано и высчитано, ан нет, и здесь настиг злой рок. Над головой зависла гильотина огромного долга, и бандитская рука кредитора вот-вот приведет ее в действие.

Валентин бесцельно бродил по просторам Интернета, пока случайно не наткнулся на анонс игры. Заманчивые посулы сподвигли его ознакомиться с игрой поближе. С каждой минутой растаявшая было надежда возрождалась и крепла.

«Это мой последний шанс, – думал Валентин, – продам квартиру, вложусь в игру и тогда через несколько месяцев смогу расплатиться с долгом. А потом... Сейчас посчитаю... Через год уже смогу купить скромненькую однушку. Через два... А если не все снимать, а половину пускать обратно в игру на развитие... О-о!..»

Валентин возбужденно шагал по комнате, строя смелые планы: «Ничего, годик проживу в съемной комнатухе, найду подешевле. Потерплю. Зато уж потом заживу!»

Следующий уровень

Тutor

– Ну вот, мой друг, ты собрал свой первый урожай. Можешь продать его системе и вывести деньги. Мало-вато будет? Тогда заходи в наш магазин и покупай семена и саженцы! И ты через день получишь еще больший урожай!

Ура! Ты достиг нового уровня, и с этого момента тебе доступны новые растения!

Ого! У нас появился Царь Полей! Он уже прошел все уровни. Стань таким же, как он! Бросайся в погоню за

ним, и ты станешь немислимо богат! Смотри, какой большой у системы резерв для вывода денег!

Да здравствует наша игра!

Игра, мой друг. Это всего лишь игра...

Организатор

«М-да, дела, – размышлял Олег. – Не ожидал... Я-то думал, будут играть несколько тысяч человек, спокойно и неспешно. Вложатся понемножку и будут радоваться, как быстро растет это «немножко». А тут в игру вступил такой клиент! Столько миллионов вбухать! Вот кинуть бы его да взять этот куш! – Олег встал из-за стола и возбужденно заходил по кабинету. – Эх, опасно... У таких все схвачено. Достанет ведь, из-под земли достанет!.. По «мылу» письмо мне прислал. Откуда он мог узнать этот адрес?! Вот тебе и конфиденциальность информации. Нет уж, с ним лучше по-честному. Я ведь ничего не теряю. Процент мне исправно капает, когда деньги перечисляются в игру».

Олег посмотрел на накапавшую семизначную сумму.

«Нормально, не суетись, – успокоил он себя, – все идет по плану и идет хорошо!»

Босс

«Этот дурак выложил в «Новостях» инфу, что я стал Царем Полей. Зачем?! Теперь все поймут, что появился крупный игрок, и будут меня опасаться. А меня надо опасаться! Как только у меня нарастет достаточно этих трав и деревьев, продам все скопом и сниму весь игровой банк. Все и сразу будет мое! А вы, дурачье, вкладывайте, вкладывайте. Наступит час икс, и все ваши деньги перейдут мне! Когда? А вот это уж как я решу!»

Виктор быстро написал очередное угрожающее письмо организатору игры и, моментально забыв об этом уже решенном вопросе, переключился на другие дела.

Аналитик

«Так-так-так... – Василий заерзал на стуле. – А вот это уже интересно. Игровой банк резко вырос, а в игре появился Царь Полей. Это означает... Сейчас мы все просчитаем... Ага... Угу!.. Ого! Сколько-сколько?! Вот это куш! Где-то месяца через два-три он сорвет джекпот, а игре – кирдык! Все ясно! И я даже могу назвать точную дату, когда это случится... Впрочем, это я себя переоценил. Точной даты знать не дано. Скорее всего, он убьет игру, когда игровой банк начнет сокращаться. А произойдет это примерно... Эх, не записал, когда он стал Царем Полей... Сейчас открою новости... Опаньки! Пропало это сообщение... Интересно, сколько народу успело его прочитать и сообразить что к чему? – Василий надолго задумался, прикидывая возможные варианты развития событий. – А вот еще интересно – а что, если нам, всем играющим, обдурить этого “царя”? Как? Ну например, сговориться, чтобы незадолго до просчитанного дня разом снять свои выигрыши. Только надо сразу, в пределах нескольких минут. Хи-хи... Вот это был бы номер!.. Да нет, бред, конечно. В форуме говорить об этом нельзя – побегут крысы с корабля, паника начнется. А со всеми переписываться нереально. Я-то сейчас руку на пульсе держу. Когда надо, свою денежку сниму. М-да... А ведь кто-то сильно проиграется...»

И Василий вновь углубился в быстро несущийся поток логических рассуждений.

Игрок

Игорь, как всегда, расслабленно сидел в кресле, посматривая в монитор и шустро топча натренированными пальцами многочисленные клавиши на перемигивающейся разноцветными лампочками навороченной клавиатуре. Микрофон и наушники настроены на бесконечный разговор по сети.

– Макс, ты прав! Бабки с игры капают. Так я себе на приставку накоплю... Зачем приставка?.. Да нет...

Комп – это комп, а приставка – это приставка... Непонятно?.. За компом сидеть надо, а тут я лег на кровать... Планшет? Не-е-т... Но с планшетом в туалете хорошо сидеть, гы-гы...

И Игорь закинул в рот пригоршню орешков.

Лузер

«Ну, давай, давай, копись, денежка! Немножко мне еще осталось пожить в этом гадюшнике. Комнатушка здесь, конечно... Я и не думал, что такие бывают. Да еще этот хозяин-алкаш!»

Валентин окинул взглядом маленькую комнату, которую он снял у красноногого старичка, живущего на глухой окраине города. Хозяин был не в меру болтлив, любопытен и патологически неопрятен.

«Но я не жалею, нет! Каждый сэкономленный рублик обрстет жирком... Скорее бы! Бандюги пока не достают. Похоже, я от них хорошо спрятался. Вряд ли будут меня здесь искать. А я, вместо того чтобы им отдавать, вкладываю свой выигрыш опять в игру – так быстрее накопится... Они, конечно, меня найдут. И отдать им долг придется, да еще как пить дать проценты насчитают. Ну ничего, расплачусь и еще останется. Пусть и они потерпят».

– Валька, сукин сын! – раздался из кухни пьяный голос хозяина. – Сгоняй в магазин, купи мне чекушку!.. Ну и что, что тебе ничего не надо! Это мне надо!

«Надо идти, а то хуже будет», – подумал Валентин и вышел на улицу, надвинув на глаза бейсболку с широким козырьком.

Конец игры

Тутор

– Всякая игра когда-то заканчивается. Вот и наша, любимая и дорогая... Впрочем, игра-то как раз жить продолжает. Что с ней может случиться? Игровой банк пуст? Читай правила. Все действия ты можешь про-

должать: сажать, поливать, покупать-продавать. А вот вывести деньги из игры получится, только когда какой-нибудь болван не подумавши вложится и тем самым пополнит банк.

Но ты понимаешь, мой друг, что, в общем-то, для тебя все закончено – ты же ради них, ради денег, играл. Нет-нет, никто тебя не обманывал. Все делалось по правилам. Ну, не расстраивайся!

Ведь это игра. Всего лишь игра.

Организатор

Олег откатился на кресле от компьютера, крутнулся, хмыкнул.

– Ладно. В конце концов, все не так уж плохо. Процент накапал, и немаленький. Рановато кончилось, но, может, это и к лучшему. Ишь как игрули-то на форуме развопились. Ничего, выждем, пока страсти поулягутся и проигравшие смирятся с неизбежным, а потом прикроем эту шарашку и, глядишь, новую начнем. По накатанной-то дорожке хорошо должно пойти.

Олег еще раз проверил свои счета на карточке, в электронных валютах. Потянулся, закинув руки за голову, удовлетворенно выдохнул:

– Жизнь удалась!

Босс

Виктор перенес время начала сегодняшнего совещания. Сейчас приоритетом было закончить дело с игрой.

«Хо-хо! Все прошло, как всегда, успешно! Джекпот мой! Весь банк! Весь, до последней копейки! Это круче ограбления, поскольку все по-честному. Хотя, конечно, баловство это, игра... Ну и что? Вон сколько людей в казино ходят, какие бабки просаживают! Кто-то и выигрывает, случается такое. О да, и тогда об этих выигрышах трубят на весь честной мир! Типа, и ты можешь стать таким же счастливым... Тьфу! Не люблю казино!.. А вот это мое последнее дело не такое. Это игра ума! Шахматы! Выигрывает умнейший, хитрейший...

И это я! Приятно, черт побери! А все это было пусть рвет на себе волосы, посыпает голову пеплом... и несет бабки в другую игру... Ну-ну... Я вас жду!»

В такие моменты Виктор был по-настоящему счастлив. Всех победить, поставив на колени – этот триумф дорогого стоит! А все остальное в этой жизни – пустая суета!

Аналитик

«Я опять прав! Все в этом мире предсказуемо, – Василий отхлебнул из чашечки крепкого кофе. – Подсчитаем-ка наши плюсы-минусы... Так-так... Да в общем-то, сколько вложил, примерно столько и получил. Стоила ли игра свеч, вернее – оплаты счетов за Интернет? Ну да, если бы это я платил... – он усмехнулся. – Окупил бы, внакладе не остался... М-да... Вот так высчитываешь, пыхтишь, копошишься всю жизнь, а что в сухом остатке? Крохи на поддержание существования. А в выигрыше те, кто у власти, или вот такие, как этот, прущие напролом по головам других. Таковы правила?»

И Василий окунулся в философские размышления о смысле и несправедливости жизни.

Игрок

Жизнь Игоря текла ровно, неспешно и вдали от мирских забот. Он переходил от уровня к уровню в развитии своих игровых способностей. Но учился ли он чему-нибудь, получал ли навыки для реальной жизни? Вопрос может показаться риторическим. Однако есть на него вполне простой ответ: а зачем?

– Макс, чего нового в мире творится?.. Что, игра накрылась?.. Иди ты!.. Вот зараза!.. Гейм помер... А я-то губу раскатал... Эх, ладно, придется опять у отца деньги просить... А куда он денется?!.. Сколько пропало? Да нет, не много... Дурацкая игра. Я и говорю – тупилка... Угу, и лохотрон...

Разбежалась мелкая рябь от камушка, сорвавшегося с берега. И быстро успокоилась вода. Что ей делается,

этой реке, по которой плывет по течению легкое, но комфортное суденышко с Игорем на борту.

– Ты мне так и не ответил, что нового появилось?

Лузер

Впервые за последние годы к Валентину пришло спокойствие.

«Все, это конец! Старикашка-то оказался подсадной уткой! Следил за мной, про каждый мой шаг им рассказывал... Они пришли сразу же, как банк опустел, – знали, сволочи! Теперь я уж точно нищий, без копейки денег, без крова над головой. Они надеются, что я позвоню отцу и он раскошелится... Нет, он не станет расплачиваться за мои глупости. Столько раз выручал, но тогда... Тогда он выгнал меня из дома... Да, денег дал, но сказал, что это в последний раз и больше он меня знать не хочет... Он не бросается словами...»

Валентин уже принял решение и писал последнее письмо своему двоюродному брату. С ним единственным он как-то поддерживал связь. Поставил точку, хотел перечитать, но передумал – точка значит точка! – и щелкнул по кнопке «Отправить».

После игры

Глава семейства нервно ходил по гостиной, дожидаясь, когда подойдет последний член мужской половины их семьи. По традиции женщины к серьезным делам не допускались.

– Тебя долго ждать? – возмущенно крикнул на сидящего за компьютером в соседней комнате сына. – У тебя брат умер, а ты там фигней занимаешься!

– Сейчас, сейчас, только сохраняюсь...

– Я разломаю к чертовой матери твой компьютер!

Понимая, что отец уже достиг высшей точки раздражения, сын с сожалением вздохнул и пошел за ним, бросив на прощание грустный взгляд на экран.

Мужчин в их семье было пятеро... Теперь уже пятеро. Отец главы семейства сидел особнячком в своем любимом кресле. Спина к окну и так, чтобы видеть всех остальных. Брат со своим сыном – рядком на диване. Сын пристроился на стуле недалеко от двери в свою комнату, чтобы в любой момент можно было сорваться к компьютеру и продолжить прерванное занятие.

– Так, племян, – обратился глава к сидящему на диване щуплому парню в очках, – рассказывай, как это произошло!

– А почему я?

– Тебе же он предсмертное письмо отправил.

Парень подобрался, сосредоточиваясь.

– С чего начать?

– С самого начала, естественно!

На него смотрели четыре пары родных глаз, ожидающих, изучающих.

Максим никак не мог решиться, что ему рассказывать, а что – нет. Задача непростая, поскольку он был единственным, кто знал об этом деле все детали... Но какие это были детали!

Должны ли родственники знать, что смерть Валентина произошла из-за игры? Да-да. И не какой-то там игры, а той, что сам Максим и произвел на свет. При чем по просьбе своего отца.

Как можно было предугадать, чем эта затея закончится? Ну что в ней опасного?! Набор машинных кодов. Единичка – нолик. Да – нет. Весь мир состоит из этих «да» и «нет». И в то же время ничего в этом мире не бывает просто «да» и просто «нет». Игра – это хорошо? Кому как, а кому и по барабану. Должен ли был Максим отказаться? От чего? От дополнительного заработка? С чего бы вдруг? С какой стати мучить себя, представляя апокалипсис, вызванный твоим творением? Мы не знаем будущего. Мы должны жить настоящим!

Максим погрузился в воспоминания, прокручивая цепочку событий. Вот Виктор Васильевич, дядя Витя, вызвал его и попросил узнать что-то про организатора игры – это была хохма! Тогда это было очень смешно, и Максим с трудом сдержался, чтобы не расхохотаться. Знал бы шеф, что тот, кого он ищет – это его брат Олег, и сидит он в соседнем кабинете с табличкой «Юридический департамент»!

Макс не плел интриг: не умел и не хотел. Это жизнь сама его руками так завязала судьбы родных, что разрубить этот гордиев узел смогла лишь смерть непутевого Вальки. Какой же дурак этот Валька! Макс ведь предупреждал его, что игра может закончиться в любой момент, и ведь этот момент дед предсказывал! Нашептал как-то ему мимоходом, поделился своими догадками.

Но Валька! Валька не мог заставить себя выйти из игры. Через недельку... завтра... – так он отписывался Максу по почте.

Надо же, даже дед влип в его игру! Впору загордиться внезапно свалившейся на голову популярностью. Но каков дед! Голова! Он ошибся только на два дня. Жаль, что не в ту сторону!

А в итоге судьбу сына решил всего лишь одним кликом мышки его собственный отец. Вот ведь как бывает!

Мог ли он, Максим, предотвратить трагедию? Казалось бы – легко! Подойти к дяде Вите и все ему рассказать. Или Вальке написать открытым текстом – сваливай, я знаю, что готовится бомба... Нет, не получилось бы.

Наша жизнь – тоже программа, написанная неизвестным гениальным Всевышним программистом. Мы в ней только константы и переменные, существующие по неизвестным нам правилам. Да, правила, они решают все. Правила нельзя нарушать. Макс подписывал документ о неразглашении, он всего лишь исполнитель, действующий по предписанному алгоритму. Нарушить Правила – значит оказаться вне Игры под названием

Жизнь. Уж кому, как не программисту, знать об этой непреложной истине!

Мораль? Совесть? Это лишь некие заложенные при рождении или приобретенные со временем атрибуты. С точки зрения Великой Игры – ничто!

Макс заставил себя отбросить вгоняющие в тоску и уныние размышления. Нет, не раскроет он родным страшную семейную тайну. Будет только хуже. Случившегося все равно не вернуть.

– Валька написал мне письмо, вы все его читали. Больше я ничего не могу рассказать.

На некоторое время в комнате воцарилась тишина. Как будто Валька был здесь, лежал в гробу в кругу семьи. И все вспоминали о нем. О покойном – или хорошее или ничего?

– Раздолбай был этот Валька! Жаль, конечно, парня. Но он рано или поздно как-то так жизнь бы свою и закончил. – Виктор Васильевич вздохнул и украдкой посмотрел на Игоря, подумав: «Уж лучше пусть штаны протирает за своими играми, авось, когда-нибудь и одумается». – Дед, лети в этот чертов город, сделай там распоряжения... Сам знаешь... Хоронить здесь будем.

Дед Василий коротко кивнул.

– Олег, – обратился Виктор к брату, – мы можем подвести этих козлов под статью о доведении до самоубийства?

– Сложновато, Витя, но я попробую.

– Попробуй!.. Они у меня все ответят по полной!.. Сволочи!..

Когда семейный совет закончился, Игорь подошел к Максиму.

– Слушай, а можно свой сервер для игры сделать? Я хочу...

– Отстань! Не сейчас! – отмахнулся Максим.

А про себя подумал: «Одни игры у парня на уме. Вся жизнь у него – сплошная игра... А разве не так у других? Двигаются по заданным маршрутам с определен-

ными целями, достигают новых уровней: школа, институт, работа...

Все везде – игра! Игра...

Всего лишь игра...»

ОДИНОКИЙ ВОЛШЕБНИК

Поэту Алексею Хазару

Она всегда приходит внезапно. Ниоткуда. Невозможно проследить и предугадать ее путь. Я пробовал. И не удивлялся, что ничего не получалось. Она рассказывает о себе только то, что хочет рассказать. И бессмысленно выпрашивать подробности. Остальное, если интересно, можно только дофантазировать.

Ах эта взбалмошная девчонка по имени Любовь!

– Люба, это ты?

Между прочим, мог бы и не спрашивать. Только у нее, кроме меня, есть ключи от дома. А иногда мне кажется, что ей и не нужны ключи. Она просто приходит. Шуршит в прихожей, меняя уличный облик на домашний. Легким свежим ветерком врывается в комнату. Как всегда, внезапно и желанно.

– Привет!

Обвивает шею руками. Звонко чмокает в щеку. Смеется. Лучится неподдельной радостью.

Ее настроение заразительно. Оно прилипает, как летний загар, от которого невозможно укрыться даже в тени. Да и нужно ли? Напротив, хочется выйти навстречу солнцу, раскинуть руки, крикнуть: «Зажигай меня, я хочу загореть!»

– Я была на пляже, купалась. Вода такая теплая! Ласковая! Щекочется!

Я смотрю в ее голубые глаза и вижу, как там плещется, искрится вода. В них можно искупаться. Ныряю. Неглубоко, чтобы не потревожить холодную пучину сокровенного.

– Только у берега народу много. Брызгаются, воду мутят. А я плаваю плохо. Боюсь, когда ногами дна не достаю.

– Ну это дело поправимое. У меня есть знакомый тренер по плаванию. Я вас познакомлю, и он тебя подучит.

Она радуется, подпрыгивает, хлопает в ладоши. Награждает еще одним звонким поцелуем. Она каким-то удивительным образом умеет управлять гравитацией. Кажется, будто летает по комнате. И я рядом с ней словно обретаю невесомость.

Ей не сидится. Порхает, переставляя вещи с места на место, нарушая ею же самой установленный в прошлый раз порядок. Мне нравится смотреть, как проносится этот быстролетный и непредсказуемый вихрь. Пусть он обнажит и раздует зарастающие пеплом угольки моей души.

Расставание всегда происходит быстро и неожиданно. Чмок – прощальный салют. И рассыпающийся, остывающий сноп звуков. И остается тишина, освещенная заревом ушедшего солнца.

Ожидание – состояние бессмысленное и разрушительное. Я давно понял это и стараюсь не впадать в него. Всегда можно найти какое-то дело и считать его важным. И наполнить такими делами часы своей жизни. Но вот что удивительно: когда приходит Любовь, она вытесняет все, что казалось важным. В ее легком облаке растворяются заботы и печали. Они кажутся глупыми и надуманными.

– Люба, это ты?

Я не слышу звука открывающейся двери, но облако зимнего пара у порога лучше всякого звонка оповещает о ее приходе.

– Тебя долго не было.

Это не укор. Это приглашение к разговору. Я стораю от любопытства – так хочется узнать, что же с ней происходило. Ароматный крепкий чай с вишневым вареньем на кухне. Она любит это варенье. Впрочем, и другое тоже. По крайней мере, то, которое я ей предла-

гал. Ест его непременно маленькой ложечкой, смакуя и наслаждаясь.

– Этот твой тренер... Спасибо тебе, что познакомил... Удивительный человек! Он меня записал в фитнес-центр. Водил в походы по невероятно красивым местам!

Ах вот оно как! Я должен был чувствовать ревность. Но облако ее восторгов от полученных впечатлений затушило так и не разгоревшееся пламя.

– Я теперь соблюдаю диету и не ем после шести. Смотри, какая у меня фигура! Тебе ведь нравится, правда?

Она крутилась передо мной, кокетничая и смешно позируя. Потом обняла. Чмок! Чмок! Поцеловала сладко и душисто.

Конечно, мне нравилась ее фигура! В общем-то, любая, какая бы ни была. Но сейчас мне особенно нравится то, что сама себе она стала больше нравиться.

Она прошла вдоль книжных полок, трогая корешки и рассеянно пробегая взглядом по названиям.

– А у тебя есть книжки по психологии?

– По психологии?

Любовь – удивительная девчонка! Такая уж у нее природа. Но сейчас она меня просто потрясла! Зачем ей это?

– В той компании спортсменов только и говорят что про тренировки, здоровое питание. И больше их ничего не интересует. А туристы зациклены на дикой природе, выживании. Это так устроен человек? Ведь это же скучно – говорить все время об одном и том же!

– Ах вот ты о чем! Тебе не хватает знаний? Что ж, и это поправимо.

Я порывлся в визитнице и дал ей карточку.

– Профе-ессор...

Прочитала она нараспев, соорудила кислую мордашку, потом рассмеялась. Но карточку взяла.

У меня было достаточно времени, чтобы обо всем подумать. Как странно ведет себя Любовь! Стоит дать ей то,

что хочет, и она тут же надолго пропадает. А появляется, когда возникает пустота? Или приходит голодная, а насытившись, исчезает?.. Как ее понять? И надо ли? Беспочвенные раздумья сродни ожиданию: иссушают желания и время.

– Люба?

Я не заметил, когда она пришла. Может, задремал. Может, был занят теми вселенскими делами, без которых всегда можно обойтись.

– А почему ты не сказал, что профессор – это очень даже молодой человек?

Она изменилась. Посерьезнела? Погрустнела? Стоит, прислонившись к косяку. Что с тобой? Не летается? Да, знания тяжелы. Конечно, можно взлететь и соорудив за спиной крылья. Но это совсем не то, как если бы они выросли сами.

– А почему он обязательно должен быть старым? Он тебя разочаровал?

– Напротив...

Я заметил, что у моей ветреной сильной бабочки появилась мудрость. Она затаилась в глубине глаз, затеяя искры вздорности.

– Напротив – это значит очаровал?

Я попробовал пошутить и с удивлением почувствовал, что получилось глупо. Она улыбнулась, показав, что оценила шутку. Только показав. Упорхнула от ответа.

– Спасибо, я многое поняла!

Неторопливо подошла ко мне. Чмок! Какой насыщенный, вкусный поцелуй! И немного грустный.

– А профессору ты такое же спасибо сказала?

– Почти...

Ответ растворился в загадочной улыбке. Вот и думай после этого, что значит «почти»! Что я делаю?! Безумный сводник, не скупящийся угождать своей любви!

– Ты счастлива?

– Количество счастья не зависит от количества знаний.

Опять не ответила. Усмехнулась, отошла к окну, устремив взор к горизонту. Где она умудрилась найти этот горизонт в заставленном многоэтажными коробками городе? Но, похоже, для нее не существовало домов, деревьев, прохожих. Да и меня тоже. Где ты сейчас, Люба?

– А что бы ты еще хотела?

Она прошла как бы сквозь меня, окутав легким ароматом духов, которые я же когда-то ей подарил. А как же всегдашний «чмок» на прощанье?

– Ты знаешь, я, пожалуй, попробую обойтись без твоих подсказок.

Иногда можно предугадать, где находится Любовь. Или по крайней мере попробовать предугадать. Например, в спортзале, в библиотеке. Но когда Любовь становится самостоятельной, уследить за ней невозможно. Шли дни, а я терялся в догадках. Их было много, и ни одна из них не основывалась на сколь-нибудь достоверных фактах. Она была везде... и нигде. Но одно я знал совершенно точно: она еще обязательно придет ко мне!

Люба...

Как же мне тебя не хватало! Мне нечем было дышать без тебя. Если бы ты знала, как это тяжело – не дышать!

Она села ко мне на колени. Раньше никогда так не делала. Я искал в этом обещание. Но разве она хоть когда-то хоть что-то мне обещала?

Чмок! Это был долгий «чмок» в губы. Страстный и в то же время стылый, как ветер обреченности. Откуда появилось такое чувство? Ведь вот же она, рядом, близкая как никогда! Неужели все уже предрешено? И какое оно, это «предрешение»? Ее глаза так близко... Ее дыхание горячо и сладко...

– Ты меня любишь?

Я купаюсь в мареве ее шепота. Но почему же мерещится солоновато-горький привкус тревоги?

– Конечно! Ты ведь знаешь это. А ты?

Чмок! Обманчивая податливость ее тела под моими руками. Тягостное предчувствие не дает поверить страстными ощущениям.

– А я разгадала твой самый страшный секрет.

Любовь – самая запутанная тайна. Проникнуть в ее чертог невозможно. Те, кому это все же удастся, сходят с ума. И при этом ей известно про нас абсолютно все.

– Да? Какой?.. Но ты не ответила на мой вопрос...

Настойчивость ни к чему не приведет. Я зря пытаюсь... Да-да, пытаю себя... Любовь невосприимчива к понуждениям.

– Ты – волшебник.

Чмок! Так целуются артисты. Ни к чему не обязывающе. О, Любовь – прекрасная актриса! Сейчас она играет то, что на нее снизошло великое озарение. Талантливо играет. Что взять с нас, статистов?

– Как ты догадалась?

Она немного отстранилась. Игриво провела пальцами, рисуя мое лицо, расправляя морщинки тревоги.

– Но ведь ты все можешь, разве нет?

– Для тебя – да.

– И ты выдумал меня, а потом сделал такой, какая я сейчас.

Какая ты сейчас? Ах, какая ты сейчас, Люба! С ума сойти! О да, я приложил к этому руку. Нежно трогаю прекрасное создание. Мое? Выходит, я такой всемогущий?

– Может быть... Наверное, можно и так сказать... Подожди, ответь, наконец, ты меня любишь?

Ведь именно это сейчас и есть самое главное: мой вопрос, сверкающий молниями на безоблачном небе. Ответ, Люба! Ответ же мне, наконец! Все в мире – ничто по сравнению с твоим ответом.

Она соскочила с моих коленей на пол, уселась в кресло напротив, сотворив между нами приличную дистанцию. Таковую, что захолонуло сердце от тоски. За молнией всегда появляется гром. Иногда он бывает неслышным, но только потому, что мы не умеем или не хотим слышать.

– Разве ты не знаешь, что в волшебников не влюбляются?

Раньше я не мог себе представить Чеширского Кота. Как это – он исчезает, а улыбка остается? Любовь излучала улыбку – легкую, мудрую. Вечную. Я был уверен, что теперь она будет сопровождать меня тысячи лет. Волшебники живут долго.

Люба сидела напротив меня и удалялась, парсек за парсеком. Так не бывает! Так не должно быть!

– Постой! Тут что-то не так! Я не понимаю!

– Люди влюбляются в людей. А волшебники – это другие существа. Это ведь так просто, а ты не хочешь понимать.

– Не хочу, да... Ты уходишь...

Я не спрашивал. Сколько можно мучить себя глупыми вопросами! Я прощался с космическим кораблем, навсегда улетающим в другую галактику.

– Он – поэт.

А она вдруг ответила на вопрос, которого я не задавал.

– Он пишет стихи. Про все: про удивительные путешествия и про тайные знания. И даже про волшебника, придумавшего себе Любовь. Я догадалась: фантазия – это преломленная истина. Истина бледна. Но, проходя через призму фантазии, она раскрашивается всеми цветами радуги. Мой поэт умеет создавать потрясающие призмы. Я его люблю...

Ее голос удалялся, таял, рассеивался звездной пылью...

Я сижу в своем любимом кресле напротив открытого окна. Там, за окном, нет города. Там ничего нет. Только пустота вселенной. И за моей спиной тоже ничего нет. Я даже не оборачиваюсь, чтобы проверить свое знание.

Впрочем, я чувствую струящуюся теплоту. От улыбки взбалмошной девчонки, так и не сумевшей в меня влюбиться.

В волшебников не влюбляются.

Волшебники всегда одиноки.

Ольга Дёмина (Рыбакова)

Как же было в детстве просто и удобно. Сказал: «Чурики!» — и вышел на время из игры. Пока, особенно не торопясь, затягиваешь развязавшийся шнурок, ищешь глазами место, где можно надежно спрятаться. Найдешь такое и, уже начиная движение к узкой щели между двумя гаражами, кричишь: «Я в игре!»

Жалко, что взрослая жизнь — не игра. Нельзя из нее выйти, а потом вернуться обратно с правильным решением. Ни водички попить, ни шнурки завязать в паузе. Только успеваешь новые календари покупать. И все отчетливее понимаешь, что в тот год, когда не пожалел денег на фирменный календарь Pirelli, надо было собраться с силами и сказать: «Нет».

Родилась, живу и работаю в Москве. Никогда об этом не думала, но сейчас пробую писать. Прошла курс обучения в одной из литературных мастерских Creative Writing School. Приняла участие в конкурсе короткого рассказа, организованного спецпроектом «Российской газеты» — порталом ГОДЛИТЕРАТУРЫ.РФ. Вхожу в состав жюри ежегодных литературных конкурсов, организованных Московским региональным отделением МСП «Новый Современник» и Московским салоном литераторов (МОССАЛИТ).

В девять утра

Солнечные зайчики прыгали по поверхности воды. Дамир оттолкнулся от ступеней купальни и поплыл к дальней колонии лотосов. На первый сеанс приходило мало народа – можно плавать в свое удовольствие. Позже зеркало озера Хевиз станет напоминать ярмарочную площадь в воскресный день: многолюдно, шумно и крайне неудобно передвигаться. По правилам купаться в термальном озере можно было только с аквапоясом. Но Дамир не соблюдал это правило. Ему, сорокашестилетнему мужчине, не пристало плавать со спасательным кругом.

Время сеанса подходило к концу. Дамир развернулся в сторону берега. Вдруг что-то его насторожило: какие-то странные звуки рядом. Он огляделся и увидел, как женщина в голубой шапочке ожесточенно бьет руками по воде, а в метре от нее медленно дрейфует оранжевый аквапояс с распутившимися завязками. Внезапно женщина прекратила судорожные движения, отчетливо произнесла по-русски: «Мама!» – и начала уходить под воду.

Пара сильных гребков – Дамир ухватил бедолагу под руку и выдернул на поверхность. Удерживая женщину на плаву, другой рукой поймал оранжевого беглеца и вернул хозяйке. Женщина обхватила аквапояс обеими руками и крепко прижала к себе.

– Вы в порядке? – спросил Дамир.

– Да, – в глазах женщины стало появляться осмысленное выражение. – Дорогие очки утопила, – пожаловалась она. Потом вдруг рассмеялась:

– Вот было бы смешно: утонула, плавая со спасательным поясом.

Дамир не видел ничего смешного.

– Вы сами выберетесь на берег или вам помочь?

– Я сама.

Дамир развернулся и быстро поплыл к берегу. «Дура», – другого определения у него не нашлось.

До аварии на автобане под Гамбургом владелец небольшой транспортной компании Дамир Даев никогда не задумывался о том, какое это счастье – владеть ногами. Четыре месяца в немецкой клинике, полгода в реабилитационном центре под Звенигородом – только после этого он смог ходить без костылей. Когда врач сказал, что радоновая вода и грязи озера Хевиз помогут восстановлению, Дамир поехал в Венгрию.

Отель, в котором он жил, был единственным пятизвездочным отелем в округе. Но Дамир выбрал его не за статусность, а за отличный лечебный комплекс. Утром – озеро, днем – грязи, водные процедуры и массаж, затем – обязательные три километра в бассейне. По вечерам...

Они встретились на процедурах. Двадцать минут содействия на вытяжных стойках в бассейне положили начало знакомству. Светлана приезжала в отель каждый год в одно и то же время. Жила в одном и том же номере. «Только здесь я восстанавливаюсь. Хевиз – волшебное место для меня», – объяснила она. Эффект явно был. Старше Дамира на два года, Светлана выглядела лет на пять моложе. Подтянутая, ухоженная, со стройными ногами, она привлекала к себе внимание мужчин разных возрастов. Когда они сидели по вечерам в ресторане или гуляли по городу, Дамиру льстили направленные на Светлану мужские взгляды.

Им было о чем поговорить: Светлана руководила департаментом логистики в крупной компании и хорошо разбиралась в организации перевозок. Привлекательная женщина, с которой можно обсудить бизнес, – такое сочетание возбуждало Дамира. Он собрался перейти к активной фазе ухаживания, но Светлана его опередила: сама поднялась к нему в номер. Она приходила каждый вечер, но никогда не оставалась на ночь. И к себе в номер никогда не звала. «Похоже, я отлично вписываюсь в ее набор процедур», – этот вывод не смущал Дамира.

По выходным лечебный комплекс не работал. Делать два дня было нечего, и Дамир решил съездить на

автобусную экскурсию. В Венгрии он раньше не бывал и хотел посмотреть страну. Светлана ехать отказалась, сказав, что не любит коллективных мероприятий.

За десять минут до отъезда Дамир стоял около автобуса. Он уже отмечился в списке у экскурсовода, но занять свое место в автобусе не спешил – наслаждался прохладой раннего утра.

– Извините, – услышал он женский голос. – Я не знаю, как вас зовут.

Дамир с недоумением посмотрел на подошедшую к нему женщину. Чуть ниже среднего роста, со светлыми волосами, в льняном платье без рукавов. Ничего привлекательного, по мнению Дамира: далеко за сорок, с морщинками в уголках глаз, с лишними килограммами, явно заметными в открытом платье.

– Я даже не поблагодарила вас за то, что спасли меня на озере, – продолжила она. – Совсем тогда растерялась. Спасибо за спасение.

– Меня зовут Дамир, – ответил Дамир, вспомнив вчерашнее утро. – Не тоните больше.

– Не буду, – пообещала женщина. – Марина, – представилась она.

Надо было бы что-то сказать – Дамир был вежливым человеком, – но Марина его раздражала, и ему хотелось поскорее закончить разговор. Спас экскурсовод: пригласил садиться в автобус. Заняв свое место, Дамир оглядел попутчиков. Оказалось, что Марина тоже едет на экскурсию.

Программа началась с посещения фарфоровой фабрики в Херенде. После экскурсии часть людей побежала за покупками в фабричный магазин, остальные собрались у автобуса. Дух экскурсионного братства помог быстро наладить общение. Обсуждали увиденное, кто-то упомянул немецкий и английский фарфор. Тут в центр группы вышла Марина и напомнила о давних традициях производства фарфора в России. Увидев интерес в глазах слушателей, рассказала несколько любопытных историй. Говорила она увлеченно, даже азартно, и ее внимательно слушали.

Городок Кестхей на берегу Балатона – следующий экскурсионный объект – встретил изнуряющей жарой. Перебегая от одной тени к другой, группа быстро осмотрела старый город. Понравилась только прохлада внутри францисканской церкви на центральной площади.

Запланированный по программе обед был сервирован на открытой веранде ресторана. За столом Дамир сидел напротив Марины. От горячего и перченого гуляша она покраснела, струйки пота стекали по вискам вниз по шее на грудь и дальше в вырез сарафана. Поймав на себе взгляд Дамира, Марина подмигнула ему, а потом громко сказала, обращаясь ко всем:

– Никогда не думала, что брови могут потеть. А вот ведь – потеют. И капли падают прямо в суп.

Она повернулась к другим столам, как бы демонстрируя этот феномен, и рассмеялась. Все сразу заулыбались, стали шутить, утирать пот салфетками. Жара мучила всех, но когда Марина сказала о проблеме вслух, это перестало быть проблемой.

Последний пункт программы – купание в Балатоне – был встречен на ура. После теплого Хевиза вода Балатона казалась прохладной, но зато моментально освежала. Наплававшись, Дамир повернул к берегу и нашел глазами стоявшую на мелководье Марину. Она смеялась в компании нескольких мужчин и женщин – самых активных и любознательных экскурсантов их группы. В центре внимания был высокий брюнет, занявший в автобусе место на первом ряду сидений. Он рассказывал что-то смешное, обращая преимущественно к Марине, а та в ответ живо реагировала, и вся группа в очередной раз взрывалась смехом. «Ты бы сначала плавки приличные купил, – зло подумал о весельчаке Дамир, – а потом уже...» Что должно быть потом, Дамир додумывать не стал, вышел на берег и пошел переодеваться.

На обратном пути в автобусе было тихо: многие дремали, некоторые тихонько разговаривали. Дамир бездумно смотрел в окно и вздрогнул, когда кто-то тронул его за плечо.

– Извините, Дамир, я опять за спасением, – Марина стояла в проходе, ухватившись за спинку сиденья. – Меня укачивает сзади, а у вас свободное место. Можно я к вам пересяду?

– Конечно, – Дамир убрал свою сумку под ноги. – Но не думайте, что я делаю это бескорыстно. Я спасаю вас от укачивания, а вы меня – от дорожной скуки. Назначу вас Шахерезадой.

– Договорились, – улыбнулась Марина. – С чего бы начать дозволенные речи?

Сначала разговор был похож на игру в пинг-понг двух опытных соперников, которым раньше не доводилось встречаться. Перебрасывались нейтральными темами, принаравливались друг к другу. Скоро оба удостоверились: свой человек. Легко перешли на «ты», перестали избегать личных тем.

Марина оказалась хорошим собеседником. Она заинтересованно слушала, искренне реагировала. Вопросы, которые она задавала, были правильными с точки зрения Дамира – ему самому было бы важно узнать такое о новом человеке. С ней было просто. И еще одно определение вертелось в голове у Дамира – надежно. Возможно, поэтому он рассказал Марине то, о чем предпочитал молчать: что после аварии ушла жена, что деньги на лечение пришлось изъять из оборота компании и сейчас она на грани банкротства. Дамир смотрел в серые – очень чистого цвета – глаза и видел в них сопереживание и поддержку. Когда автобус затормозил у отеля, он удивился, что обратная дорога оказалась такой короткой.

– Давай завтра еще куда-нибудь съездим, – предложил он Марине, когда они шли к входу. – Все равно в воскресенье процедур нет.

– Не могу. Я завтра уезжаю.

Дамир споткнулся о тротуарную плитку и с досады пнул ее ногой.

– Во сколько?

– Утром. У меня заказан трансфер до Вены. Оттуда лечу домой.

Решение пришло быстро.
– Я поеду с тобой.
– Зачем? – не поняла Марина.
– Провожу тебя до аэропорта.
– Это же почти двести километров отсюда. Как ты будешь добираться обратно? – Марина все еще пыталась остановить Дамира, но ее лицо осветилось радостью.
– Ты не поверишь: в Вене есть такси, – засмеялся Дамир, поняв, что Марина сдалась.
– Ладно, – сказала она, – тогда жду тебя завтра у входа в отель в девять утра.
Прежде чем захлопнуть дверь номера, Дамир вывесил табличку «Просьба не беспокоить». Потом включил свет и заметил на полу листок бумаги, подсунутый под дверь. Это была записка от Светланы: «Я поговорила со своими друзьями. Они готовы обсудить сотрудничество с твоей компанией. При положительном исходе речь идет о больших деньгах. Эти люди завтра будут в Будапеште. Я договорилась о встрече. Машину заказала. Жду тебя завтра у входа в отель в девять утра».

Трехцветное счастье

С нами живет кошка Фроська. Она маленькая, трехцветная, беспородная и уже старенькая. Раньше у нее была тяжелая жизнь, а теперь все наладилось: сейчас она счастлива. Три цвета шерстинок – белый, коричневый и рыжий – перемешаны у Фроськи без всякого порядка.

Белый цвет

У мамы-кошки их родилось двое: Фроська, которую тогда, конечно, не звали никак, и ее брат. Окрасом дочка

пошла в маму – та тоже была трехцветной. Сынок же получился благородным красавцем: весь черный, а нос, манишка и носочки на каждой лапе белоснежные. Красавца-сыночка оставили в семье хозяев, а пеструю девочку долго пристраивали – лишь бы куда-нибудь. Наконец нашли какого-то дальнего родственника, который согласился взять котенка. Родственник был стареньким, после смерти жены жил один, тосковал и был рад хоть какой-то живой душе в доме. Он-то и назвал котенка Фроськой.

Жили старик и Фроська хорошо. Они дружили. Старик иногда играл с кошкой, дразня конфетным фантиком на нитке. Когда зимой в квартире было особенно холодно, они спали вместе, чтобы согреться. Летом они вместе гуляли на балконе: старик сидел на табурете и наблюдал за жизнью двора, а Фроська устраивалась на картонной коробке, в которой хранился старый телевизор, и следила за воробьями. Воробьи прилетали на соседний балкон, где для них была устроена кормушка. Они истошно чирикали, дрались за пшено и очень смущали Фроську. Ей хотелось поближе посмотреть, что это за крикуны такие.

Потом старик умер. Как оказалось, у старика был сын. И квартира сына вполне устраивала. А вот Фроська ему была не нужна.

Коричневый цвет

Кошку передавали из рук в руки, как эстафетную палочку – скорее бы избавиться. Нет, иногда люди, у которых Фроська оказывалась, были добры с ней. И даже любили. Но так получалось, что те, кто любил, были старенькими. Не успевала Фроська привыкнуть к новому хозяину, как он умирал. Так получалось. И снова родственники искали, кто согласится взять беспородную трехцветку.

Один из вынужденных хозяев невлюбил Фроську: он морил ее голодом и частенько бил снятой с ноги та-

почкой на резиновой подошве. Кошка пряталась целый день под диваном и только по ночам тенью скользила на кухню, чтобы проверить миску – вдруг там что-то лежит.

Вряд ли Фроська прожила бы долго у такого садиста. Умерла бы от истощения или от побоев. Спас случай. К садисту зашла по делу дальняя родственница. Она любила животных и пришла в ужас от вида жмущегося в углу, трясущегося, заросшего колтунами существа. Родственница забрала Фроську с собой.

Рыжий цвет

Круг замкнулся. Родственница оказалась той самой хозяйкой, которая одиннадцать лет назад оставила у себя брата-красавца, а Фроську отдала в люди. Теперь они снова были вместе. Братец стал настоящим франтом: шелковая шерстка, гордо поднятая голова, благородная осанка. И звали его подобающе – Маркиз. Любимчик и баловень судьбы. Хозяин дома.

Фроську Маркиз не жаловал: гонял по всей квартире при любой возможности. Притаившись за углом, прыгал ей на спину и кусал. Но делал это не слишком часто – так, для порядка и собственной разминки.

В целом жизнь у Фроськи наладилась. У нее появились своя миска и подстилка, крыша над головой и доброжелательное отношение со стороны хозяйки. Конечно, любила хозяйка Маркиза, но сестру его не обижала и даже ругала своего красавца, когда тот был настроен особенно воинственно по отношению к трехцветной родственнице.

Не прошло и года Фроськиной спокойной жизни на новом месте, как хозяйка дома умерла. Брат и сестра остались одни в пустой квартире, и дальнейшая их судьба была никому не ясна. Родственники решили квартиру сдавать и искали жильцов, которые согласились бы взять на себя заботу о двух уже немолодых животных. Такие люди нашлись: женщина и ее сын.

Новые и старые обитатели квартиры поначалу осторожно приглядывались друг к другу, потом освоились и привыкли. А еще через какое-то время у людей и кошек случилась полная и взаимная любовь. Конечно, были свои тонкости: Маркиз назначил себе любимым человеком сына, а Фроське осталось любить взрослую женщину. Такой получился расклад: мальчики и девочки. Но это всех устраивало.

Поскольку Фроська теперь была под защитой женщины, она осмелела и иногда позволяла себе при случае вспомнить былые обиды и набрасывалась на Маркиза из-за угла, стараясь прихватить зубами заднюю лапу или хвост. Маркиз не обижался, но и случая зашипеть и шугануть сестрицу не упускал. А вот работающего пылесоса они боялись вместе: прятались под столом и сидели там бок о бок, пока уборка не заканчивалась.

Прошло три года. Однажды женщина, глядя Маркиза, почувствовала под рукой какое-то уплотнение на спине у кота. Результаты анализа и приговор ветеринара были однозначны. Операцию четырнадцатилетний Маркиз не перенес: отказало сердечко.

Фроська осталась одна. Та любовь, которая раньше распределялась на двоих животных, теперь доставалось ей одной. И она купалась в этой любви: позволяла себе капризничать; выбирала, с кем она будет сегодня спать; сердито мявкала, если с ней не сразу делились вкусеньким. Она могла лежать где захочется: и на диване, и на кресле, которое прежде принадлежало Маркизу. Могла сколько хочет греться у батареи на специально положенной там диванной подушке. Вот только бояться работающего пылесоса под столом ей приходилось теперь одной. И от этого было вдвойне страшно.

Трехцветная шерсть все-таки принесла Фроське удачу. И пусть счастливых лет в кошачьей жизни получается меньше, чем тяжелых, она все равно рада. Она благодарна судьбе.

Ольга Уваркина

Тема «Жизнь – игра» в литературе как нельзя более совершенно и полно может быть представлена рассказами самых различных жаров, начиная с историй о детских играх в куклы и солдатики и заканчивая житейскими драмами, фантастикой и детективами.

Человек по своей сути всегда игрок, с самого рождения. Вначале он повторяет модели мироустройства, предложенные ему родителями, а позже строит эти модели сам. Кто-то играет по заранее написанному сценарию, кто-то сам становится режиссером, разыгрывая свои спектакли, играет с предметами, людьми, обстоятельствами, самой судьбой, выигрывая или терпя фиаско, но в итоге приобретая плохой или хороший жизненный опыт. Делая свой выбор в судьбе, человек всегда ставит на кон не только материальные ценности, но и духовный багаж, часто невозможные.

Только и сама победа не всегда приносит желаемый успех и радость, ведь переиграть жизнь практически невозможно. Можно лишь начать жить с чистого листа, если в характере индивида есть здоровый стержень и стремление жить.

Приобретая бесценный опыт «искусства жить», человек может находиться в гармонии с собой и окружением, не суетя на судьбу.

Главные и второстепенные герои моих рассказов – не вымышленные персонажи, поставленные автором в предполагаемые обстоятельства. Прообразами их были люди, о жизни которых я хорошо знала, судьбы которых мне дороги.

Родилась и живу в Москве. Окончила Московский институт электронного машиностроения. Пишу стихи и короткие рассказы. Была неоднократным победителем в сетевых конкурсах. На тексты некоторых моих стихов написаны песни для авторских альбомов. Имею публикации в различных изданиях, начиная с 1999 года. Последняя публикация в сборнике «Московский дом» в 2016 году.

Член МСП «Новый Современник», Московского салона литераторов.

Откос

Из личного архива Светланы Ивановны

В свои неполные семнадцать лет Вася Счастливым, с фамилией замечательной и редкой, твердо решил закосить от службы в армии. На этот случай в запасе было два варианта: болезнь почек и психическое заболевание. По вечерам, тусуясь у районного кинотеатра, где собирались подростки и обменивались «богатым» жизненным опытом, Вася узнавал много нового, например, как симулировать заболевания для закоса. Опытные старшие ребята, сумевшие получить белый билет, были отменными советчиками.

В подъезде дома, где жил Вася, многие ребята, достигшие совершеннолетия и не попавшие в тюрьму или на зону, уже сумели определиться в жизни. Но Вася еще колебался между разными вариантами, прощупывал почву, осторожно примеривался, полагаясь на свои способности.

Родители Васи, Владимир Петрович и Светлана Ивановна, имели иные взгляды на жизнь. В их понимании служба в рядах Российской Армии была почетной обязанностью и гражданским долгом, и когда сын заявил, что «в армию сейчас только идейные идиоты по своему согласию идут», то со стороны родителей он встретил шквал упреков. Отец тут же энергично и восторженно начал рассказывать о своей армейской жизни. Он отслужил в Германии три года еще в конце 60-х. Владимир Петрович даже полез на антресоли и достал старый, покрытый пылью чемодан, вытащил оттуда вместе с самоучителем по чешскому языку почетную грамоту «за участие в подавлении контрреволюционного переворота в Чехословакии» и гордо тряс этим историческим документом перед Васиным носом. Мать же, со своей стороны, трезво заявила, что «не служить в армии очень стыдно». А если Вася будет настаивать, то «у нее просто нет ни связей, ни таких денег, чтобы откупиться».

Через полгода после этого разговора в семье произошли события, которые круто изменили взгляды родителей, а для Васи – определили окончательный жизненный выбор.

Шел 1993 год. Уже отгремел роковой октябрь, унесший больше сотни человеческих жизней «во имя добра и правды на земле», и рассеял последние иллюзии и надежды на скорое выздоровление после «шоковой терапии». В стране царили хаос, беспредел, безработица и, как следствие всех этих коллизий, падение нравов. Семья Васи, как семьи почти всей России, переживала безработицу и безденежье. Мать трудилась одна, и ее заработка едва хватало, чтобы худо-бедно прокормить двух здоровых мужчин. Вася не хотел напрягаться по мелочи – подработать или подхалтурить, а считал, что срубить надо сразу, по-крупному, чтоб и себя уважать, и от друзей не слышать обидных слов.

Случай подвернулся. Вася въехал в криминал. В качалке, где Вася проводил значительную часть свободного времени, между делом образовалась небольшая цепочка по покупке и доставке оружия на одном из московских рынков. Васе отвели роль связного на телефоне. Дело провалилось. Что было тому причиной – оставалось только гадать, но крайним выбрали Васю, то ли как самого молодого, то ли по какой еще одному богу известной причине. Счастливого вызвали в эту самую качалку, которая находилась в подвале соседнего дома, и отделали так, что мать, увидев Васю, едва узнала сына. Она закричала, а затем медленно по стенке грузно осела на пол...

Васю уложили на диван в гостиной. Он долго молчал, а позже сказал: «Вызовешь скорую или милицию – всем кранты. Перестреляют всех, дело серьезное». Вася сообщил об этом с такой непоколебимой убежденностью, что мать поверила сразу и безоговорочно. Последние ее сомнения развеялись тогда, когда в доме вдруг стало очень тихо: прежде к Васе вечно приходили друзья, а вот теперь все куда-то исчезли и даже молчал

телефон. Помощи ждать было неоткуда, и Светлана Ивановна, положившись на Господа Бога, срочно взяла отгулы на работе, чтобы дома ухаживать за сыном. Она ничего не ела и почти не спала, а только бесконечно курила, пила черный кофе и вздрагивала от каждого случайного телефонного звонка и шума подъезжавших к их дому машин.

На третий день приятель сына, принимавший непосредственное участие в этой истории и благополучно оставшийся ни в чем не повинным, привел в дом троих упитанных парней. Краем уха Светлана Ивановна слышала, что это какие-то «братки из ореховской группировки», которые смогут помочь «в случае чего»... Но об этом «случае» мать не могла и думать. Дальше ее мысли не шли, обрывались. Именно тогда Светлана Ивановна решила, что, если случится самое страшное, у нее останется только один выбор: вначале она восстановит нарушенную справедливость и отомстит за сына по-своему, по-матерински, а уж дальше будь что будет. Мать накормила «ореховских» и немного успокоилась. Больше в дом никто не приходил.

Через две недели Вася поднялся с постели, воспрянул духом и, переговорив с одним из знакомых парней, прошедшим огонь, воду и медные трубы, начал разборку с теми, кто прямо или косвенно был виновен в его унижении, и своего добился. Его зауважали, и он королем стал ходить по родному бульвару, радушно улыбаясь и не помня былых обид. Вася умел прощать.

Светлана Ивановна работала в одной из центральных гостиниц Москвы, многочисленные окна которой выходили на набережную Москвы-реки и здание Правительства, в народе окрещенное «Белым домом». А потому вся новейшая история России, можно сказать, проходила перед глазами работницы отеля среднего звена. Она хорошо помнила августовские события 1991 года, время ГКЧП, танки, разрывающие грохочущими гусеницами асфальт Кутузовского проспекта, ночные костры и баррикады у Белого дома, лица добровольцев, ис-

полненные отваги, надежды и решимости защитить молодую демократию. И после... Растерянные и мятущиеся группы людей на Новоарбатском мосту, опять танки и трупы, много трупов на набережной... Это было уже в 1993-м.

Но любим хоть сколько-нибудь значимым событиям в стране предшествовала подготовка этих событий, так называемое преддверие. Однажды из уст одного из сослуживцев Светлана Ивановна услышала фразу: «Наша гостиница – это макет нашего государства». Это стало откровением для Светланы Ивановны и заставило ее внимательнее присматриваться к людям и анализировать происходящие события. В стенах гостиницы текла жизнь, тесно связанная с политикой страны. Перед «бархатной» революцией в Грузии номера отеля были переполнены гражданами грузинской национальности. То там, то здесь в коридорах этажей звучала гордая фамилия Гамсахурдии... Теперь место мятежных грузин заняли выходцы из Чечни. Они вели себя как хозяева, как завоеватели: откровенно хамили обслуживающему персоналу, выезжая, не платили за проживание, устраивали на этажах и в буфетах шумные сходки и собрания. Светлана Ивановна, хоть и не разбиралась в большой политике, догадывалась: шли тайные переговоры и даже вербовка и еще, что «бархатом» уже не отделаешься, надо ждать более серьезных событий. И оказалась права.

В конце 1994 года началась война в Чечне. Страна, как Молох, требовала молодой и здоровой крови. Продолжалась массовая поставка оружия в Чечню, теперь уже официально, во всем чудовищном блеске проявилась бездарность наших генералов, позволивших технике войти в Грозный без поддержки пехоты, а следствие начавшейся войны – груз 200 с телами солдат, парней, не сумевших отмазаться от службы в армии. Мысль о том, что может ожидать сына в ближайшем будущем, если он окажется там, на той войне, не давала Светлане Ивановне покоя ни днем, ни ночью. Она наконец сняла

розовые очки и выбросила их в корзину вместе с другими иллюзиями, ставшими теперь ненужными и мешавшими дальше жить, работать и мыслить.

Вскоре Вася, после предварительной медкомиссии по призыву, сообщил матери, что им вместе надо съездить в районный психоневрологический диспансер. Светлана Ивановна лишь поинтересовалась у сына, о чем пойдет речь у врача. Вася коротко ответил: «Суицид» – и неловко, растерянно улыбнулся.

В кабинете диспансера их принял врач, женщина средних лет. Прочитав направление из райвоенкомата, она сразу же обратилась с вопросами к Светлане Ивановне: «Как же это вы, мамаша, недосмотрели за сыном и ни разу не обратились в диспансер? Ведь попытка суицида имела повторный характер». Светлана Ивановна сидела растерянная, горем убитая и мямлила что-то невразумительное. Похоже было, что и у нее «с головой не все в порядке». А когда врач спросила о наличии у Васи черепно-мозговых травм, Светлана Ивановна тут же вспомнила, как бесчеловечно избили ее сына и начала подробно излагать детали происшествия. Вася вдруг резко поднялся со стула и оборвал речь матери: «Замолчи, дура!» Светлана Ивановна вздрогнула, но быстро приняла правила игры и даже попыталась заплакать от «такой обиды»...

«Не переигрывает ли он, не сорвется?» – подумала она, но тут ее попросили выйти из кабинета и подождать. Вскоре в коридор вышла медсестра внушительных размеров – на лице ее лежала маска печали и доброты – и, качая головой, очень доверительно, жалея оскорбленную мать, тихо и категорично сообщила Светлане Ивановне: «О-хо-хо! Вашего-то в армию не возьмут. Я повидала, знаю». – «Почему?» – любопытствовала у нее Светлана Ивановна. «Таких не берут!» – коротко и безоговорочно констатировала медсестра и поплыла дальше по коридору.

«Каких “таких”?» – только и хотела спросить Светлана Ивановна, недоуменно пожав плечами, но

не успела: медсестра исчезла за дверью другого кабинета.

Через два дня Васю Счастливого госпитализировали для обследования и окончательного диагноза. Светлану Ивановну еще раз пригласили на беседу, теперь уже к заведующему отделением, где она честно и откровенно рассказала все о здоровье сына, не забыв упомянуть в красках ту самую страшную историю о покупке оружия.

Через месяц Вася Счастливый получил белый билет со статьей 7-Б. Ни Светлана Ивановна, ни сам Вася так и не узнали, что означает такая статья в военном билете. Для их жизни эта подробность уже не имела значения.

Послесловие

Счастливый Вася погиб через десять лет после описываемых событий в автомобильной катастрофе, не помогла фамилия. Видно, от судьбы не уйдешь. Нет в живых и Владимира Петровича. Его старый чемодан с самоучителем по чешскому языку и похвальной грамотой по-прежнему пылится в антресолях. Светлана Ивановна доживает свой век одна.

Теперь часто, мысленно возвращаясь к событиям далеких лет и отчетливо осознавая, что у любой истории нет сослагательного наклонения, Светлана Ивановна все же думает, а что, если бы тогда, в те девяностые, она поступила бы по-другому, проявив жесткость, решительность, а не пошла на поводу у сына, не поддержала его игру с судьбой и отправила служить в армию... Возможно, и жизнь Васи сложилась бы иначе? Страшная война, от которой они всей семьей старались убежать, сама по себе прошла бы мимо. А они, Счастливые, продолжали бы жить радостно и счастливо, оправдывая свою замечательную и редкую фамилию...

Никто не даст ей теперь ответа.

Да и война до сих пор почему-то не заканчивается...

Маленький цветок

Сорокапятилетний вор-рецидивист Ленька Сотников по кличке Хеча тихо умирал от побоев летней ночью на берегу родного Дона. Ленька глухо стонал от боли, не пытаясь позвать на помощь. Воровская гордость не позволяла ему сделать это, хотя жить-то ему теперь не очень хотелось совсем по другой причине. Ленька знал, что обречен – врачи зря болтать не будут: по их прогнозам оставалось ему копытить белый свет недолго, месяца три-четыре.

День не предвещал Леньке ничего плохого. Стояла июльская жара, и тень в яблонево́м саду была единственным спасеньем. Вечером жара спала. Вода нагрелась, как парное молоко, и Ленька решил сходить на Дон искупнуться. На берегу сидела компания парней. Все, кроме одного, ленькиного соседа по дому, были приезжие. По-видимому, ребята уже успели набраться – лица были хмельные, красные. Шумная компания громко о чем-то спорила, а из транзисторного радиопремника, стоявшего на траве чуть поодаль, доносилась негромкая джазовая музыка. Ленька сдержанно поздоровался, разделся и бултыхнулся в воду. Накупавшись вдоволь и полежав на спинке, он вышел на берег. Ребята в это время все разом, дружной ватагой кинулись в воду. Вот тут-то Ленька и услышал ее, эту мелодию, от которой сразу защемило сердце, засосало где-то под ложечкой – там, где должна находиться душа. Эх, будь она неладна! Нахлынули откуда-то издалека воспоминания, которые Ленька давно запрятал глубоко-глубоко, стараясь забыть навсегда...

Москва. 1962 год. Он, Ленька Хеча, молодой и озорной парень, вернулся домой после первой трехлетней отсидки. Жизнь в нем была ключом, хотелось радоваться, петь и буянить одновременно. А еще хотелось лю-

бить, любить по-настоящему, как в кино, и чтоб – с музыкой. Далеко за счастьем идти не пришлось. Шестнадцатилетняя Галка, первая Ленькина любовь, жила совсем рядом, в соседнем подъезде их хрущевки, со старшей сестрой и матерью-алкоголичкой. Худенькая, черноглазая и такая же озорная, как и сам Ленька, Галка покорила сердце молодого вора.

Изголодавшийся по живому теплу женской плоти, он со всем своим неумным темпераментом ворвался в страну Любви! Закружило голову... Вот тогда впервые Ленька и услышал эту мелодию. Она выплывала из-под иглы плавно вращающейся грампластинки и, медленно вливаясь в душу и обволакивая ее, заставляла страдать, жалеть, радоваться, выворачивать наизнанку все лучшее и светлое, что было в ней, этой самой душе. Мелодия звучала в резонанс с Ленькиным сердцем, переполненным чувством первой любви. Была в те годы и другая музыка: модный джаз и буйный рок-н-ролл с его неприменными атрибутами – взбитым коком и брюками-дудочками. Все было, но не оставило такого следа в Ленькиной душе, как этот «Маленький цветок»¹⁶.

Галка перешла жить к Леньке. Счастье их не было долгим, так как через полгода Ленька снова пошел по этапу. Воровской мир, с его корешами и их моралью, с ловкостью спирта потащил Хечу в омут жизни. Мать потом отписала на зону, что Галка как-то слишком быстро выскочила замуж и уехала из Москвы далеко на Север. С тех пор прошло много лет. Ленька с того времени не видел Галку и больше никогда не слышал «Маленький цветок» и, казалось, совсем забыл эту мелодию... А вот теперь все вспомнилось, на душе потеплело, оттаяло...

Пока Ленька одевался, музыка отзвучала, по радиоканалу начали передавать новости дня. Опять стало

¹⁶ «Маленький цветок» – мелодия, написанная американским саксофонистом Сидни Беше в 1954 году, была необычайно популярна в бывшем СССР в начале 60-х годов прошлого столетия.

буднично и пусто. Надо было уходить с берега, но какая-то не совсем оформившаяся мысль мешала Леньке сдвинуться с места. Он не сразу понял, что это. А потом догадался. С его взглядами и практикой опытного вора «это» казалось безумием, детской шалостью, выходкой десятилетнего пацана. Он знал, что будет замечен, не одна пара глаз увидит его, выследит, и бежать ему некуда, но «рука мастера» все же потянулась к вожаке транзистору, душа требовала продолжения банкета. Ленька выключил приемник, стараясь не смотреть в сторону купающихся парней, незаметно запихнул его под мышку, накинул рубаху и, словно прогуливаясь, не спеша направился в сторону прибрежного кустарника. Там надеялся отсидеться до полной темноты.

Но до кустарника Леньке дойти не пришлось.

«Эй, мужик, стой!» – услышал он голос сзади. Ленька остановился, обернулся с простодушной улыбкой, которая много раз выручала его в переделках. Крепкий набывчившийся парень не принял улыбку и тихо, с ненавистью в голосе произнес: «Поставь на место, сука, что взял» – и толкнул Леньку. Тот пошатнулся, и приемник выпал из-под его руки. Еще два крепких удара с маху придавили Леньку к земле, а что было дальше, он уже плохо помнил. Удары сыпались как камни: по голове, по спине, по почкам – парень умел бить, и, разгоряченного спиртным, вид крови только распаллял его. Ленька потерял сознание.

Когда он очнулся, темное небо уже усыпало звездами, на берегу было тихо. Впрочем, Ленька уже ничего не слышал, голова гудела, отбитые легкие с трудом ловили воздух.

«Ну вот и доигрался. Повелся, как пацан на пряник, – забрезжила мысль. – А может, так-то оно и лучше. Чего уж теперь-то личину менять? Вором родился – вором и умирать надо».

Родился Ленька здесь, на Дону, в небольшой деревеньке в декабре 1943-го. Мать его Вера, красивая ядреная восемнадцатилетняя дивчина – про таких красавиц

говорят «кровь с молоком» – закрутила любовь с солдатиком, пареньком из Сибири. Часть, в которой служил паренек, была расквартирована в деревне, где жила Вера, а молодой солдатик, как нетрудно догадаться, – прямо в ее доме. Сибиряк был честным парнем, обещал вернуться с фронта и, как положено, жениться, но не суждено было сбыться его обещанию. Вера так и не узнала, погиб ее жених или просто передумал брать в жены. Фактом любви и несбывшихся надежд стало появление на свет Леньки, а отчество Вера записала ему по отцу – бойцу: Иванович.

В те военные и послевоенные годы в России было много детей войны, никогда не видевших и не знавших своих настоящих отцов, а потому, подрастая, Ленька не задавал банального детского вопроса о своем рождении. Много позже ему сказали, что отец погиб на фронте. В 1952 году Вера, оставив Леньку на попечении своих родителей, уехала в Москву на заработки, устроилась в литейный цех завода «Компрессор» и получила место в общежитии – там и познакомилась с красивым стройным парнем, на пять лет моложе ее.

Звали молодого человека непривычным для слуха именем – Гигель, и был он безродным польским евреем. Безродным потому, что не осталось у парня на всем белом свете ни одной родной души – многочисленную родню сожгли фашисты. Каким-то непостижимым божьим промыслом десятилетний Гигель был спасен и вывезен из оккупированной Польши на территорию Советского Союза. Когда много позже Гигеля спрашивали об этом периоде, его красивые «бархатные» глаза подергивались влагой и, минуту помолчав, он неизменно отвечал примерно так: «Простите. Я не могу говорить и вспоминать об этом, боюсь, что сердце не выдержит».

Вскоре Вера и Гигель поженились. Вера стала звать мужа ласково Гриша, сглаживая «Г» на малороссийский манер. Леньку забрали из деревни в Москву, и Вера второй раз стала матерью: в семье родилась девочка.

Ленька впервые увидел столицу в десятилетнем возрасте. Привыкший к деревенской свободе безо всяких условностей и правил, он долго не мог освоиться с городским бытом. Не сложились отношения и с отчимом. Несмотря на то что Гриша был добрым, уравновешенным и терпеливым, Леньке он именно этими качествами и не пришелся по душе: из-за излишней мягкости характера. Он не называл Гришу отцом и всячески избегал общения с ним. Сейчас можно только гадать, что было истиной причиной такого нетерпения, сыновняя ревность к матери или другое представление об отце, но все закончилось тем, что Ленька однажды сбежал из дома. Нашли его через месяц, голодного и оборванного. Мать кричала и плакала навзрыд, а Гриша молчал и жалел пасынка. Не помогло ни то, ни другое.

Теперь жизнь Леньки превратилась в сплошные походы: до четырнадцати лет он пять или шесть раз убегал из дома, а потом связался с местной шпаной во дворе, совершил кражу и сел на три года.

После второго срока Ленька решил жениться по-настоящему.

Невестой, а затем и женой стала Люба из соседнего дома. За счастьем Хеча далеко не бегал. Новорожденного сына Леньке увидеть не пришлось: посадили в третий раз, уже на семь лет, за групповое ограбление квартиры.

Из тюрем Ленька неизменно возвращался с богатым багажом: привозил массу карточных игр, шулерских приемов, рассказов и смешных анекдотов, кстати, рассказчиком он был отменным и всякий раз, рассказывая какую-нибудь историю, заразительно, по-детски смеялся сам.

В Москве Леньку не прописывали, работать он не хотел – «устав» не позволял. Пришлось уехать на родину, на Дон, к бабке. Она и кормила непугевого внука, до тех пор пока не сошелся тот с одинокой женщиной Зиной, жившей по соседству. Иногда Ленька, дабы не забывалось ремесло, совершал вылазки в районный городок:

на вокзал или в магазины, где было, чем поживиться. Товар сбывал там же, в городке, а что-то привозил домой в подарок Зине. Бывало, ходил по самому краю, но всегда выручала его неизменная открытая улыбка, излучающая доверчивость и расположение к людям. Зина догадывалась о Ленькиных «подработках», но молчала, избегая огласки и скандалов. Так продолжалось до последней весны. Потом Ленька стал серьезно недомогать, пожелтел лицом, осунулся – аукнулись годы фартовой жизни, – появились слабость и ноющая боль в подреберье. Диагноз оказался смертельным, врачи не сочли нужным скрывать правду.

Уже перед самым концом, Леньке, скорченному на траве в предсмертной агонии, привиделось, что стоит перед ним Галка в белом платье с юбкой-клевш, по давно забытой моде, и держит на руках младенца – мальчика. Хотелось Леньке крикнуть: «Галка, родная! Это же сын мой, наш!» – но с хрипом на выдохе прошептал только одно слово: «Маленький...»

Кукла

Каждый человек когда-нибудь в жизни мечтает. На то он и человек. Мечты у людей бывают разные, но всегда – светлые, иначе это и не мечты совсем, а только тоска по несбыточному желанию или еще того хуже – грязные мысли.

Была мечта и у маленькой Олечки. Она не могла с полной уверенностью вспомнить, когда и откуда впервые прилетела эта мечта. Может быть, причиной была старая бабушка – соседка, у которой Олечка увидела чудо природы – большую фарфоровую куклу с копной роскошных кудрявых волос и в длинном кружевном платье. Красавица не умела говорить, но у нее были

другие достоинства: красивые пухлые губки и большие васильково-синие и очень печальные глаза.

«Наверно, она грустит оттого, что ей очень одиноко и холодно в этом доме», – подумала маленькая Олечка, которой дали поддержать соседкино сокровище на минуточку, чтобы, не дай бог, не разбилось, но вслух ничего не сказала. Казалось, эта кукла была в доме лишь украшением интерьера, не более, причем достаточно дорогим, с которым невозможно было просто так взять и расстаться или подарить кому-то, даже такой маленькой и хорошей девочке, как Олечка. А может быть, дело было не в стоимости игрушки, а в том, что она несла в себе память о взрослых детях?

Впрочем, Олечка была девочкой воспитанной, чтобы тут же не пустить слезу, она могла и потерпеть до дома. Каждое желание нужно немножко выносить, взлелеять... Лелеять было недолго, так как Олечкина квартира, а вернее сказать, комната в коммунальной квартире – Олечка жила у бабушки с дедушкой, которые ютились в коммуналке, – находилась совсем рядом, в соседнем подъезде того же дома. Поток молчаливых слез был неопишем... А мечта пустила свои голубые, феерически-воздушные корни в еще не отчаявшуюся, терпеливую душу ребенка.

Олечка боялась попросить купить ей какую-либо игрушку, зная заранее простой, как вся ее недолгая жизнь, ответ: на покупку нет денег. Поэтому она никогда ничего не просила, а только горько плакала, тем самым как бы и утешая себя. Воспитывали девочку дедушка с бабушкой. Бабушка вела домашнее хозяйство, и хотя в доме всегда было тепло и сытно, на покупку необязательных вещей, а в их число входили, конечно же, и игрушки, денег не хватало. Олечка все это уже понимала, но сердцу, как говорят, не прикажешь. Вот так и зародилась почти несбыточная мечта в душе девочки.

«Как бы я любила тебя, моя хорошая. Мы гулять ходили бы вместе. Я б укутала тебя в одеялко, чтобы ты не

замерзла на холоде», – мысленно шептала девочка воображаемой кукле. Предмет ее обожания в мечтах приобретал плоть и кровь: кукла двигалась, смеялась, разговаривала, она жила своей неповторимой кукольной жизнью, неотделимой от жизни маленькой Оли.

У Олечки была подружка Иришка, пухленькая кудрявая хохотушка, жившая в соседней квартире. Иришка, в отличие от Олечки, посещала детский сад, поэтому ребенком была более коммуникабельным и раскованным, к тому же балованным, так как была у своих родителей единственной и поздней дочерью. Мама Ирочки преподавала английский язык в школе, а папа был больши-и-им начальником, как говорила Олечкина бабушка. Однажды вечером Олечка отправилась к Иришке в гости – поиграть. Родители Иришки велели Олечке немного подождать в соседней комнате, так как собирались кормить своего ребенка ужином.

Сильно обеспокоенные нездоровой полнотой своего чада, они решили посадить Иришку на диету. Диета была калорийна, но ограничена яйцом, сваренным вкрутую, и двумя десертными ложками осетровой икры. Вскоре из комнаты раздался пронзительный визг: «Я кушать хочу! – кричала Иришка. – Сосиску хочу с хлебом!» Мама с папой в четыре руки запикивали в Иришкин рот поочередно яйцо и черную икру, заставляя малышку давиться и проглатывать эти «диетические деликатесы». Вся в слезах, девочка отчаянно отбивалась, но силы были неравные, и ей пришлось сдаться. Личико Ирочки, приведенной в отчаяние таким грубым произволом и унижением, покрылось красными пятнами, все ее тельце сотрясало от рыданий. Ей было стыдно перед Олечкой. А та, глядя на эту семейную сцену, подумала про себя: «Какая же это гадость – черная икра, наверное, хуже рыбьего жира...» – и при этом в знак солидарности с подружкой сильно сморщила носик и скривила губки.

Иришке было плохо, и родителям неловко перед «посторонними». Чтобы как-то загладить сложившую-

ся ситуацию, мама решила сделать Иришке сюрприз. Вообще-то она планировала поберечь подарок до дня рождения дочери, но материнское сердце не выдержало. Из платяного шкафа со словами «Ой, а кто это там к Ирочке пришел?» мама поспешно извлекла большущую коробку и поставила ее на пол. Из слюдяного окошка коробки на девочек распахнутыми карими глазами, окаймленными черными ресницами, восторженно смотрела огромная, почти в рост девочек, кукла. Она улыбалась, обнажив в своей прелестной улыбке маленькие жемчужные зубки, как будто приглашая всех присутствующих разделить свой восторг. Девочки застыли. Казалось, они перестали дышать, а затем Иришка, уже совершенно забыв о предыдущей унижительной сцене, пронзительно закричала: «Мама, мамочка, ну давай же, открывай скорее коробку!»

Глазам нетерпеливых подружек предстала кукла во всей своей красе, в коричнево-белом в клеточку платье с кармашками, в кожаных коричневых туфельках; каштановые волосы были стянуты бантом на затылке, а еще... и это, пожалуй, было самым главным достоинством куклы, она умела ходить, если ее брали за ручку, и говорить слово «мама», когда ее переворачивали на животик.

Восторгу девочек не было предела! Они пели и танцевали вместе с куклой, крутили ее во все стороны и так и эдак, водили по комнате, даже пытались накормить каким-то сухим печеньем, проталкивая его в открытый ротик куклы. Но потом вдруг Иришка заявила, что будет другая игра. Надо разбиться на семьи и ходить друг к другу в гости. Дочерью Иришки, конечно же, стала новая кукла, а Олечке достался безухий мишка в одной короткой кофточке-распашонке. Олечке сразу стало грустно оттого, что ее лишили радости общения с новой куклой, и она попросила компенсировать такую несправедливость мебелью – маленьким кукольным диванчиком, на который собиралась уложить мишку. Тут уж Ирочка закапризничала и не дала диванчик. Олечка

от обиды расплакалась, девочки рассорились, и Олечку проводили домой. Девочки просто устали от игр.

Детские обиды быстро забываются. Скоро и Олечка забыла о ссоре с Иришкой, ведь дружба – это главное. Но мысли о кукле никогда не покидали русоволосую головку. И однажды чудо свершилось. Первым не выдержал Олечкин дедушка, который понял молчаливое страдание внучки о несбыточной покупке. Он долго думал и вот....

Однажды утром, открыв глаза, Олечка увидела сидящую на подушке куклу. На какой дороге, в каком заброшенном углу доживало свой игрушечный век это сокровище, трудно было даже вообразить! Голова куклы была совсем лысая. Нос, пальцы рук и ног были облуплены. Говорить заветное «мама» она уже не могла из-за сломанного механизма. К тому же кукла была абсолютно голой. Единственным ее достоинством, пожалуй, были глаза, которые, несмотря на все перенесенные куклой тяготы, привычно открыто и доверчиво смотрели на мир и хлопали пушистыми – по чудесной случайности – ресницами. Олечка видела только глаза! Она как-то странно хрюкнула от восторга, осторожно взяла куклу, прижала к себе и тихо спросила: «Это мне?» – еще не веря и опасаясь, что кто-нибудь, кроме нее, может посягнуть на такой раритет. Весь день девочка не расставалась с куклой. Она кутала ее в старенькую бабушкину шаль, укладывала спать, пела кукле незатейливые песенки, читала ей детские книжки, а вечером положила рядом с собой на кровать.

Ночью Олечке приснился удивительный сон. Снилось ей, будто работает она в детском саду воспитательницей, а все ее воспитанницы – большие красивые куклы с синими глазами, одетые в голубые и розовые кисейные платица. Сидят куклы за столиками, а на столиках – настоящая кукольная посуда, какую Олечка видела однажды во дворе у девочек, и пьют куклы настоящий чай с вареньем. Олечка рассказывает интерес-

ные истории, а куклы слушают ее и иногда, перебивая, говорят: «Мама... Мама...»

И так радостно и хорошо от этого Олечке, что не хочется просыпаться. Но сон кончился. Олечка проснулась. Рядом лежала ее новая кукла, никак не похожая на увиденных во сне красавиц. Нет, Олечка не заплакала от разочарования. Она нежно прижала куклу к себе и прошептала ей на ушко, чтоб никто не услышал: «Маленькая моя, хорошая, самая дорогая, я тебя никому не отдам. Вот вырастешь большой, мы с бабушкой сошьем тебе новое платье, и ты будешь самой красивой девочкой на всем белом свете. Ты только не плачь и слушайся маму».

Прошли годы. Олечка выросла, вышла замуж, и у нее родился сын. Понятно, что мальчишки не играют в куклы. Их игрушки – машинки, солдатики и пистолеты, так уж заведено природой. Но сынишка был еще очень мал, чтобы самостоятельно разбираться в игрушках. Олечка пошла в большой детский магазин и купила куклу – прекрасную девочку из своих детских снов. Ведь кукла – это так волшебно! Это так здорово!..

ПОЭЗИЯ

Анна Народицкая

Игра...

Она начинается с рождения и остается с нами всю жизнь. Сначала это собственные руки и погремушки, кажущиеся нам пределом жизненных интересов. Позже появляются песочница и куличики, которые сменяются куклами и машинками. Затем игра становится осмысленнее – отношения с учителями и одноклассниками. Мы упоенно играем в учеников, постигая основы отношений между людьми.

И вот однажды, когда весна перестает быть просто временем года, когда первые весенние ароматы заставляют сердце биться сильнее, а пение птиц вызывает улыбку, тогда наконец в нашей жизни появляется самая главная и волнующая всех игра. Она оттачивается с каждым годом, и порой мы раним себя и близких, не желая менять правила. Упираясь на своем, желая одержать победу в очередном жизненном тайме, мы иногда проигрываем сами себе.

Но даже если мы играем с тем, кто этого заслуживает, стоит помнить, что игра, почти любая, подразумевает победителя и побежденного. Но кто из нас соответствует этому названию? Победитель, в процессе игры потерявший часть человечности? Или побежденный, нашедший мужество и силы начать сначала? Игры в реальной жизни жестоки, и, играя с людьми, порой можно не заметить, как у того, кто рядом с тобой...

Разбилось сердце

Разбилось сердце. Острые осколки
Пронзили грудь, и хлещет кровь рекой.
Пытаться вылечить такое – мало толку,
Тут нужно время, одиночество, покой.

За чтением книг уходит беспокойство.
Прогулки долгие под куполом листвы
Дают израненной душе такое свойство,
Что заживают даже порванные швы.

Без лишних слов, в молчаньи терпеливом,
Благословенная приходит тишина.
Обиды горькие, толкаясь суетливо,
Уходят прочь. Уж выпита до дна

Вся чаша терпкая, что вдруг тебе досталась,
И сердце вновь готовится любить...
Лишь только в памяти записанной осталась
Та боль, что никогда не позабыть!

Со временем игра становится для нас второй натурой. Мы меняем маски и образы в зависимости от ситуации. И в какой-то момент жизни замечаем, что уже играем с самим собой. Лжем, боясь огорчить себя правдой. Сами с собой соревнуемся, называя это преодолением. Охотно забываем о том, что приносило боль, и, играя роль оптимиста, улыбаемся сквозь слезы. И только ночью мы становимся настоящими. На фоне освещенной торшером занавески нас всегда предательски выдает одинокий...

Силуэт в окне

Все белым-бело...
Замела метель
Снежным помелом
Для себя постель.

Полог сонных крыш
Убаюкал снег.
– Что же ты не спишь,
Силуэт в окне?

– Той любви следы
Снегопад укрыл.
Утекло воды,
Не осталось сил.

Вьюгой белых мух
Фонари закрыв,
Забирает дух
Ледяной порыв!

И метель опять
На дыбы, конем!
– Сколько можно ждать?
Позабудь о нем!

Уж погас давно
Свет его свечи!
Но твоё окно
Все горит в ночи...

Но, как говорится, время лечит, и азартные, бешеные игры перестают интересовать. Опыт подсказывает, каждому возрасту – своя игра.

И тогда декорации меняются: становится мягче свет, изысканнее звук, виртуознее актеры, естественнее игра. И вдруг, в момент наслаждения этой новой игрой неожиданно снисходит...

Озарение

Недавно вспомнились забытые свиданья,
Объятая томные подлунною порой,
Потерь самозабвенные рыданья...
Теперь все кажется лишь детской игрой.

Игрой в реальность, где важны детали,
Где каждый день наполнен суетой.
Уединенье? Тишина? О нет, едва ли!
Ведь мир такой понятный и простой.

Но промелькнули километры впечатлений,
Бесценным грузом давит опыт на плечах.
Сменились пара-тройка поколений,
И так приятны стали паузы в речах.

Беседы светской я корректно избегаю,
Пустые страсти стали ни к чему,
А с каждым годом чаще замечаю,
Как благодатно оставаться одному...

Природа раскрывает осторожно
Те тайны, что становятся важны.
Лишь только так почувствовать возможно
Священное блаженство тишины!

Но покой нам только снится!

Начинается новая забава, интеллектуальная! Там люди играют в странную игру, как будто ОНИ это НЕ ОНИ, а КТО-ТО ДРУГОЙ... и эта игра так увлекательна и заразна, словно грипп. Говорят, она передается тактильно, через клавиатуру или шариковую ручку. А называется эта забава...

Антипоэзия

Есть поэты – нам всем в унижение,
Приложив уйму сил и старания,
Производят не СТИХОСЛОЖЕНИЕ,
А лишь СТИХО – увы! – ВЫЧИТАНИЕ.

Графоманство – унылая практика,
С горя Пушкин в раю перекрестится.
Ведь как хитро подобрана тактика –
С умным видом нести околесицу!

Упиваясь своим велеречием,
Пишет автор стихи «до победного»!
Надо ж совесть иметь человечью,
Истязать так читателя бедного!

Может, дать всем поэтам задание,
Чтоб вагон разгружали с арбузами?
И, глядишь, приутихнет желание
Вечерами беседовать с музами!

Не от зависти я, не из вредности
Захотела бороться с пороками.
Мне бы тоже... поменьше потребности –
Рифмовать стихотворными строками.

В этом творческом заболевании важно не забывать о правилах такой увлекательной развивающей игры. А правило одно: «Если уж писать, то только тогда, когда не можешь не писать», как записал Л. Н. Толстой в своем дневнике. Лекарство от этой болезни не горькое. Игру в литератора необходимо принимать осторожно, маленькими порциями. Вместо крупной повести или романа запейте стаканом вдохновения изящную миниатюру или поэтический...

Пустяк

Что я пишу? Стихи и прозу!
Что я могу еще писать?
Какую-то метаморфозу?
Тогда придется вам спасать
Мой бедный ум, больную душу,
И чуть безумные глаза, –
Из них печальная слеза
В тупом бесплодии струится...
И тем я ваш покой нарушу,
Как в ясный летний день гроза
Неволит всех с зонтом носиться.
Могла б свинью я подложить
И накалякать впопыхах
Роман, что помнится в веках!
Но нет! Безумна я и так.
Вам много легче пережить,
Коль я прочту в стихах пустяк.

Порой кажется, что наши слова обладают какой-то магической силой. И, не пытаясь избавиться от наваждения, мы начинаем играть в пророков. Под покровом ночи рождаются сокровенные заклинания и заговоры. Веря в игру, словно дети, упиваясь надеждой на волшебство, мы аккуратным почерком, буква за буквой, записываем в тетрадь...

Тайные строки

Пилигримом скитаясь по жизни,
Строки тайные рифмой шифрую.
Не смотрите же так с укоризной!
Я серьезно, и я не блефую!

Эти строки неведомы прочим.
К наважденью опасно стремиться –
Может жизнь стать... немного короче,
Либо... в муках надолго продлиться.

Только автору их безопасно
И писать, и читать в упоении.
Нет, пишу я совсем не напрасно!
Пусть приходит ко мне вдохновенье!

Я слагаю за строчкою строчку,
Словно зелье варю понемногу,
Я смогу написать в одиночку
Счастья полную в жизни дорогу!

Игра в «потустороннее» смешивается с реальностью. Мечты и тайные желания взбиваются в безумный коктейль сновидений. И стоит коснуться подушки, как царство Морфея затягивает и насыщает...

Морок

Шел февраль. Утра серое марево
В занавешенном шторой окне...
Там глаза чьи-то... теплые, карие,
Смутный образ рождали во мне.

Сон тягучий, как патока сладкая,
Лживый, словно зыбучий песок,

В колдовскую действительность шаткую
Заманил, закружил, уволок...

Коридоры, пустые и длинные,
Синим мхом и травой заросли.
На стенах лишь портреты старинные.
Лиц не видно, сокрыты в пыли.

Я бреду в сновиденьях морочащих,
Зная, двери нельзя открывать!
Куча гоблинов, призраков полчища
Только ждут, чтоб начать убивать...

Страх сковал, ноги ватные, вялые,
Изнутри рвется крик, но, увы...
Лишь движения губ запоздалые,
Крик исчез среди мха и травы.

После этих попыток отчаянных
По щеке покатилась слеза.
Вдруг, коснувшись кого-то нечаянно,
Я увидела эти глаза –

Тепло-карие и долгожданные...
Постепенно весь облик возник,
Я услышала речи желанные,
А душа успокоилась вмиг.

Полыхнуло рассветное зарево!
И сгорели все страхи во мне...
Шел февраль. Утра серое марево
В занавешенном шторой окне...

Игр много разнообразных, добрых и не очень. Интересных и помогающих жить, коварных – загоняющих в угол. Но для меня важно, в какую бы игру я ни играла, в каком бы спектакле бытия ни участвовала,

не потерять чувство юмора и способность наслаждения самой жизнью.

А если я устану, поиграю во что-нибудь радостное, и ко мне вновь прилетит моя вдохновенная коняшка, даже если он...

Пегас усталый

Бывают дни, когда устали крылья
И ветер сильный не дает летать.
Тогда я, покрываясь толстой пылью,
Валяюсь, сплю и не хочу вставать.

Пыль никому в полете не мешала,
Стряхну ее, как только поднимусь.
Ну а пока, зарывшись в одеяло,
Как следует сегодня отосплюсь!

Пусть крылья напитаются покоем,
Чтоб тело вознести под облака.
Я отдыхаю, да. Но что ж такое –
Строчит без усталости упрямая рука!

Ложатся строки стройными рядами,
Как перья на крылах, что тихо спят.
Стихи пишу не тяжкими трудами,
Хоть не рифмую перлы все подряд.

Слагаю мягко, вкусно, с аппетитом,
Я не ищу себе задачи «по плечу».
Все окна во вселенной приоткрыты...
Вот только крылья отдохнут, и полечу!

Мария Панфилова

*Сорок четыре года
Сорри, четыре года
Сорок четыре сороки
Сорри, сорока, сори
Соли, поболе соли
Сорок четыре горсти
Сорок четыре гордости
И миллион миллионов
Предубеждений*

Если «вначале было Слово»... То есть ещё до всего?..
И если «наша жизнь... игра»...

Во что же мы играем? В жизнь? В смерть? В любовь?
В слова? В смыслы?

Как заметила Мэри Поппинс: «Не сорите словами, сэр!»
Ну что ж...

Я, всё ещё Маша Панфилова, продолжаю записывать
до-словно...

*Сколько можно ездить на сороке?
Говорит молчащая голова говорящего тела
Сколько можно любоваться её
Черно-бело-радужными крыльями?
Перебирать пёрышки на её грудке,
Зарисовывать клеточки её силуэтами,
Полосочки заполнять всех тетрадок ею?
Это такая сорока...
Сорок сорок придут
И её не заслонят
Сто слонят придут
И не заслонят
Просто сто придут...
И не уйдут.
И уйдут.
Ах, сорока, ах, зараза эдакая! –
Так и будут говорить-приговаривать
Светлые апрельские лучики.*

Микропы

(микроп или микропа – это микропеса)¹⁷

микроп 1

Действующие лица – все и Бог.

Действие первое.

Все: «С нами Бог!»

Действие второе.

Те же и Бог.

микроп 2

Действующие лица – все те же.

Действие первое.

Все: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь!»

Действие второе.

Бог: «Кушать подано!»

микроп 3

Действующие лица: Люди, Наши, Бог.

Действие первое.

Люди: «Отче наш!...»

Наши: «Нет!!! Отче – наш!»

Бог: ест яблоко.

*

Входит Посторонний.

И начинает ходить по газону.

Доходит до Неположенного Места и начинает купаться.

Заходит в метро и начинает прислоняться.

Видит, что выхода нет, и выходит.

¹⁷ Во всех стихах Марии Панфиловой сохранены орфография и пунктуация автора. – *Примеч. ред.*

Стихи и верлибры

*

Высокий
и прозрачный текст
в девяносто девять видимых строк
похож на пагоду.
Похож на прозрачную пагоду,
которая смотрит в прозрачную воду.
А рыбки в воде,
словно тени исчезнувших,
вычисляют сами себя,
играя в светлых покаях
отраженного в небе
храма,
в котором
все девяносто девять строк,
видимых при порывах ветра,
и сколько ещё
тех, что не видим?

*

А в Китай-городе
В Тикай-городе
Идёт горлышком свинец
Идёт-пойдёт
Перестанет небось
В небе кости галок
Поперёк облаков
В Тикай-городе
Втекай-вытекай
Из копытца, из футлярчика
Яузы-реки

*

и всё
и ничего
и всё

*

Что ты носишься
Со своей поэзией
Нос высовываешь мысленно
Из-за завитка
Раковины своей
Костяной-перламутровенькой?
В ночь
из ночи своей...

*

На дереве рифм
Или на Древе Рифм
Всяких плодов полно:
Ветвигибаются до земли, до неба достав...
И цветут, и зреют рифмы и рифмищи
Простые и сложные, глупые, банальные и не очень
Изысканные, умные рифмы...
И вечные, – кисляк, набивший оскомину, – "розы-морозы" и проч.
Но почему же, их обрывают первыми, не дождавшись пока созреют?
И упиваются, хоть и недолго, детским таким ощущением
Всемогущества.

*

Январьвар,
Февральгамбра,
Мартерия,
Апрельсы,
Майвенго,
Июнион, Июниор,
Июлька,
Августье, Августалость,
Сентиментябрь,
Оккультябрь,
Ноябряюки,
Декабракадабрь.

*

Тебе, находящемуся в ущелье счастья,
От меня, находящейся на горе горя,
Вниз, туда – водопада ниточка
Вверх, к вершине – тропинка-верёвочка
Боженька-боженька...
Ножнички в руках.

*

буду говорить с тобой о цветении орхидей
бормотать про себя названия на латыни
вспоминать откуда завезены и в каком веке
ты оставишь на подоконнике
график полива
и отстоянную воду
в больших бутылках

*

Лианозово лозы девиц виноград
И калиточка в чертополоховый сад
На краю одичавшего парка
И с ключами не Пётр, а Петрарка...

*

говорили дворники на санскрите
отзывались дворики на арамейском
старожилы котики в кривоколенном
гутарили гуталину у нас гуталину
понимающе покачивались качельки
пожимали плечиками детские горки
и так уже сказано очень много
а вы говорили хотите больше

*

Навёл на неё курсор
Поставил напротив галочку
И нажал: «Пометить как прочитанное».

*

отверз уста
поел
устал

*

Одинёшеньке
пикшу вкушать скушно
скушно, но вкусно
был бы супруг –
всё сожрал бы вдруг

*

сын, ты сыт?
сыт, – говорит!
ма,
сыта ли сама?

*

вначале было
мыло
потом уже
жж
теперь сам друг
фейсбук
Такова краткая история моей интернет-коммуникации

*

на ободу
свободы де
щастья колесо
вот и всю

Избранные лимерики

*

Тракторист из деревни Палёново
Был талантища определённого:
У себя на крылечке
Различал человечков
Девяноста оттенков зелёного!

*

Герр есенинолюб из Лозанны
Был изыскан и мил несказанно:
Всех своих Шагане он водил на Моне,
Всех своих Гаяне он водил на Мане,
А Сюзанну одну – на Сезанна!

*

Скромный падре из Санта-Георгио
Раз в полгода устраивал оргию:
Нарезал пол-сардинки,
Капал виски на льдинки
И читал у Платона про Горгия.

*

Двадцать лет как сантехник из Дарфа
Починяет эолову арфу.
Но на трезвую голову
Эту арфу эолову
Ненавидит сантехник из Дарфа.

*

Домработница Джоуля-Ленца
Постоянно бледней полотенца:
Не дожаришь бекон –
Не откроют Закон, –
Вот такие возможны коленца!

*

Менделеев, взыскаю Гармонии,
Оказаться хотел в Филармонии...
Но зачем? Для чего?
Предположим: всего
Лишь для рифмы с сульфатом аммония.

*

Аграфена, желая интима,
Феромон применяла активно.
Но дружок-аспирант
Испытал аккурат
Диссонанс, да и тот когнитивный.

*

«Розенкранц и Гильденстерн мертвы»

Р. и Г. для наследника Тутти
Заготовили скляночку ртути.
Но злокозненный Тутъ
Поменял эту ртуть
На полоний в одном институте.

*

Просвещенной блуднице из Ниццы
Маркс и Энгельс повадились сниться.
Популярности ради
Снились ей эти дяди,
Каждый раз обещая жениться!

Евгений Агуф

Жизнь – игра (о теме и о себе)

*Играю с жизнью в поддавки,
Со смертью – в салочки и прятки.
То сковородка жжёт мне пятки,
То вместо неба потолки.*

*Я увлечен, азартен, пьян,
Пытаюсь быть не ироничным,
Но вновь иронией привычно
Скрываю внешности изъян.*

*Живу играючи, легко,
Снимая с прожитого сливки –
Пишу и скручиваю в свитки,
Пока маразмом не снесло.*

*В душе челдон¹⁸. Живу в Москве –
Работа, дети, внуки... годы.
Порой ругаюсь на погоду,
С которой я уже в родстве.*

¹⁸ Челдон, чалдон или чолдон — название первых русских поселенцев в Сибири и их потомков.

Пустое

Журчанье рифм о том, о сем,
Как фон непринужденной встречи –
Ты мнила, я в тебя влюблен,
А мне заняться было нечем,
Вот я со скуки и наплел,
Тебе чего-то показалось...
Чего ж теперь слезой – на жалость...
Не плачь... давно забылось все.

ДА почти не значит НЕТ

Немало лет твердите «нет» в ответ,
Но это «нет» – «нет» значит не всегда,
Верней сказать – почти что никогда;
И «да» – совсем не означает «нет».
«Наверное», «не знаю», «может быть» –
Вот, это точно – «нет»... а может, нет.
А «никогда!», что призвано убить –
Скорее «да», когда вы тет-а-тет.

эмо-декаданс

слезой катился эмо-декаданс;
она вставала и опять ложилась,
влюбляясь, как в последний, каждый раз,
самообман за правду выдать силась.

она еще не знала, что потом
в пустыне дотлевающих эмоций,
придется помнить только об одном,
зажегшем все сжигающее солнце.

Сеть для наивного мужчины

О, как нам часто кажется в душе,
Что мы, мужчины, властвуем, решаем.
Нет! Только тех мы женщин выбираем,
Которые нас выбрали уже!

Н. Доризо

Расставляю сети и в них прилягу –
Вдруг он заглянет, а я готова.
За чашку кофе с пьянящим словом
Сдаёт редуты любой бродяга.

Потом он скажет, что я попалась
На запах трубки и на брутальность.
Да кто же спорит в объятых спальней...
Мужское эго – такая малость.

И пусть он верит потом, что сети
Расставил ловко, что я – простушка.
Я буду долго ему послушна...
Они наивны, почти как дети.

Кошка

Я отпустил, а ты пришла,
Как будто и не уходила...
Ничья... Привычна и любима,
Как вкус домашнего тепла.
И, словно кошка, между прочим,
Потерлась об мою печаль,
Как страж, поставила печать
На блудных мыслях новых строчек
И, помурлыкав, вновь ушла
За новой порцией тепла.

Коньяк с шоколадом

Ночной аромат коньяка с шоколадом
Пьянит чуть заметно, как твой поцелуй.
Так мало подобных ночей. Почему?
Да все потому, что они нам награда
За век безразличия к сжатым зубам
В ответ на засевшую в сердце занозу,
За год равнодушия к бабе и возу,
За день на прощанье, отпущенный нам.
Из нескольких ломтиков вкус «Вдохновенья»
Ложится стихами в букет коньяка...
Нам вспомнится в будущем все, а пока
Мы каплями пьем бесконечность мгновенья.
Пьянит ароматом ночной поцелуй,
Как будто последняя в жизни отрада,
И старый коньяк с огоньком шоколада...
Так мало подобных ночей... Почему?..

Лузер

Из глубины охрипшего молчанья
бессилья стон отчаяньем пролью,
прилажу к горлу галстука петлю...
но в зеркале увижу взгляд случайный,
с укором сожалеющий о том,
что без любви уходят вереницы
ночей, где я хотел бы ей присниться,
и снова был отложен на потом...

...решимость на лицо, потуже узел,
живот, улыбка, юмор – от винта!
и в омут повседневности с моста
шагну,
до мелочей знакомый
лузер.

Жизнь

Я тобой поутру разбужен,
Я тобой по судьбе размазан,
Ты мне сшила посмертный саван,
Но тебе я пока что нужен.

Я тобой опрокинут навзничь,
От тебя никуда не деться.
Я тобою отправлен с детства
За тебя побороться насмерть.

Наш человек в постели

(читая М. М. Жванецкого голосом Ф. Г. Раневской)

Да ты, мой мальчик – хам! Мы чуть знакомы,
А ты уже под блузой, на груди.
И все вниманье левой. Ах, уйди...
Ну вот – локтём на эрогенность зоны...
Куда пошел? Побудь еще чуть-чуть...
Да не туда, шалун... Ох, как приятно...
Вот! Да-да-да!.. Не так. Давай, обратно...
И укуси меня куда-нибудь!

О, эти звезды!..

Ах, ты так настойчив,
Неутомим и властен, будто лев.
Нет. Отойди. Совсем!

В тени деревьев
Мне вдохновенья снизошел источник!..
Блаженство неги вновь боготворю...
Не трогай, мальчик! Это – не игрушка!
Нахал! Какая я тебе подружка?!
Уйди! Противный.
Всё.

Исчезни...
Сплю.

Сергей Ворошилов

Проживаю в Петрозаводске (Республика Карелия). Кандидат технических наук, Заслуженный изобретатель Республики Карелия.

Кроме поэзии увлекаюсь охотой, спортом.

Стихи печатались в альманахах, сборниках, периодике. Член МСП «Новый Современник».

Публикуемое стихотворение заняло 1-е место в номинации «Поэзия» конкурса «Жизнь – игра», организованного МСП «Новый Современник» и МОССАЛИТом в 2016 г.

Параллель

Дела минувших лет далече.
Кровил закат над Чёрной речкой,
зимы алела акварель...
Живая цель шагнула к цели.
Капризен случай на дуэли...
Мгновенье.
Выстрел.
Параллель:

Струился дым из пистолета.
Не дрогнул мускул у поэта –
Дантес упал в горячий снег,
к груди ладони прижимая.
А снег под ним темнел и таял...

Ты что содеял,
человек?

Как ты, имевший дар пророка,
кумир славянского востока,
мог обратиться в гнев и месть?
Любя себя, а не Наталью,
сгубил ты душу глупой сталью,
назвав гордыню словом честь.

Какой кошмарный фарс и муки –
петь о любви теперь от скуки,
нарушив заповедь Христа!
Удел – брести к воротам ада
с ярмом греха «Гаврииады»
поверх нательного креста...

Злодей и гений.
Пьеса в лицах.
Был гуманист, теперь – убийца.
Душа мертва. И только плоть,

со страхом глядя на распятыё,
шепча молитвы и заклятыя,
взывает, –
смилуйся, Господь.

Кто проигравший?
Кто везучий?
Кого сберёг в тот вечер случай
и спас от многих пущих бед,
когда свершилось всё иначе,
и меток был француз незрячий,
и неудачлив был поэт?

Евгения Худякова

Мы все пришли на планету для участия в игре под названием «Жизнь». И это очень сложная и увлекательная игра, которая помогает нашему духовному росту и развитию, и мы все актеры в этой игре. Ветхий и Новый Заветы формулируют правила игры по принципу от-дать – получить. При этом надо помнить, что все люди вокруг нас – это тоже наши учителя, поэтому игра у нас коллективная.

Жизнь – это серьезно, и ей нужно соответствовать, соблюдая правила игры. Как только человек приобретает духовное зрение, он осознает, что любая внешняя дисгармония соответствует дисгармонии внутренней. Выбирая путь заблуждений и непринятия законов Вселенной, человек сталкивается с проблемами, которые никогда не заканчиваются. Выбирая же осознанный путь, мы живем по-другому – в гармонии и равновесии, преодолевая все препятствия с пониманием, благодарностью и любовью.

Привет, я Евгения Худякова. Живу в г. Королёве. По образованию юрист. Окончила Кубанский госуниверситет в Краснодаре, а также вечерние двухгодичные курсы журналистов в МГУ. Член Союза писателей России, МСП «Новый Современник», Московского салона литераторов (МОССАЛИТ), МГО «Москва поэтическая». Автор семи поэтических сборников. Печаталась также в российских журналах, литературных альманахах, сборниках поэзии и периодике. Переводилась на болгарский язык СПБ.

Ты – эхо музыки вселенской

Ты – эхо музыки вселенской,
Слушай звуки.

Все испытанья, что тебе даны,
Порождены твоим непониманием себя...
И цели на земле твоей.

Воспитывай свой дух и укрепляй –
В нем лишь нетленное убежище твое.

Твой план физический... все это ведь не ты.
Ты – это радость, вечность и бессмертье.

Чтоб к истине прийти – нужны усилья,
Ты планку потихоньку поднимай.

Свой храм души – любовью пополняй
И зажигай все свечи в своем сердце.

Когда уйдешь от мыслей и от слов,
Тогда придет всего одно лишь Слово.

Любовь – преображенье наших душ,
А также тел... Ее печать – в ладони.

Мелькают двери множества миров,
Раскрытые для наших тонких планов.

Чтоб разгадать себя –
Ключ поверни в сознании.

Хранилище твоей души должно –
Звучать во всем, оставленном тобою.

Весь мир вбирай в себя, он – только волны,
А ты – его вселенский океан.

Единство наше в единении –
Частичек наших разнородных.

Мир отражает отношение к нему,
Единство разума с душой все исполняет.

Ты получаешь то, что не приемлешь.

Себя не бойся, ты частица света всех нас –
Сливающихся в душу всех начал.

Листья сердца

Листья нашего сердца осыпает вновь осень,
И желтеют туманы среди звезд золотистых,
И в душе сожаленье и великая кротость –
Перед белым томленьем дождей серебристых,
Что молитвенным звоном на стекле замутненном
Будут снова шептать нам первобытные песни
Одиноких молчаний и таинственных странствий,
Ведь рождение смертно, мы лишь капли предвестий.

Прошедший день

Сплетает вечер косы дня – и обрезает край,
Прошедший день – история, забудь иль вспоминай.
А утро – новой тайною – за шторкою стоит,
Всю строчку дня вчерашнего – не разгадав, грустит.

Фреска

Я – дикая дочь солнцеликой природы,
Опавшая с фрески... зрачок мой иной...
Он неокругленный петлей небосвода,
Он черточкой черной блестит сквозь покой.
 Меня откопали под слоем забытой,
 Когда-то могучей и древней земли,
 В развалинах храма, где мертвые плиты
 Веками лежали в потемках, в пыли.
А ты, подошедший впервые так близко
К тем снам, где по шею сквозь Стикс я бреду,
Зовешь меня взглядом, что смертному – риском,
И руку вновь тянешь ко мне, сквозь слюду.
 Мученье дневных миражей принимая,
 Сквозь яркие краски в лиловом огне
 С земли поднялась я, твой лик вспоминая
 И фреску, что ты написал на стене.

Сознанием своим приводишь в равновесье
Ты ритмы Космоса, того не зная сам.

В одеждах времени и тел – твой дух тоскует
Без творчества, ему большая скорбь.

Танец лебедя

Шагнуть на цыпочках, меж двух миров,
Балетной пачкой след сметая снежный,
Атлас пуантов сбросить в дым костров,
Над пропастью пройти с душой мятежной.
Скользящий пух роняя в тишине,
Понять предназначенья путь незримый,
И голос совершенства в глубине
Расслышать, обходя величье – мимо.
Склонить поклон, перед Творцом времен,
Взлететь опять над черной пустотой,
Так танцем опоить, чтоб слышать стон,
Оброненный разбуженной толпой.
Прозреть в себе, два полюса цветов,
Вновь на спине увидеть прорастанье
Черневших перьев – выбежать из снов,
Забыть любовь, не слышать предсказанье.
Вновь белым лебедем кружась, восстать...
Сквозь ось земли, под звездопадом смерти,
Убив себя, в себе – не угасать,
И станцевать любовь – в безмолвном: «Верьте!»
Пусть черный лебедь воскресает... пусть,
Как не принять нам ночи неизбежность,
В созвездии Креста светлеет путь,
Познавший отречение и нежность.
Так дотанцуй, душа же... до конца.
Все оживи смертельной глубиной,
Над пропастью канат связал сердца
Своею черно-белой полосой.

Прошлые жизни

Во мне горит нить целого народа,
Ушедших предков души, как клубок,
Намотанный на новую свободу...
И голос мой среди них не одинок.
Они многоязычны, путь их долог –
От капельки росы и до меня,
Порой я слышу их уснувший холод,
И имена мои в плену огня.
Я тоже ими ведь была когда-то,
Но среди веков я растеряла даты.

Красная память осени

Серебристость паутинок жемчугами стелет берег,
И мечты взрослеют быстро, затуманивая взгляд...
Шепот музыки и ветра плавают колокольчик сердца,
Звон его на наковальне карандаш мой слышать рад.

Лист воскресный бредит лесом в золотых погонах утра,
Алое крылечко карты разбросало на углях,
Босиком – листва по клумбам и по черным стылым
лужам,
Чтоб медовыми словами расписаться на стихах.

Бог губам продрогших улиц капли слов несет на нитях
Паутинок, чьи печали на оранжевой груди –
Пьют стеклянные свиданья в ризах осени промокшей,
Чье охрипшее посланье красным почерком грустит.

Якоря стволов высоких тащат жизнь сквозь желтый
гребень,
И венки рябин в просветах примеряют ремесло –
Всех задушенных поэтов, чей престол пока не роздан,
В колее которых племя новым веком проросло.

Понять загадку времени возможно –
когда войдешь в него сквозь Абсолют.

Синие камни

Две синие звезды сорвались вниз,
Упав на дно глубокого ущелья,
Их лед сковал среди священных риз,
Где высилась монашеская келья.
Как пара глаз, светясь сквозь зелень льда,
Они ступени кельи освещали,
И люди гор, пришедшие туда,
Вдруг тайны древних знаний постигали.

На стекле морозном хрупко

На стекле морозном хрупко
Перламутровый цветок
Вьется инеем и робко
Распускает стебелек.
А луна, напудрив щеки,
Смотрит в дымчатость стекла,
Там, где мальчик луноокий
И свеча, как шар, светла.
В сердце мальчика целуя,
Карамельная луна
Дальним звуком: «Аллилуйя» –
Заманила в зеркала.
Сад атласный чуть качает
Накрахмаленный платок,
В бахrome ветвей мерцает
Белый детский башмачок.

Продли свои улыбки с миром,
Пошли ему своих глубин сверканье.

Он

Звук колокольчиков на яках,
И странников цветная нить,
Я в мантии шафранных маков
Иду, чтоб знания испить.
И вот уж монастырь Потала,
И ароматов зыбкий ряд...
Я с бритой головой устало
Смотрю, как огненно горят
Гор изогнувшиеся крылья,
Где висит тень орла
И вверх стремится без усилия
Вся многоцветная скала.
Вдруг, лиловея, тени сжались
У эбонитовых колонн,
И пальцы солнца расплескались –
То вспышкой появился Он.

Взгляд

Он вошел, но меня не заметил,
Среди бритых монахов в тени,
Взгляд его был таинственно светел,
В нем лучисто мерцали огни.
 Но я верила синей дороге,
 Что несла его тень над судьбой,
 И сожгла стыд ненужной тревоги
 Под ночью золой голубой.
Недосказанной встречи мгновенье,
Словно сад доцветающих роз,
Вдруг застыло прищуром сомненья,
Встречей глаз... где метнулся вопрос.

Проходит посвященья путь,
На уровне различном, каждый, всюду.

Цветок

Когда в душе живой цветок
рентген вдруг показал,
И врач назначил мне питья
целебного бокал,

Я поняла, что это – Ты, живой,
во мне цветёшь,
Но срок придет, и ты, как все,
тихонько отцветешь.

А как цветение продлить
в вечнозеленый зной –
Не знает этого никто,
таков удел земной.

Капля вселенной

Я – скиталец, поставивший точку на многом,
Бесконечен мой путь среди жизненных пут.
И душа, истомившись под тягостной тогой,
Вновь врачует слова, что загадочно лгут.

И они умирают, туманно растаяв,
Над горячей золой ослепленной души,
Тлится нить золотая, надежды оставив,
На рассвете закатном под шепот – спешу.

Догоняя прилив – отдаюсь океану,
Растворяясь в соленой его наготе,
Материк обнимая, смываю вновь рану.
Я – лишь капля Вселенной на древнем кресте.

Путь души

Косяк поющий журавлиный
Вонзится в алую зарю,
И клинописи зов старинный
Проступит... я заговорю...

Своей душой с далекой стаей
На треугольном языке,
И краски неба, подсыхая,
Оставят знаки на руке –

О знаниях природы мудрой,
О красной тайне вдалеке,
И путь души проступит смутно
Сквозь рябь картинок на реке.

Преображая радостью весь Мир,
Мы познаем его преображенье.

Стремление души постигнуть космос в капле,
Иное зренье открывает в нас.

Наш Мир – лишь отраженье мыслей Бога,
А также воплощенье всех существ.

Благословляя все, что происходит,
Ты каждый день свой должен начинать.

Приходит зренье через равновесье,
А колебания приводят к слепоте.

Твой внутренний огонь
От гнева гаснет.

Спокойно принимай удар волны враждебной,
Ты этим только укрепишь себя.

Закон Вселенной – мудрость и любовь,
Вбирая – отвечай аналогичным.

Проходит жизни день, и входит смерть –
Когда застой души в нас наступает.

Постигнуть должен ты свое значенье,
Сознание свое преобразив.

Как ты прекрасен, как ты важен, знаешь?
Земля и мир – нуждается в тебе.

Раскрой цветок в себе –
Постигнешь тайну тайн, иди, дерзай.

Душа закрыта... почему?
Тебе видней ответ.

В пути не останавливайся, путник,
Задачу этой жизни постигай.

Терпение – вот ключик золотой.

От приближенья Света – тьма светлеет.

Мы землю сможем уберечь от взрыва
Прозреньем нашим, сквозь духовный путь.

Все двери устремленье открывают.

Выводит знанье Истин к высоте
Различных сфер, сознание расширяя.

Наталья Пунина-Орлова

Поэт. Лирик и немного философ.

Родилась и живет в Москве.

Окончила техникум транспортного строительства по специальности «Программирование». Училась в Московском институте приборостроения на факультете прикладной математики. В настоящее время ведущий специалист отдела информационного обеспечения в страховой компании.

Член литературного объединения «Вдохновение», Московского салона литераторов (Моссалит) и еще нескольких московских поэтических клубов.

Автор четырех поэтических сборников: «Светлая грусть», «В ожидании весны», «Мечты о былом» и «Путь в Астрал». Ее произведения печатались в альманахах «Голоса России», «Созвучие», «Витражи» а также интернет-сборнике «Иерофанта.нет».

Дипломант двух районных конкурсов и лауреат V открытого конкурса-фестиваля духовной лирики и авторской песни «Вербохлёст-2016». Активный участник различных литературных мероприятий Москвы, Подмосковья и интернет-форумов.

Страница сайта Стихи.ру:

<http://www.stihi.ru/autor/ashatan183>

Что для меня игра? В первую очередь – театр. А наш мир и есть театр.

Шекспир писал: «Весь мир – театр. // В нём женщины, мужчины – все актёры. // У них свои есть выходы, уходы, // И каждый не одну играет роль». И роли у нас действительно разные – от трагических до гротескных, от романтических до комических. До космически-фантастасмагорийных! В какой же роли я вижу себя? Дайте подумать... В роли марионетки-канатаходки. Такого оторванного и от земли, и от неба персонажа, связь у коего с миром остается лишь в виде тоненьких, не всем заметных, нитей-линий. Линий судьбы. И вот он (или она, в сущности, это не важно) ступает, закрыв глаза, в непознанное. А ветер, ветер странствий ли, перемен, слегка развевая волосы и одежды, влечет и манит. Манит куда-то вдаль. Шаг в бесконечность и... Кто знает, что там загоризонтом? Меня там еще нет. Странно. Быть может, даже несколько абсурдно? Вероятно. Как любая игра, да в сущности, как и сама наша жизнь...

Театр кукол и теней

Когда сердце мое гложет
Острой болью все сильней,
Вспоминаю, что живу я
В театре кукол и теней.

Действие от нас зависит?
Разве можем это знать...
И сюжет нельзя предвидеть
Да потом переписать.

Коль лихая неудача
Подпалила крылья мне,
Что, стеная, горько плачу
И брожу, словно во сне:

Я себе напоминаю,
Все обиды затая,
Что одно лишь твердо знаю,
Не живу – играю я

В театре роли проходные,
Уготованные мне,
На скамейке запасные
Блекнут тени на стене.

Куклы мы, но кукловодов
Планы – не легко узнать.
Нужны месяцы и годы,
Чтоб хоть что-нибудь понять.

Кто же эти кукловоды?
Не сумею объяснить.
В наших бедах и невзгодах
Никого не обвинить.

* * *

Я тут подумала: а вдруг
И куклы мы, и кукловоды?
Все то, что видится вокруг
Нежданную сулит Свободу!

Вдруг все то, что у нас внутри
Важно не меньше, чем снаружи:
С угла иного посмотри –
И заискрятся Светом Души.

Наш Мир окажется не тем,
Каким казался изначально...
Падут границы насовсем,
И смысл откроется сакральный!

* * *

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу.

*Данте Алигьери. «Божественная
комедия»*

Пытаясь смысл вещей понять глубинный,
Я оказалась мыслью меж миров,
Как в Дантовом предании старинном,
То ль наяву, то ли в оковах снов.

На горизонте плавно рассветало,
Но не было ни Солнца, ни тепла...
Свои я очертанья обретала,
Не чувствуя добра, не ощущая зла.

Как тихо здесь, лишь ветер, зазывая,
Повлек меня в тумане голубом
Куда-то вдаль. И, в ощущеньи пребывая
Престранном, мы спешили с ним вдвоем.

С открытыми глазами, но не глядя,
Доверясь, я летела все вперед.
И сталагмиты дергали за платье,
И птицы провожали наш полет.

Я здесь, и нет. Так, словно на излете,
Откуда-то куда-то я лечу.
Как в песне о ковре том вертолете,
Я заглянуть за занавес хочу!

За занавес, за занавес разлуки,
Унылых будней, ложной суеты,
Людского театра пресного «Кабуки»,
Где не понятно кто: где я, где ты...

Меня здесь нет. Наверное, не будет.
Я существую в измерении ином.
Без сожаленья к чувствам, странам, людям
Я таю – золотая в голубом...

* * *

Какой великой красоты,
Какой таинственной тоски
Полна Природа!
Ее покровы так чисты,
Пленительны так, глубоки
И первородны.

Скажи, художник, сможет кисть
Твоя ее изобразить
Во всем величьи?
Ответь, талантливый поэт,
Сумеешь ли раскрыть секрет
В ее обличьи?

И дан ответ мне был такой:
«Изображать красу – изволь –
Мое призванье:

Ее сумею разглядеть,
Запомнить, чтоб запечатлеть
Ширь Мирозданья.

Лишь не пытаясь сотворить
Того, что нам не повторить
Вслед за Всевышним,
Не стану я изображать –
Читай, копиром повторять –
То было б лишним.

Но, наслаждаясь красотой,
Возьму я колер красок свой,
И этим цветом
Сумею взгляд свой передать,
Коль посчастливится создать,
Черкну сюжетом.

Природе свежий дам аккорд,
Дай Бог, чтоб не наперекор,
А в такт Творенью
Возникнет вдруг из-под пера,
Как звуков чистая Игра,
СТИХОТВОРЕНЬЕ!»

* * *

И только пачка смятых сигарет
Лежит на подоконнике углом наизготовку,
В изломанной слюде бликует лунный свет,
Притягивая взгляд рекламой упаковки.

И словно говорит, что выигравших нет
В пародии с названием «Искусство»:
Все роли сыграны, в партуре гасят свет,
А Души в ложе втиснуты Прокруста...
И Богом брошены на свалку наши чувства.

Литературно-художественное издание
МОСКОВСКИЙ ДОМ

Выпуск № 8

ПРОГУЛКА ПО ИГРЕ

Руководитель проекта «Московский Дом»
Ольга Грушевская

Подготовка оригинал-макета и дизайн
Группа «Московский Дом»

Редакторы
Ирина Чижова
Всеволод Круж

Консультант
Ольга Рыбакова

Обложка
На первой странице
Игорь Бурдонов «Детектив», 2016, фотошоп.
На четвертой странице
Игорь Бурдонов «Сферамахия», 2016, фотошоп.

Компьютерный дизайн обложки
Алексей Старобурасовский

Подписано в печать 05.03.2017 г. Формат 60х90 1/16
Усл. печ. л. 11,63. Тираж 140 экз.
Заказ № М01_0810_008

Московский салон литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru
Отпечатано в «онтоПринт»
www.ontoprint.ru

Серия книг «МД» Современная поэзия и проза МОСКОВСКИЙ ДОМ

Серия книг «МД» представляет собой литературно-художественное издание и включает как поэтические, так и прозаические произведения различных жанров: реализм, детектив, фантастика и фэнтези, мистика и приключения, мистический реализм, пьесы.

И хотя преимущество имеют московские авторы, члены МОССАЛИТА и Московское региональное отделение МСП «Новый Современник», составители сборника также будут рады гостям из других регионов и даже стран. В сборнике «МД» всегда найдется место талантливым и разносторонним авторам.

Заявки на участие в проекте, приобретение книг:

stephania_05@mail.ru

Концепция:

<http://www.mossalit.ru/moskovskii-dom/kontseptsiya.html>